

12 СМЕНА

ноябрь 87

Открываем Институт молодежных проблем
Лариса Горбунова: «Работаю следователем»
Что такое Экополис? Проблемный репортаж
Василий Росляков. Вместе с Л. Леоновым
Пушкин и Жуковский. История дружбы
Уэйн Гретцки. Путь в профессионалы
Татьяна Смертина. Новые стихи
Слово женщины. Письмо читательницы
Братья Стругацкие. «Сказка о Тройке»

Виктор МАЛАХОВ
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ИСТИНА ТОЛЬКО ОДНА

«Так кто же начал драку?»

ОТ СЛОВ
К ДЕЛАМ:
ДЕЛЕГАТ
КОМСО-
МОЛЬСКОГО
СЪЕЗДА
ЗА РАБОТОЙ

За рекой Сакмарой кончился город. Едем проселком вдоль полей под горизонт. Вот наконец и Воскресеновка. Как обычно по субботам, в деревне уже затапливали баньки, готовились к выходному. И вдруг — приезд автобуса с бригадой Оренбургского РОВД. Хотя все, кроме участкового, были в штатском, «уличный телеграф» в считанные минуты известил о нашем приезде деревню. Комсомольская рейдовая бригада немногочисленна — обойти бы хоть часть домов, указанных в списке. Протиснулись в первую калитку, поднялись на крыльце с терраской, постучали.

— Мы из милиции, — представилась следователь Лариса Горбунова, — проверяем паспортный режим — прописку и прочее, а также пожарную безопасность. Принесите, пожалуйста, паспорта, а мы глянем электропроводку, печь, дымоходы...

Такая проверка называется комплексной, но если уж нагрянули с ней, значит, ищут еще нечто, пока неназванное. В этой избе «нечто» обнаружилось на печи: две фляги с брагой, по сорок литров каждая, а в гараже бак из нержавейки литров на двадцать.

— Ну, мамаша, а змеевик-то где?
— Чего?

— Змеевик должен быть к этому аппарату. Сами покажете или мы будем искать? Давайте уж по-хорошему:несите сразу все — и мы быстрей закончим.

— Да что вы, какой такой змеевик? Не было никакого змеевика. — А у самой глаза бегают: поверят — не поверят? — Да то ж бак просто, для домашнего вина. Понюхайте, ничем же не пахнет. Вы его не забирайте — он нужен в хозяйстве.

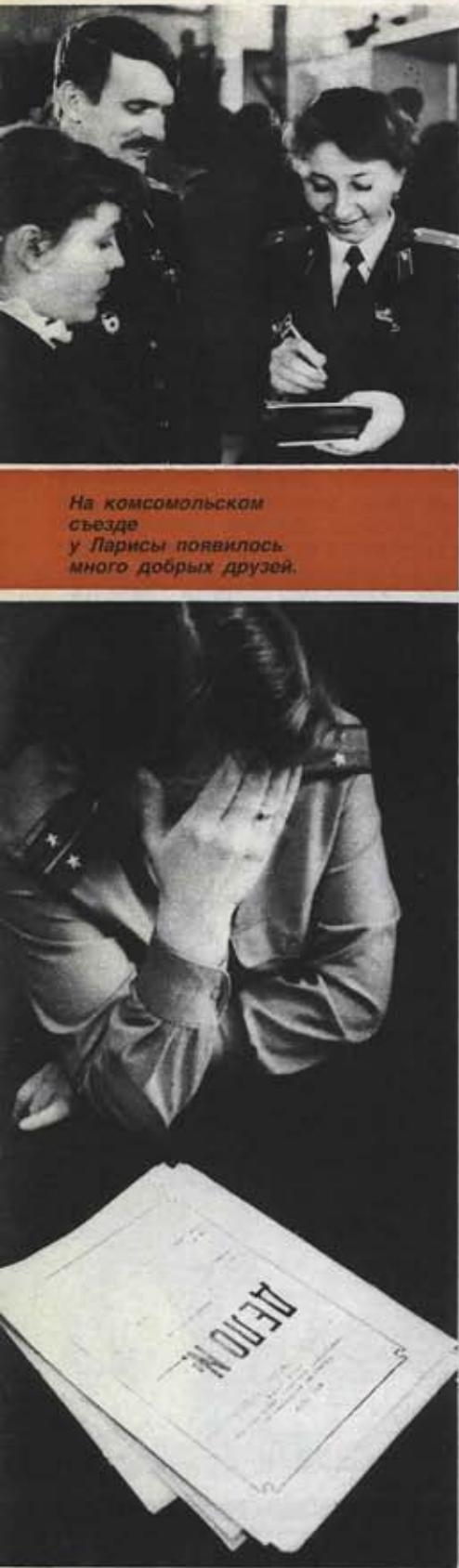
— Знаем, зачем он нужен, потому и забираем. А перегоняли как, без змеевика-то? В банке что у вас?

— Так, попробовали чуток, в кастрюльке над паром — не знал выйдет, не знал нет. К дочкиной свадьбе готовились.

— И эти бидоны тоже? — допытывается Лариса. — Да вы что? Всю деревню можно споить.

Вместе с участковым Иваном Николаевичем Никоновым записывают объяснения, составляют протокол и акт изъятия. «Не продавала я, — твердит баба Лена, — оговор это! От зависти все. Как бог свят, дочке ж к свадьбе поставили».

Разумеется, самогонщик не в состоянии всерьез конкурировать с ликеро-водочным заводом, а вот свести на нет меры по ограничению производства спиртного он может. Тем более в деревнях, где расчет за услуги неизменно переводится на бутылку. Привезут бабке дров — гони пол-литра. А где его взять, если в магазине нет? И идут на поклон

На комсомольском
съезде
у Ларисы появилось
много добрых друзей.

А дело казалось простым!

к соседке и платят ей за «добро» деньгами или чем возьмет...

В таких рейдах секретарю комсомольской организации Оренбургского районного отдела внутренних дел Ларисе Горбуновой приходится участвовать едва ли не каждую неделю. И называется это работой по профилактике правонарушений. Но главные ее обязанности другие: ведь она следователь.

Из разговора с Ларисой ГОРБУНОВОЙ: «Сначала-то желание было немножко другое — стать криминалистом. С мамой не раз приходилось спорить. Она считала, что не женское это дело, и вообще хотела, чтоб единственная дочка стала врачом. Но, как выяснилось, я крови боюсь. И сейчас вот, когда выезжаю на дорожные происшествия, мне как-то не по себе. Но понемногу стала привыкать. Нет, теперь все, конечно, не так, как прежде, уже не надо доказывать, что моя профессия вполне женская.

С поличным...

И мама, и муж относятся с пониманием. Тут как-то подняли меня на проишествие в четыре часа утра, смотрю, и Андрей вскочил. «Ты чего, — говорю, — лежи уж». «Да завтрак тебе соберу, а то ты спешишь». Приятно, когда понимают. Вот начальник нашего следственного отделения Лидия Семеновна Ибрагимова. Сколько она с нами, новичками, повозилась — понянчилась, не рассказать. Вроде и дела нам поручают пока довольно простые — и в институте, и на сборах такие ситуации прокручивали, — и все равно боишься ошибиться, бежишь с вопросами к старшим. А у Лидии Семеновны опыт огромный, самую суть дела сразу ухватывает и ни одной мелочи не упустит. Мне бы так. Я же следователем первый год только, и законченных дел у меня и десятка не наберется. Хотя всего в этом отделе милиции уже пять лет. Пришла сразу после школы, работала паспортницкой, вечерами училась

в юридическом и все присматривалась к работе наших асов и представляла себя на их месте — как бы я вела сложное расследование? В мечтах оно все просто...

Что еще? Секретарем комсомольской организации вот уже третий срок, а в этом году выбрали меня делегатом XX съезда ВЛКСМ.

Среди делегатов были и работники милиции. Всех нас, как выяснилось, заботит, что престиж милиции не всегда на высоте. Лично мне съезд открыл глаза на возможности и права комсомола, которые пока слабо используются. Мы, делегаты, договорились сохранить наши мандаты как обязательство осуществить все, что вместе задумали. Долгое время в Оренбурге не решается вопрос о строительстве молодежного жилого комплекса для милиционерских работников. Помочь сдвинуть дело с мертвой точки — это сейчас и мой долг...

— Ну-ка, ну-ка, ты что мне говоришь? Вот на предварительном дознании твои же слова? Нет уж, Саша, раз начал, говори все, как было.

По другую сторону стола парень восемнадцати лет — один из участников прошлогодней драки в клубе. Дебоширы тогда отделались 50 рублей штрафа. По настоянию потерпевшего дело возбуждено вновь.

— Так как же, шумели вы в клубе или не шумели? А? Сеанс-то соимвали?

— Ну, мы вышли, и кино снова пустили, — отвечает неохотно, не поднимая головы.

Из протокола предварительного дознания: «В пятницу пошли в магазин. Нас не пустили. Попросили мужчину, он взял нам коньяку — 4 бутылки. Поехали домой, в роще выпили. Было часов семь, пошли в поселок, решили кино посмотреть. Фильм уже шел, мы стали в соседней комнате играть в бильярд. Павел Анисимо-

вич, завклубом, отнял у нас кий. Тогда мы пошли в зал и сели. Он зажег свет, стал нас выгонять из зала. Мы вышли и стали гонять шары по бильярду без кия. Завклубом ударили кого-то по спине кием, я вырвал у него кий и ударил его по лицу. Он побежал за дружинником, но мы не знали, что это дружинник. Тот вывел одного из нас за шиворот и толкнул. Тогда мы его начали бить..."

— Ты сам лично бил?

— Стукнул несколько раз, потом отошел.

— А когда свалили, избивал?

— Нет.

— Кто ударил ногой в голову?

— Не помню, пьяный был...

Нет, они не верят, что с ними может случиться что-нибудь серьезное. И голос следователя — доброжелательный и, кажется, сочувственный — не предвещает вроде бы расплаты. Тут же и отец одного из них, ему тоже непонятно:

— Ну, выпили парни, подрались, с кем не бывает? Казнить их, что ли? Зачем же суд, при чем тут суд? Двое из компаний уже служат, и этим вот-вот в армию идти. И ради чего весь сыр-бор? Ах, ради торжества справедливости? Что же, парням жизнь сломать — это справедливость?

Из разговора с Ларисой ГОРБУНОВОЙ: «Выпили, пошлили». Послушать, так сама невинность. А что эти ребята зверски избивали человека — вроде бы и ничего особенного (молодые-то они молодые, а кулаки вон какие). Лежачего ведь били, ногами, могли бы и убить так, в пьяном угле. Приходило это в голову по-чтенному родителю?

Да, действия парней подпадают под часть вторую статьи 206 — и тут уж не штрафом пахнет. Может, и не стоило бы ворошить тот давний случай, когда все, казалось бы, уже в прошлом? Нет, оказалось, не сработала та самая неотвратимость наказания. Ведь был же суд, а что переменилось? Вот они ходят по поселку героями да еще издеваются в глаза:

— Ну что, дружинник, голова не болит?

За обычную драку, дескать, только на 25 рублей штрафуют, а за дружинника подороже? Да такое кого хочешь возмущит. И я понимаю потерпевшего. Вот теперь снова будет суд, станет ли он уроком для них? Осознают ли, наконец, тяжесть содеянного или опять только сделают вид?

...Узнать бы, почему они так упорно отрицают участие в драке четвертого из компаний, ведь в клубе он тоже был? Что он, стоял в стороне, разнимал или все же был вместе со всеми? Тогда почему его покрывают? Нет, еще много неясного в этом деле. Почему же предыдущее следствие не установило истину? Что это — расширительное толкование кодекса или все-таки следственная недоработка? А если и я ошибусь? Как смогу работать после этого?..

Честь мундира... Как понимать ее защиту? Замалчивать следственные ошибки, делая вид, что их нет вовсе, что люди, служащие правосудию, вообще ошибиться не могут, а любые разговоры об этом лишь подтасывают авторитет работников? А может, подлинная защита части мундира в том, чтобы каждую ошибку рассматривать как чрезвычайное происшествие и стремиться немедленно ее исправить, восстановить справедливость, чтобы неотвратимо наказывались действительно виновные? Что и говорить, нелегок хлеб следователя — халатность, недобросовестность в этой профессии, как и беспечность врача, оплачиваются по самому высокому счету. И каждое новое дело — экзамен, потому что нет одинаковых дел: даже там, где, казалось бы, все очевидно, не раз придется задумываться...

...В конце недели дежурного следователя Горбунову вызвали на происшествие. Директор одного совхоза вместе с бухгалтером и прорабом возвращались из города, когда дорогу им пересекла подвода, с которой свисал клюк люцерны. Вот с этого клочка сена все и началось. Известно же, с кормами в конце зимы тяжело. Решили остановить и проверить: откуда? Под сеном оказались два мешка комбикорма и полмешка сухого молока. Возница — молодая женщина — в совхозе не работала, а на ферме подменяла заболевшую сестру. Вот и «подменила».

Вроде бы все очевидно. А на сельском сходе все стали неожиданно защищать воровку, жалеть ее. Нехорошо, конечно, получилось, говорили сельчане, виновата она, но что ей оставалось делать, скажите, коли муж семью не может обеспечить?

Ну, уж воровство это обстоятельство никак не может оправдывать. Все украденное с фермы взвешено, оценено, внесено в протокол. Хищения в крупных размерах хотя и нет, но суда все равно не избежать. Поголовечки Горбуновой и жаль женщину — все же трое детей, а закрыть глаза на факт кражи — дать другим пример безнаказанности. Так и будут воровать дальше. Об этом говорил на сходе директор совхоза:

— Я знаю, для вас директор плох, потому что ведет учет общественному доброму и хватает несунов за руку. Хотя вам известно, как достаются совхозу эти корма. И все-таки я не хороши! Зато зоотехник куда как хороши: на все готов глаза закрыть. А почему? Да потому что у самого рлыце в пушке...

Горячо говорил директор, но, похоже, не слишком убедил собравшихся. Особо сердобольные продолжали просить, чтобы Ольгу не наказывали, оставили на поруки (а может, и кражу с фермы не считали особым грехом — не у соседа же из амбара?).

В своем выступлении Лариса пыталась у说服ить сход. Она тоже волновалась и горячилась:

— Не я определяю меру наказания — это суду решать. В своем заключении я напишу все, что мне известно. А вот как вы-то оцениваете данный факт? Просто как досадную случайность? Значит, не попадись Ольга с ворованным на глаза директору, все осталось бы по-прежнему?

Виновница сидела в сторонке и горько плакала. Казалось, этого позора ей бы хватило на всю жизнь. Чего бы только не отдала она сейчас, чтобы все случившееся оказалось сном...

Трудно в такие минуты лейтенанту Горбуновой. И дело-то, в общем, простое — откуда же эти задачки повышенной сложности? Жалко вот Ольгу. За тех мальчишек-бузотеров обидно. Да и самогонщицу бабу Лену из Воскресеновки по-своему жаль.

Чувство и долг. Могут ли они быть в постоянном согласии? Или всегда необходимо выбирать? Поддаться чувству жалости — отринуть долг? Или забыть о жалости ради долга? Такая внутренняя борьба знакома, конечно, многим, только для следователя эти «инженеры» все же остree: от его выбора зависит чья-то судьба. Всех можно понять. Понять — значит простить. Но ведь закон один для всех, нарушил — отвечай.

Закон суров, но это закон, говорили древние. Суровый, но закон. Альтернативой ему может быть только беззаконие.

Как часто прежде в нашем обществе ложная доброта оборачивалась попустительством. И как часто «добротой» этой пользовались люди без совести. В примерах недостатка нет. Сегодня мы понимаем, что настоящая доброта в другом. И потому такой спрос на людей порядочных, честных. Людей долга.

СМЕНА

ИНСТИТУТ МОЛОДЕЖИ

Молодежь и перестройка, молодежь и ускорение — актуальнейшие темы дня. Они требуют тщательного изучения, системного подхода. Поэтому мы решили вместе с учеными научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ открыть на своих страницах Институт молодежных проблем. Конечно, наш институт не будет похож на некое научное учреждение. И все же мы постараемся, чтобы круг изучаемых проблем, волнующих сегодня молодежь и комсомол, был достаточно широк. Вот некоторые из тем, над которыми работают наши авторы.

Комитет комсомола и самодеятельные объединения молодежи в свободное время. Идеалы, интересы и ценностные ориентации молодежи. Эстетическая культура молодежи и пути ее формирования. Молодая семья и пути ее стабилизации. Как молодежь чувствует перестройку и как чувствует в ней? Молодежь и общественное мнение.

НЕФОРМАЛЬНАЯ ГРУППА. ИЩЕМ СЕБЯ

Исследуем проблему

Валентина ЛЕВИЧЕВА,
доктор философских наук

ЧТО ВОЛНУЕТ МОЛОДЫХ

ОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ

Настоящее и будущее неформальных групп и объединений. Досуг. Что это — отдых, процесс познания или работа после работы? Рок-музыка — развлечение или философия?

Образован совет института. В его составе: доктор философских наук Игорь Ильинский (председатель совета), Валентина Алексеева, Валентина Левичева, Владимир Шубкин, кандидат экономических наук Виктор Переведенцев, кандидаты философских наук Сергей Плаксий, Владимир Чупров.

По просьбе редакции готовят статьи для нашего Института молодежных проблем доктор философских наук Юрий Давыдов, доктор исторических наук Леонид Гордон, писатель Леонид Жуховицкий, доктор философских наук Борис Грушин, кандидат исторических наук Ксения Мало.

Особое внимание будет уделяться письмам читателей, все предложения — тщательно изучать-

ся и анализироваться. И, конечно, никакое социологическое исследование не может обойтись без анкетирования. Поэтому мы будем регулярно печатать анкеты для читателей «Смены».

В последнее время все чаще и чаще в печати и в разговорах стало появляться сочетание «неформальные группы». Что это — объединения по интересам, стихийно сложившиеся коллективы, откуда они взялись, в чем причины их возникновения, какой социальный смысл несут они в себе? Над этими вопросами в статье, которую мы публикуем под новой рубрикой, размышляет философ Валентина Левичева.

Предлагаем читателям заполнить и первую анкету, вырезать ее и прислать в редакцию. Все анкеты после изучения будут использованы нашими авторами при подготовке материалов для Института молодежных проблем.

Сегодня мы обращаемся к прессе, надеясь узнать нечто новое о себе, своих детях, близких и соседях — обо всех нас, о нашем обществе, каждый раз глядываясь, чтобы удовлетворенно кивнуть — похоже! Или раздраженно скривиться — опять трескотня! Но часто действительно трудно определить: похоже или надуманно? Старые трафареты, которыми мы пользовались, определяют достоверность собственного изображения, рассыпались в прах. А как быть с новыми?

Что ни день — публикации о «неформальных» группах и самодеятельных объединениях молодежи. Но чем больше статей, тем меньше ясности. Спорно все. И терминология (почти всем не по душе термин «неформальные», появившийся в разгар борьбы с формализмом), и оценка молодежных объединений (негативная или позитивная), и социальное содержание молодежной инициативы. Последнее, на мой взгляд, самое важное. Наверное, вскоре мы поймем, почему возникли новые явления в молодежной среде, где их истоки. Анализ причин распространения стихийно возникающих молодежных объединений должен дать ответ на принципиальный вопрос: что нового вносят они в наше общество? Что дают всем нам? Что меняют в системе общественных отношений?

КОВАРНАЯ СТАТИСТИКА

Надежным компасом в море проблем принято считать статистику. Обратимся к ней и мы. Казалось бы, чего проще? К вездесущей статистике апеллируют и участники бесчисленных ныне дискуссий, посвященных проблемам молодежи, — и ученые, и энтузиасты, и культпросветработники, и юристы, и сотрудники МВД. Но стоит приглядеться повнимательней, как тут же замечается: «заинтересованные лица» с горячностью рассуждают, казалось бы, об одном и том же, однако при этом каждый тянет «одеяло» на себя, для убедительности размахивая ведомственной отчетностью.

Культпросветработники, например, орудуют просто астрономическими цифрами. По их подсчетам, количество «любительских объединений» уже давно превышает десятки тысяч. Бессспорной признается необходимость наращивать клубную базу (материально-техническую, организационную, финансовую) для максимального приспособления ее к тем 150 видам досуговых увлечений, многие из которых реализуются сегодня в «неформальных» группах.

Логика, лежащая в основе разбухшей профсоюзной статистики, проста и понятна: стоит собраться «ка-

АНКЕТА ИМП

Судя по письмам в «Смену», многие читатели являются членами различных самодеятельных (неформальных) объединений. С помощью анкеты, которую мы предлагаем вам, уважаемые читатели, мы рассчитываем получить об этих объединениях более подробную информацию.

Итак, если вы считаете себя участниками какого-либо самодеятельного (неформального) объединения, просим вас ответить на вопросы нашей анкеты.

Обведите кружком номер того варианта ответа, который соответствует вашему мнению. Полученные результаты будут обработаны на ЭВМ, поэтому каждый ответ имеет свой шифр.

1. К КАКОМУ НАПРАВЛЕНИЮ ВЫ БЫ ОТНЕСЛИ СВОЮ ГРУППУ (ОБЪЕДИНЕНИЕ)?

(Нужно отметить только один вариант.)

- 01 — трудовые объединения
- 02 — группа технического творчества
- 03 — самодеятельные объединения в области образования и воспитания
- 04 — экологическое движение
- 05 — движение за охрану и восстановление историко-культурных памятников
- 06 — творческие группы в области изобразительного искусства
- 07 — любители современных танцев
- 08 — самодеятельные объединения в области театра, кино, пантомимы, дизайна
- 09 — исполнительские музыкальные группы (рок, джаз, классическая музыка, фольклор)
- 10 — клубы самодеятельной песни
- 11 — группы любителей современной музыки (прослушивание) и «фан-клубы» поклонников отдельных исполнителей
- 12 — общественно-политические клубы
- 13 — спортивно-оздоровительные и игровые объединения
- 14 — группы общения
- 15 — движение за здоровую семью
- 16 — группы социальной взаимопомощи (помощь больным, старикам, инвалидам, детям)
- 17 — движение за сохранение национальной самобытности
- 18 — группы интересующихся религиозными учениями и восточными культурами (йогой, даэн-буддизмом и т. д.)
- 19 — группы предпочитающих свой стиль одежды и поведения — другое (укажите, пожалуйста)

20

21

22

2. ИМЕЮТСЯ ЛИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВАШЕГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА (ПРЕДЛОЖЕНИЯ НОВЫХ ИДЕЙ В СФЕРАХ ТРУДА, ЭКОНОМИКИ, ПОЛИТИКИ, КУЛЬТУРЫ И Т. Д.)?

24 — да

25 — нет

3. ЕСЛИ ДА, ТО В КАКОЙ ОБЛАСТИ?

- 27 — труд
- 28 — экономика
- 29 — социальная сфера
- 30 — политика
- 31 — культура
- другие (напишите)
- 32
- 33

4. КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЗВЕСТНЫХ ВАМ САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ МОЛОДЕЖИ?

- 35 — эта деятельность в целом соответствует основным направлениям политики перестройки в нашем обществе
- 36 — эта деятельность в целом не соответствует основным направлениям политики перестройки в нашем обществе
- 37 — затрудняюсь в оценке

5. ЧТО ПОБУДИЛО ВАС СТАТЬ ЧЛЕНОМ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО (НЕФОРМАЛЬНОГО) МОЛОДЕЖНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ?

- 39 — потребность в физическом совершенствовании
- 40 — потребность в духовно-нравственном совершенствовании
- 41 — желание принести пользу людям, участвовать в совершенствовании общества
- 42 — желание избавиться от одиночества и быть понятым другими людьми
- 43 — вместе лучше и веселее отдыхать
- 44 — желание улучшить материальное положение
- 45 — необходимость в коллективной защите
- 46 — познавательные и любительские интересы
- 47 — желание обрести независимость
- 48 — желание быть замеченным, обратить на себя внимание окружающих
- 49 — потребность в творческой деятельности
- другое (укажите, пожалуйста)

50

51

53

6. КАКОВО ВАШЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ?

- 55 — учащийся средней школы
- 56 — учащийся ПТУ
- 57 — учащийся техникума
- 59 — рабочий
- 60 — служащий
- 61 — инженерно-технический работник
- 62 — научный работник
- 63 — работник в сфере культуры (искусства)

7. ВАШ ПОЛ?

- 65 — мужской
- 66 — женский

8. ВАШ ВОЗРАСТ?

- 68 — до 17 лет
- 69 — 18—20 лет
- 70 — 21—23 года
- 71 — 24—30 лет
- 72 — свыше 30 лет

ким-то» любителям «чего-нибудь», их тут же можно объявить новым «объединением по интересам», завести на них учетную карточку и тем самым включить в орбиту отчетности.

Последствия подобной статистической всеядности нетрудно предвидеть. Если наблюдается рост молодежных любительских объединений, то его можно и планировать. А планируем в культуре мы пока все тем же пресловутым способом «от достигнутого». Вот и оказывается Андрей Сорокин, заместитель директора Дворца культуры ВЭФ, перед дилеммой: либо в угоду отчетности увеличить количество любительских молодежных объединений в 1987 году в полтора раза, либо не выполнить плановое задание со всеми вытекающими последствиями.

Бессспорно, работа по созданию любительских объединений необходима. Хвала и честь работникам культуры, добросовестно ее ведущим. Коварство клубной статистики в другом: рост количества зарегистрированных в клубах ведомствах «любителей» никак не сказывается на состоянии дел в «неформальных объединениях» молодежи. Казалось бы, увеличим в сотню, в тысячу раз объем регистрационных карточек, дадим задание Андрею Сорокину приютить у себя во дворце еще десяток-другой молодежных групп (не отчитаться на бумаге за них, а именно приютить!) — и ситуация с «неформальщиками» нормализуется, количество их резко пойдет на убыль, так как большинство перейдет под клубные крыши и станет объектом планомерной работы. Но жизнь не поддается административному схематизму. Социологи подсказывают, что две трети членов неформальных групп не перешли бы в объединения, хоть и отвечающие их интересам, но созданные при учреждениях культуры. Даже если они будут ближе к дому.

Выходит, счетчик профсоюзной статистики крутился впустую, а мы по-прежнему в пленах валовых показателей? Разберемся, что же он считает.

А считает он объединения, в основе которых лежит интерес к какому-либо занятию. В недавно принятом (и предварительно согласованном в 12 министерствах и ведомствах!) Положении о любительском объединении перечислены почти все направления их деятельности. В этом-то механическом последовательном перечислении и скрыт парадокс: в одном ряду оказываются любители аквариумных рыбок и рок-группы «Аквариум», собаководы и члены политических дискуссионных клубов, актюристы и защитники исторических памятников. Все зачислены на равных: любители аэробики и фантастики, футбольные болельщики и театралы, меломаны и нумизматы, авторы песен и изобретений, поклонники балета и сыроедения... Любой интерес в сфере досуга теперь защищен замечательным документом.

Но профессиональное чувство мешает мне успокоиться, досаждает вопросами. Правомерно ли вообще подобное перечисление самодеятельных объединений молодежи? Соизмеримы ли они? Что если социальная природа их различна?

Что же получается? За словечком «интерес», привычным уравнять в правах все самодеятельные молодежные объединения, бесспорно, скрыты разные и часто несопоставимые **общественные** интересы. В одном случае — это интерес к хитросплетениям вязальных спиц, а в другом — интерес к защите окружающей среды или к внедрению технологических новшеств. Социальное содержание этих интересов отнюдь не тождественно.

Трудно загнать в рамки досуговых интересов существующее с 1960 года многотысячное движение студенческих дружин по охране природы. Не вместить в прокламацию ложе профсоюзных классификаций и растущие ныне молодежные объединения, связанные с трудовой сферой, с решением крупных общесоциальных, экологических проблем, с экспериментами в области воспитания, образования и организации общения, проводимыми в МЖК, и многое другое.

Вот почему, я думаю, самодеятельность молодежных групп ни в ближайшие годы, ни в будущем не перельется в предуготовляемый ей прекрасный сосуд клубных учреждений, а будет, несмотря на фанфарную статистику, тем мерцающим огоньком, который еще немало нервов попортит всем, кто любит «решать вопросы» под одну гребенку.

НА КОГО ОНИ ПОХОЖИ?

Однако не будем наивными, сегодня «шикарной» статистике далеко не все склонны доверять. У нее появились сильные конкуренты. Один из них — пугающие, иногда прямо-таки зловещие зарисовки некоторых «неформальных» молодежных групп, мелькающие на страницах печати. Почти каждый день рождаются обоймы броских названий, подобных шаманским заклинаниям: «панки», «любери», «фураги», «митки», «фанаты», «ватники», «фуфаечники», «системщики».

«металлисты»... И всех их тоже причисляют к неформальным объединениям.

Конечно, далеко не все подобные газетные публикации равнозначны и позволяют разглядеть за смачно описанным гардеробом «неформальщиков» реальное социальное явление. Тем не менее они подводят нас к вопросу принципиальной важности: что же считать негативным в молодежной среде? Каковы причины появления молодежных групп антиобщественной направленности? Что разграничивает позитивное и негативное в самодеятельности молодежных объединений?

Это сейчас вопросы у нас растут, как снежный ком. А ведь еще несколько лет назад мы заранее знали на них ответы. Именно благодаря этим ответам в общественном сознании сложилось несколько расхожих штампов, по которым оценивались новые явления в молодежной среде. Некоторые из них не изжиты до сих пор. К примеру, для многих участников дискуссий по проблемам молодежи мысленной моделью неформального объединения становится группа раскрашенных подростков, избравших кумиром певца, спортивную команду или музыкальный жанр и выделяющих себя чаще всего наиболее доступным способом — деталями одежды.

Действительно, подобных групп молодежи сейчас немало. Поклонники, нередко именующие себя фанатами, сосредоточены в многочисленных фан-клубах. В Ленинграде, например, активно действуют клубы поклонников рок-групп «Алиса», «Аквариум», «Секрет», несколько объединений «металлистов», фан-клубы «Айсберг» (поклонники А. Пугачевой) и «Вероника» (поклонники В. Леонтьева). Поклонники металлического рока — это в основном выпускники ПТУ, учащиеся техникумов и молодые рабочие. Время пребывания в фан-клубе обычно год-два, после этого увлечение вытесняется либо житейскими заботами, либо другими интересами. Надо иметь в виду, что сама музыка «хэви метал» — это наиболее экспрессивная, с жестким ритмическим рисунком, эмоционально наярженная, неусложненная часть рок-музыки. Поэтому неудивительно, что ее поклонники «реактируются», как правило, из тех, кто вырастает в эмоционально обединенной среде, включен в достаточно однообразные виды труда и общения, нередко испытывает дефицит социальной поддержки.

Любопытно, что доля правонарушителей из числа «металлистов» не выше, чем в любой другой молодежной среде. По свидетельству Бориса Малышева, руководителя дискотеки «Невские звезды», «пасущего» одну из наиболее многочисленных групп поклонников «тяжелого металла», его подопечные отличаются организованностью и с милицией не конфликтуют. Среди «металлистов» встречаются и студенты, и молодые люди с высшим образованием, хотя подавляющее большинство имеет среднее образование или еще учится. Представление же о «металлических» подростках как о дебилах, дуреющих от музыкального грохота, мягко говоря, ошибочно. Оно провоцирует, с одной стороны, нетерпимость общественного мнения, а с другой, под влиянием этой нетерпимости и в противовес ей — консервацию подросткового нигилизма и манерничанья.

Кстати, о манерах и одежде. Многие недоумевают: к чему им все эти заклепки, цепочки, браслеты? Бывает, что и с ответом торопятся: «оттуда это, из-за кордона». Что ж, многое мы пока носим «оттуда», некоторые даже «от Кардена» и «Сен-Лорана». Между прочим, наши «металлисты» в основном дети из малообеспеченных семей. «Вы носите золото, а мы — простой металл!» — встречалась мне и такой мотив. И все-таки нужно за этими «заклепочными чудесами» увидеть реальную и острую социальную проблему: за последние двадцать лет как-то незаметно одежда стала довольно точным показателем имущественных, корпоративных («блатных») и нередко должностных возможностей ее обладателей. Причем в наибольшей степени эти процессы затронули именно динамичную молодежную моду. Одежда взрослеющих детей стала ложиться существенным бременем на бюджет родителей. И, несмотря на усилия нашей легкой промышленности, юноши и девушки не могут быть самостоятельными в покупке тех вещей, о которых им все воспитатели советуют как можно меньше думать.

Сейчас мы прочно стали на путь расширяющейся демократизации общественной жизни. Много еще предстоит сделать на производстве, в сфере управления, в комсомоле. Мне хочется лишь подчеркнуть, что демократизация должна затронуть не только людей, но и вещи. Да, если хотите, наш стиль жизни, общение и манера одеваться должны стать демократичнее. Это предполагает и доступность модных вещей для молодых, и нашу терпимость в отношении некоторых их чуда-вещей по этой части. Молодежная мода — вещь отнюдь не второстепенная и не должна слепо следовать фантазиям модельеров. С ее помо-

щую мы, разумеется, не решим многих важных наших проблем, однако внести существенные корректизы в поведение молодежи ей вполне по силам.

А пока что одежда молодых людей может влиять — на что бы вы думали? — на ту же статистику. И вот как это происходит.

Социологический опрос «неформальщиков» в Ленинграде мне помогали проводить ребята из обкома комсомола. «Металлисты» с любопытством и готовностью заполняли анкеты. Беседа затянулась: обе «высокие стороны» оказались интересны друг другу, и разговоры продолжились уже в метро по пути домой. На станции «Площадь Восстания» группу из четырех человек: инструктора QK ВЛКСМ Владимира Ульянова, инструктора Василеостровского РК ВЛКСМ Александра Кострикина — при галстуках, а двух «металлистов» — при цепях, заметил дежурный милиционер и в категоричной форме предложил им продолжить беседу в ближайшем отделении милиции. Так что одну из анкет, заполнившуюся уже там, мне передали в качестве сувенира.

Зададимся вопросом: как формируется статистика «постановки на учет», которая нередко существенно заземляет все наши разговоры об увлечениях молодежи? Насколько она свободна от субъективизма инспектора, оценивающего одежду, прически, манеры и нравы молодых людей? Кажется, давно уже договорились не мерить линейкой ширину брюк и длину волос, но оказалось, что сменился лишь объект специального разбирательства: теперь это «петушки» на голове и металлическая экипировка.

ПАТЕНТ НА НОВИЗНУ

Спору нет, профилактика правонарушений среди подростков остро необходима. И работы здесь непочтенный край. Сомнительна лишь сама процедура сведения проблемы неформальных объединений к вопросам группового, «отклоняющегося» поведения. Не думаю, что многочисленные «тусовки» («сборища» на языке старшего поколения) около метро, на проспектах или в парках служат примерами качественно новых явлений в молодежной среде. Они-то скорее традиционны (как, впрочем, и более опасные околоврестственные группы). Кто из нас, взрослых, не прошел через такие ершистые компании? И ничего, благополучно выросли из них, обогатившись не только сленгом и манерами, но нередко и друзьями на всю жизнь.

Так в чем же социальное содержание множающихся неформальных объединений молодежи? Что ново вносят они в наше общество? Жажду деятельности? Да, да, не потребления, а созидающей деятельности, производства.

Нам предстоит разрушить еще один штамп, внедрившийся в общественное мнение: привычку корить молодых потребительством и инфантилизмом, за которыми в действительности скрываются процессы вытеснения молодежи на периферию общественных отношений (в сферу досуга, спорта, развлечений)...

Ну что ж, растянутые сроки обучения, неразумные возрастные ограничения при приеме на работу, энергия возраста и здоровья, житейская неопытность — все это делает досуг весьма значимой сферой социализации молодежи. Ориентация на потребительство тоже не обошли многих юношей и девушек. Однако типологический анализ возникающих молодежных объединений (и в сфере досуга в том числе) показывает: большинство их настроены (порой весьма нетерпеливо) на то, чтобы что-то сделать, создать, разработать, изобрести, вмешаться, участвовать, поразить!

Даже члены фан-групп проявляют завидную предприимчивость в организационной работе вокруг своих кумиров, обеспечивая им рекламу, информационное обслуживание, связи с прессой, публикой и культурными учреждениями. Как-то не вяжется называть эти «импресарио-коллективы» потребителями. Иной раз и пожалеешь, что наши симфонические оркестры и классические квартеты не имеют своих фан-клубов в условиях позорно устаревшей рекламы «высокой» музыки.

Показательно, что в названиях едва ли не 80 процентов самодеятельных молодежных объединений встречаются слова «экспериментальное» или «творческое». В Ленинграде, например, сейчас существует множество «творческих групп, клубов и ассоциаций», «экспериментальных лабораторий и товариществ», «музыкально-театральных и литературных студий», «инициативных групп, комиссий и бюро». Попадаются словосочетания, свидетельствующие о том, что фантазия в изобретении имен у нас еще не оскудела: «Комитет по извлечению звуков из различного рода инструментов», «Театр-студия на подоконнике», «Клуб удивительных игр», «Бюро экологических разработок», «Центральная комиссия по аномальным явлениям окружающей среды», «Телефонный эфир» и т. п.

Все они существенно отличаются по численности состава (от 15—20 человек в объединении до 300), целям, программам, средствам и методам работы. Однако при всем том в деятельности молодежных объединений есть то общее, что придает ей социальному значимый смысл.

Все они возникают, как правило, на границах различных отраслей общественного производства, ведомств, то есть там, где назрели острые социальные проблемы, а «официальные» организованные формы их решения либо безнадежно устарели, неэффективны, либо еще не созданы вовсе. Стихиально возникающие самодеятельные объединения молодежи, по существу, занимают зоны слабых социальных контактов, создают новые типы социальных связей между людьми и в целом расширяют возможности всего нашего общества.

Именно такова функция молодежных инициатив в области защиты окружающей среды, охраны памятников истории и культуры, синтеза различных жанров искусства, культуротворческой деятельности, социальной взаимопомощи и общения. Есть ли тому подтверждения? Есть и, надеюсь, умножается, если мы откажемся от еще одной типичной предвзятости: считать «стихиальное» синонимом чего-то по меньшей мере сомнительного, аморфного и болезненного. А ведь стихиально развивавшаяся (не предумышленная, не запланированная!) социальная активность молодежи, направленная (при всех ее издержках) на конструктивное вмешательство в общественную жизнь, свидетельствует как раз о зрелости социалистических общественных отношений, их способности к саморазвитию.

СЛОВО БЕРУТ НЕПРОФЕССИОНАЛЫ

Наивно считать «непрофессионализм» большинства молодежных объединений в вопросах экологии, культуры, социального устройства и т. д. показателем их «ущербности». Поиск правды не может быть привилегией «профессионалов».

Мы все недавно с напряжением следили за острой дискуссией вокруг судьбы северных рек. Общественная инициатива старшего поколения, прежде всего наших писателей, стала для молодежи уроком действенности общественного мнения, выступившего против технократических амбиций.

А как быть с судьбой отечественной архитектуры, нашей исторической памятью, стилем и образом жизни, организацией социальной взаимопомощи? Тогда почему бы молодежной инициативе не превратиться в экспериментальный плацдарм, на котором проходят испытания новые способы организации общественных отношений? Не будем забывать, что испытания эти ведутся в жестких условиях прямой проверки их на эффективность, целесообразность, гуманистичность и демократизм. Надуманное, искусственное и аномичное «стихиально» не выживает...

В 1986 году в Ленинграде заявила о себе группа «Спасения памятников истории и культуры». Ее удалось определить под крышу центра творческой инициативы Дома культуры имени Ильича, в который, помимо нее, вошли: «Бюро экологических разработок», ансамбль политической песни «Грандола» и театр пантомимы «Арлекин». В актив группы «Спасения» входит 22 человека: молодые архитекторы, реставраторы, инженеры, историки, студенты университета и инженерно-строительного института. Группа «Спасения» оказалась способной мобилизовать общественное мнение в защиту памятных мест, связанных с жизнью и творчеством Ф. М. Достоевского, организованно отметить лицейскую годовщину (19 октября 1986 г.) митингом в защиту дома Дельвига и добиться отмены запланированного решения о его сносе.

Но вот возникла сложная ситуация в самом центре города в связи с реконструкцией гостиничного комплекса «Астория» на Исаакиевской площади. Был осуществлен снос одного из принадлежащих ему зданий — бывшей гостиницы «Англетер», в которой трагически оборвалась жизнь С. Есенина. Фасад этого дома будет восстановлен по старому проекту. События, разыгравшиеся на площади 17—21 марта 1987 года, свидетельствуют, на мой взгляд, о том, как нелегко нам еще добиваться оперативного взаимодействия общественных организаций и государственных учреждений: группа «Спасения» и поддерживающая ее молодежь, протестуя против ее сноса, прибегали, по сути, к устаревшим демагогическим средствам, а работникам горисполкома не удалось немедленно (!) привлечь печать и телевидение для разъяснения положения дел. Посреднические действия комсомола также не увенчались успехом. И в результате мы все понесли поражение... и продвинулись вперед! Вперед — в приобретении нового социального опыта, в проверке жизнеспособности новых «социальных технологий», по которым осуществляется принятие управляемых решений.

Как оценить подобные ситуации в развитии движения неформальных объединений? Как позитивные или негативные? Боюсь, что для ответа нам не хватит двух этих красок и никакая статистика не поможет. Надо думать. И не лишать этой приятной обязанности ни одну из конфликтующих (или сотрудничающих?) сторон.

СТАНДАРТЫ И «ШТАНДАРТЫ»

Непросто складываются дела и у объединений политической направленности. Не изжиты еще попытки «отчислить» из молодежных политических клубов всех «некомпетентных», «нестандартных», «примазавшихся».

Научно-исследовательский центр ВКШ при ЦК ВЛКСМ провел «круглый стол» по самодеятельным объединениям молодежи. Об интересном опыте агитационно-пропагандистской работы клуба «Планета» рассказывал преподаватель из Оренбурга О. А. Свиридов. Но вот что настораживает: для вступающих в этот клуб ребят введен экзамен, проверка, так сказать, профессиональной компетентности. Конечно, в определенных случаях это может быть и оправданно. Но жизнь уже со всей убедительностью показала, что таким путем мы политическую культуру молодежи не повысим. Реанимируя отжившие формы массово-политической работы с молодежью, мы рискуем оттолкнуть от себя большую часть «непросвещенных» юношей и девушек.

Некоторое время назад практиковалось изобретение искусственных патриотических начинаний, походов, десантов. Особенно пострадала от такого формоизвестства, имитирующего общественно-политическую активность, наша школа. Для того чтобы остановить этот поток, пришлось даже принимать специальное «запретительное» постановление Бюро ЦК ВЛКСМ. Между тем, анализируя заявленные «неформальщиками» Ленинграда программы деятельности, я обнаружила одно объединение, поставившее, на первый взгляд, странную цель: создать точную копию фрегата «Штандарт» Петра I. Вскоре выяснилось, что эта инициатива комсомольцев Морского торгового порта направлена на создание морского клуба — объединения подростков вокруг живого, увлекательного дела, которое займет руки и даст пищу уму, заставит изучить яркие эпизоды отечественной истории. Идея реконструкции фрегата «Штандарт» вряд ли могла родиться в кабинетах.

Включение молодежи в реальные политические отношения происходит не только в ходе каких-либо политических акций, выполнения общественных поручений, но и тогда, когда молодым людям приходится отстаивать свои и наши (во многих случаях далеко не «любительские») интересы, добиваться права отвергать, обсуждать или ускорять управляемые решения различных ведомств.

Общественная практика лишена той «дистиллированной» атмосферы, которая царила еще недавно в комсомольских политшколах и агитационных бригадах, зато она хорошо помогает ускоренному взрослению. Значит, политическая культура юношей и девушек формируется отнюдь не только в специализированных политических клубах, а в любой самодеятельности, когда они вступают в реальные общественные отношения и несут полную ответственность за предпринимаемые действия.

Так что же нам делать со всем этим пестрым множеством молодежных групп?

Не бороться и не заискивать, не пугаться и не пренебрегать, а учиться сотрудничать! Сотрудничать и ломать наши упрощенные представления о собственном обществе. Понять его сложную внутреннюю структуру, не отсекая элементы, кажущиеся излишними, «привнесенными». Работая с «неформальной» молодежью, мы сами должны научиться жить в неформальном обществе.

В условиях гласности и расширяющейся демократизации общественной жизни самодеятельные объединения молодежи могут стать экспериментальной базой комсомола, включиться в работу по переустройству нашей жизни. Станут ли — зависит от нас. И в заключение обратимся еще раз к статистике, теперь уже комсомольского ведомства. Последние данные социологического исследования (март 1987 года) в Москве: к участникам «неформальных» групп относят себя 52,7 процента молодых инженерно-технических работников, 65,1 процента молодых рабочих, 71,4 процента студентов, 71,7 процента десятиклассников, 89,4 процента учащихся ПТУ. Среди них — 60 процентов комсомольцев.

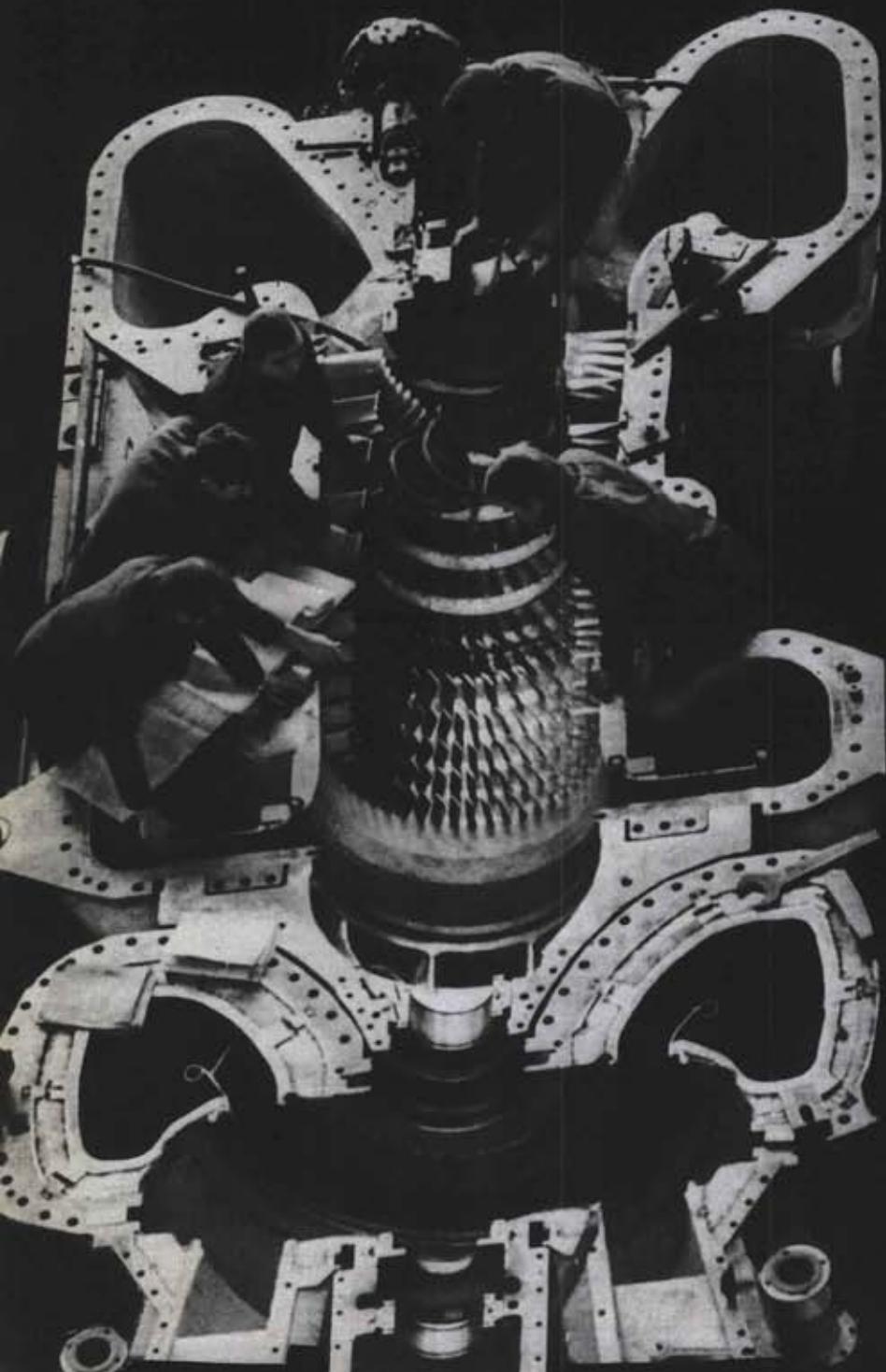
Неужели мы не сумеем использовать их социальный потенциал?

Владимир
АНИСИМОВ.
Фото
Евгения СТЕЦКО.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

БЕЗ АНЕСТЕЗИИ

ГОСПРИЕМКА И МОЛОДЫЕ

Все рабочие «Дальэнергомаша», с кем я разговаривал, отлично понимают необходимость такой неординарной меры, как введение госприемки, и не винят ее в возникших трудностях. Хотя повышенные требования и вызывают на первых порах подсознательный протест, хотя бригады и участки лихорадят, хотя часть рабочих поспешила уйти на другие предприятия — в целом никто не видит другой возможности поставить заслон браку, халтуре. Непонятно только, почему за накопившиеся «грехи» расплачиваются в основном рабочие? И почему не стимулируется высококачественная работа? Система оплаты труда пока практически не изменилась — она все так же напрямую зависит от количества.

Вот эту машину, — показал Старостенко. — мы не приняли.

— Почему?

— Покрашена неважно.

— Придирайтесь. Не на выставку же.

— А вы посмотрите на ту, для Болгарии, — слегка разозлился Старостенко. — Есть разница? Так почему для себя должно быть хуже?

Диалог, еще недавно немыслимый. Говорили-то не об автомобилях, для которых внешний вид сами понимаете... Хабаровский «Дальэнергомаш» делает турбины для газоперекачивающих станций, химкомбинатов. Этому отправят куда-нибудь в глушь, на трассу газопровода Ямбург — Западная граница. Кто ею там любоваться будет? Да и у ОТК никаких претензий. Но с государственной приемкой спорить трудно, хочешь не хочешь, а перекрашивать машину все равно придется.

Раньше Евгений Старостенко работал в шефмонтаже, устанавливал турбины на местах. Вспомнил о той поре почти с отвращением:

— Это было немыслимо! Приходили не турбины — груды металла. И я перешел на завод.

До октября прошлого года был Старостенко бригадиром слесарей-сборщиков. Решение Минэнергомаша о присуждении бригадиру звания «Отличник качества» застало его уже в новой должности — представителя государственной приемки.

Нельзя сказать, будто «Дальэнергомаш» выпускал такие уж негодные машины. «Груды металла» — эту фразу, конечно, не следует понимать буквально. Но вот факт, свидетельствующий, что далеко не все работали на уровне бригады Старостенко: в первый месяц своей деятельности госприемка «звернула» 87,5 процента продукции, прошедшей через ОТК!

Введение госприемки на «Дальэнергомаше» восприняли хотя и с пониманием, что работать по-прежнему уже нельзя, но, мягко говоря, без восторга и с известной долей настороженности. Не случайно директор завода М. М. Чечик сказал на открытом партсобрании:

— Госприемка — единственное, но обходоострое средство. С одной стороны, она направлена против тех, кто привык работать спустя рукава, с другой — она может ударить и по интересам трудового коллектива.

Так кого и за что «бьет» госприемка?

— Почти как у Гоголя, — обрисовал ситуацию бригадир слесарей-сборщиков Владимир Галактионов. — Объявили: «К нам едет ревизор! И он приехал...»

Галактионов был не в духе: недавно его фамилия появилась на черной «Доске бракодела».

— Сдавали узел турбины. А мне говорят: «Не подготовил испытательный стенд». Как не подготовил?! Не принес, понимаете ли, лампу-переноску. Да день-то солнечный, и так все отлично видно! «Положено» —

и все тут. Ладно, принес лампу. «Почему без чехла?» И не приняли узел. На черную доску занесли. Позорят ведь не за дело!

У Гоголя после известия о приезде настоящего ревизора следует немая сцена. На заводе с приходом госприемки действие только начинается, не оставляя никого в роли стороннего зрителя. Ни одно новшество, пожалуй, еще не вызывало столько споров, конфликтов и негативных эмоций. Чем же досадили «ревизорам» заводчанам?

Разумеется, представители госприемки не стоят над душой у каждого контролера ОТК и не проверяют вторично каждую деталь машины. Они принимают готовую продукцию и отдельные крупные узлы.

Но это бы еще полбеды для завода. Госприемка стала контролировать техническую документацию, соблюдение технологических процессов, состояние оборудования, оснастки, мерительного инструмента, культуру производства.

— Требуют с нас высокого качества, — говорил Галактионов. — А как его сделать и чем проверить? Сейчас вот в любой станок пальцем ткну — не соответствует он своим параметрам. Разметочная плита — и та с перекосом! Стали требовать обрабатывать детали по восьмому классу чистоты. Но нет у нас таких станков! Шкворчкой трим! А нужна ли вообще такая чистота? Раньше-то обходились, и никаких рекламаций не было. Контролер говорит: «Раньше ты брак выпускал!» А ты, работник ОТК, с какой совестью шел в кассу, ты ж тот брак принимал! Давно ведь был приказ по заводу: «Подготовиться к госприемке», то есть подготовить станки, техпроцессы. Ничего не сделали, а схватились сразу за готовую продукцию. Наверное, думали, как-нибудь вывернемся, как-нибудь пронесет...

Токарь-карусельщик Виктор Зимин объяснял, что называется «на пальцах»:

— Дали мне доску и дали колун. Смог я ее чисто обтесать?.. Так и у нас. Станки старые, изношенные — одиннадцать лет в две смены эксплуатируем. Работаем без профилактики, от поломки до поломки. Мы все делаем, как положено, но сколько времени зря убиваем! Тут не до порядка... Да что там — оснастку десять лет никто не проверял. Сколько уж говорил — никому нет дела.

Честно говоря, я-то думал, что междуусобица развернется между работниками ОТК и представителями госприемки. Обидятся контролеры за недоверие к своей службе, станут в позу: мол, кто вы такие нас уму-разуму учить? И начнутся ведомственные амбиции.

Не без этого... Но главные страсти разгорелись на стыке ОТК — цех. Не захотелось контролерам и дальше конфузиться перед госприемкой — ну и взялись как следует за рабочих бригадиров, мастеров. Потребовали до мельчайших тонкостей соблюдать

Леонид ТЕРЕХИН

Открытие

«Колумб» возле Пермского замер.
Сегодня стрекочет костер...

А завтра начнется экзамен —
с тайгой притаившейся спор.
Ребята в кепчонках, в штублетах,
в кожанках, в полуальпах...

Согреет их красное лето,

зима их остынет потом...

Забыли под громы оркестров
на всех инвентарь положить...

Ну, что же, поможет окрестность,
попросят у старожил.

Лишь сумерки солнце рассеет,
как в тихую майскую рань
вспыхнет комсомольское сердце
и песней всплынет глухомань.

Тайга на бесстрашных и дерзких
посмотрит глазами веков —
и, охая, с шумом и треском
своей стон разнесет далеко.

Пусть кровью нальются мозоли

и в ссадинах выступит гной...

И парень кудрявый на зорьке
попросится к маме домой.

Но, поборов малодушье,
в палатке от ран отойдет,

набитую стружкой подушку
отбросит — и тачку толкнет!..

Как перст указательный, камень
отметил тот первый причал,

где якорь стремительно канул
и хрипло гудок прокричал.

Я слышу его на Пиване,

где насыпь трава зеленит,—

и мост под моими ногами
звеном поколений звенит.

Он рельсы соединяет,
прорезавшие тайгу!..

И память меня осеняет
на каменном берегу.

Рожденные в пятидесятых,
пробуют сквозь таежную мглу,

в плацдармы врастая десантом,

туннели и просеки вглубь.

Мосты перебросят и рельсы,
антенны и провода,

и — тьму ослепив сваркой резко —
на БАМе взнесут города!

Звездой из космической бури,
костром из тридцатых годов,
свети, Комсомольск-на-Амуре,
отец молодых городов.

БАМОВКА

Перед заревом войны, как дождик,
пот блестел на ребрах первых шпал,
бамовками называли дочек —

край глухой уже тогда не спал...

Я не рос без племени, без рода,
я надежде верен был одной

в год, когда Восточные ворота

БАМа открывались предо мной.

И, пронзенный стрелами амура,
перед бамовкой стоял в слезах,

отражавших глубину Амура,

в плещущихся, как волна, глазах.

Плакал оттого, что дикий ветер

по настилу мне мешал идти,

и железные фермы органный веер

мне лицо обмахивал в пути.

Сердце от поющего металла

матяником замерло на дне...

И тогда девочка увидела

эту нерешительность во мне.

Протянула с хохотом мне руку,

отложила все свои дела,

как случайно встреченного друга

по бетонным шпалам повела.

Дочка Бамы — названа в 30-х

мама этим именем была...

И сама история по трассе

за руку вперед меня вела.

Возраст магистрали в график леса

вписывался, отмечая рост...

И катилось по веселым рельсам

утреннее солнышко за мост.

все, что записано в тех процессах. Скажем, раньше бригадир Виталий Морковников измерял готовые детали штангенциркулем. Теперь требуют: измерять, как положено, скобой! Ну, нет скобы у бригадира! Пока, говорит он, детали все-таки принимают. После долгих уговоров и изрядной нервотрепки.

Да, первая стала работа. Любая мелочь превращается в почти неразрешимую проблему. Впрочем, какие же это мелочи — изношенное оборудование, нехватка инструмента, устаревшая технология? Просто раньше на беспорядок смотрели сквозь пальцы. Был бы план — не так важно, какой ценой. Крутится турбина, и ладно. В случае чего шефмонтажники или сам заказчик доведут ее до ума.

Последствия российского «авось пронесет» сказываются на каждом шагу. В обеденный перерыв собралась комсомольско-молодежная бригада токарей Василия Карабарова и долго — никаких страниц не хватит — выкладывала накопившиеся претензии к инженерным службам завода.

— Я на заводе с семидесят седьмого года, — говорил Василий. — Никакого обновления! У меня сейчас ни один станок не аттестован, все они на ладан дышат — приемку в принципе можно прекратить. С инструментальщиками договариваемся: «Ты мне фрезу сделай, а я тебе нержавеющей дам». В общем, вся перестройка легла на плечи рабочих.

Больнейший вопрос для всех бригад: нормы. Прежневолюнтаристские решения бывают теперь по рабочему. Как было? Под конец года приходит к бригадиру работник отдела труда и зарплаты: «Надо пересматривать нормы». За счет чего, если в оснащении рабочего места ничего не изменилось? Все равно надо! И вот где-то сокращают время обработки деталей, где-то пропускают некоторые операции. То есть выигрывают в скорости за счет качества, путем нарушения технологии! Госприемка заставила восстановить нарушенную технологию, но нормы-то остались прежними! Это сразу ощущалось сказывалось на заработках, люди стали уходить на другие предприятия, где нет госприемки.

Снизились заработки и по другой причине. Госприемка не делает различий между экспортным и отечественным вариантом, все надо делать по высшему классу — стало быть, увеличиваются трудозатраты. Есть два выхода: либо вернуть старые нормы (но это опять-таки шаг назад), либо придумывать новые приспособления, совершенствовать производственный процесс. Ни того, ни другого рабочие пока не видят.

— Станочник, — сказал мне многоопытный Старостенко, — остается один на один со своими проблемами.

Как же он все-таки ухитряется выполнять требования госприемки? За счет квалификации, за счет сверхурочных... Словом, старыми экстенсивными методами. А где же инже-

нерные службы? Молодой специалист технолог Игорь К. говорил мне:

— Много у нас «умных» рабочих развелось. Этого не надо делать, то — надо. Ты что — инженер, конструктор? У большинства рабочих иждивенческий настрой. Лишь бы заработать. Сломать фрезу ему ничего не стоит. А потом будет кричать — не хватает инструмента!

Бригадир Виталий Морковников считает иначе:

— Иждивенческий настрой как раз у технологов. За год Игорь ничем не помог мне в освоении станка с ЧПУ, я только у немцев-монтажников усек кое-что, до остального сами с программистом доходили... Технологи ругают нас, мы — их... Но кто работает? Кто план выполняет?

Евгений Старостенко как бы подвел итог заочной дискуссии по поводу роли ИТР:

— Игорь предъявляет счет рабочим. А если предъявить счет ему? За полтора года он ничего не предложил по улучшению технологии. Мастер у нас превратился в мальчика на побегушках, технолог — в стороннего наблюдателя. Их функции сведены к нулю, и они с этим смирились.

К заместителю руководителя госприемки на «Дальэнергомаше» Евгению Аппелесову я пришел с вопросом. Любопытная особенность ситуации заключалась в том, что до своего назначения Аппелесов был здесь начальником цеха. А теперь оказался по другую сторону баррикады, если можно так сказать. И должен пресекать то, что, возможно, сам сделал несколько месяцев назад. С этого и начали.

— У нас в промышленности сложился диктат производителя. Все мы были рыцарями вала. Как с начальника цеха с меня спрашивали за количество. А качество? Если сумел сдать продукцию — ты герой! Считалось особым шиком пропихнуть через ОТК продукцию «с душком». Такие работники ценились. «Переборол» начальника ОТК — молодец, сильная личность. Не сумел — тут уж складывалось определенное мнение о тебе...

— А как же борьба за качество?

— Да, и у нас внедрялась так называемая комплексная система управления качеством. Подводились итоги, вывешивались «Экраны качества». Только все это было само по себе, а реальная жизнь сама по себе. Систем разных много наплодили, но все на поверхности оказались мертвогородами. Ведь политика оставалась прежней: дай больше, больше, больше... Я и сам знал, что нередко сдаю продукцию с отступлениями от нормы, но тоже «давил» на работников ОТК, особенно по тридцатым числам: что вы тут, мол, придирайтесь, все нормально. Можно, конечно, винить начальника цеха. Но вся атмосфера такая была. И еще то учите, что материальные стимулы зависели именно от количества.

— А теперь не перегибаете ли палку? Вот машина неважно покрашена...

Или такой случай: болты на корпусе турбины на пару лишних миллиметров выступают за кромку гаек. Что тут такого? А вы не принимаете...

— Мелочей в качестве, как правило, нет. Взять те же болты: если их целый лес и все разной величины — машина выглядит неряшливой. Почему мы должны быть безразличны к внешнему виду продукции? Он тоже наглядно показывает уровень культуры производства. А не будет культуры — не будет высокого качества. Выйти на высший уровень можно только в том случае, если добиваться его в любых «мелочах». И мы вовсе не собираемся наступать кому-нибудь на горло. Наша цель: выявить коренные причины брака, начиная от поставок комплектующих изделий и до самого финишна. Определить, кто конкретно в чем виноват — станок ли, инструмент, технология или человек? И все причины расставить по своим местам.

— Много претензий у рабочих по оборудованию...

— Это нас тоже очень беспокоит. Оборудование старое, а нового не предвидится. Например, зуборезные станки нужного класса отечественная промышленность не производит. Московский ЭНИМС работал над созданием станков, но отстал от Запада уже на стадии разработки. Сколько же можно зависеть от импорта? Наверное, и завод во многом сам виноват: не заказал вовремя станки. Но и от завода не все зависит. Как нам быть? Пока в безвыходных положениях приходится идти на компромиссы. Но как бы там ни было, а госприемка многих заставила подтянуться. Как бы ни было трудно, но в сравнении с первыми месяцами нашей работы сдвиги есть.

— А давления «сверху» вы еще не испытывали?

— Появляются элементы трескоты вокруг госприемки. Вчера кто-то из районных руководителей звонил нам: «А есть ли у вас посты контроля качества?» Дело запахло лозунгами...

— Вы не считаете, что стоило вводить госприемку постепенно, дать задний шаг времени на подготовку?

— Так бы всю жизнь готовились — и ничего бы не вышло. Хоть и болезненно, но такие вещи надо делать сразу.

Я бы сравнил госприемку со скальпелем хирурга, вскрывшего старелый нарыв, причем без анестезии. Если болезнь долго загоняли вглубь, прикрывали косметическими средствами, то хирургическая операция, ясное дело, не могла пройти безболезненно. Появились осложнения... Но никого госприемка не «бьет». Бьет нас привычка к беспорядку, долгая раскачка, медлительность в решении насущных вопросов. В этом главные уроки госприемки.

Очень сложно говорить об участии в новом деле комсомольской организации. В краинском ВЛКСМ мне откровенно сказали, что комсомол еще только ищет свое место в настоящей борьбе за качество. А на заводе... повсюду вчерашним днем, все той же трескотней и лозунгами. «Посты качества», «Комсомольские паспорта качества»... «Что они есть, эти посты, что их нет — все единство», — сказал молодой бригадир Александр Диденко, и сопроводивший меня работник комитета комсомола молчаливо согласился.

Но больше всего удивил новый почин комитета комсомола, совпавший по времени с введением госприемки. Выдвинут лозунг: «Экспортным поставкам — комсомольскую заботу». Создается специальный штаб шефства, который будет следить за сроками и качеством изготовления этой продукции... Слов нет, негово подводить зарубежных партнеров. Но вот их-то мы, как правило, и не подводим. Неужто не видно комсомольцам более насущных проблем?

Уважаемая редакция!

Меня взволновали публикации в «Смене» и других центральных изданиях о падших женщинах. Захотелось поделиться кое-какими своими соображениями.

Не знаю, были ли когда-нибудь в жизни «капитаны Греи», которые могли любоваться спящей девушкой, надеть ей на палец драгоценное кольцо и, узнав, что она ждет принца на алы парусах, сказать: «Раз эта девушка не может стать счастливой иначе, значит, я обязан дать ей это счастье». Но то, что наше время изобилует «Дорианами Грэями», способными растоптать и душу, и тело любой самой чистой Ассоль, да не в одиночку, а с компанией себе подобных, растоптать и обобрать — это факт. И при этом хотят, чтобы наша женщина, пройдя закалку если не насилием, то рядом измен, оставалась хрупкой, нежной, ранимой, терпимой. А не кажется ли вам, что наши мужчины постепенно все больше превращаются в развлекающихся животных?

Вначале они восторгаются или негодуют на женскую неопытность, потом бывают до волны или досадуют на ее осведомленность, но во всех случаях не считают должным нести ответственность за использование женщины для ублажения плоти. «Разврат ведь не в чем-нибудь физическом, ведь никакое безобразие физическое не разврат, а разврат, истинный разврат именно в освобождении себя от нравственных отношений к женщине, с которой входишь в физическое общение» (Лев Толстой. «Крейцерова соната»).

А знаете, какая сейчас самая желанная и самая несбыточная мечта любой женщины? Это встретить в жизни одного достойного человека, одного на всю жизнь. Но этот человек живет сейчас по веселому принципу «ленточка моя финишная, все пройдет, и ты примеша меня, примешь ты меня, нынешнего». — таскается, гадит везде, а женщина, та ленточка, которая надеется, что когда-нибудь она станет финишной, тоскует и ждет (а вдруг он захочет теплоты, не оцененной когда-то), ждет, чтобы после очередного «набега» и надругательства рвать на себе волосы.

Я считаю, что сведения о том, что нас, женщин, больше, чем мужчин, нужно сделать секретными. Не торопитесь смеяться. Предлагать во всех женских журналах женщинам: «Улыбайтесь, и вы будете счастливы», когда многим впору завыть, не менее смешно, чем на всех углах болтать: «А женщин-то у нас на 20 миллионов больше». Если же отбросить всех алкоголиков, наркоманов, больных и заключенных, то от кого русской женщине рожать? Женщина, отвечающая за свои поступки и сознательная ответственность за своих будущих детей, не позволит себе подарить детям хотя бы одно из перечисленных клейм. А клейма эти проявляются: или в здоровье ребенка, или в первой же анкете, которую будущему гражданину придется заполнить.

Необходимо полностью ликвидировать безотцовщину. Я имею в виду ту безотцовщину, которая выражается в вымышленном имени отца в свидетельстве о рождении ребенка. Женщине факт отказа отца от его и ее ребенка уже непосильно тяжел, но согласие государства с этим фактом выбивает женщину из колен как гражданина страны. В 30 лет, когда одинокая женщина вынуждена идти на это сознательно, — ей тяжко, в 18 лет это может сломать.

В общем, всем миром ругаем упавшее яблоко, но подточил-то его чары.

Вот и получается, что мужчина с помощью закона, который отцовство устанавливает по количеству общих чашек, ложек и тазов, учится отказываться от своих детей. Не каждая женщина держит про запас трех свидетелей, которые со свечкой бы стояли в определенное время в определенном месте, поэтому мужчине довольно легко удастся выйти сухим из воды. Результат: от первого ребенка мужчина только пробует отвертеться (что, слава Богу, удается — «ура!»), но совесть все же скребет, от второго он отказывается хладнокровно, третьего уже ненавидит. Вот так наши «мальчики» к 40 годам разучиваются окончательно быть отцами, просто переходят с рук матери на руки жены, а некоторые идут дальше: не только обездоливают женщин, лишая их возможностей законного (не за государственную двадцатку в месяц) материнства, они освобождаются и от своей минимальной гражданской обязанности — платить холостяцкий налог. В паспорт вписывают брошенное дитя, и, как говорится, гуляй, Вася.

СЛЕЗЫ ЖЕНСКИЕ

К сожалению, и в женских рядах нет солидарности. О чем говорить, если женщины о женщинах поют на венчере смеха безобразную песню: «дневная женщина как солдат, к вечеру она — пень, но бойся и ночную женщину с томными глазами». Все более-менее благополучные женщины презирают незамужних: «Какая-нибудь аферистка назовет отцом порядочного мужчины и наживется». Ну что ж, в конце концов хоть в какой-то степени справедливость была бы соблюдена, ведь в рождении ребенка участвуют двое, а не одна женщина. Что касается наживы, то ведь не будет женщина на одного ребенка с двух-трех человек получать алименты: каждая надеется, что отец захочет увидеть свое дитя, и не станет лгать. Тех женщин, которые могут соглат в этом святом деле, видно за версту. Их надо лишать материнства, не ожидая, когда они загубят детскую душу. Можно, чтобы устранили элемент корысти женщины, платить ей те же 20 рублей, а отец ребенка пусть 25 процентов вносит в государственный бюджет, но он будет знать, что он отец, это знание, по-моему, не позволит ему до конца утратить совесть, что сейчас встречается на каждом шагу.

А если нерадивых папаш начнут «наказывать» алиментами на внебрачных детей, то, возможно, проблемы матерей-одиночек и детей с жутким эпитетом «безотцовщина» исчезнут из нашей жизни. Пусть они, эти отцы, ощутят себя униженными, а это как раз то чувство, которое испытывает женщина, получающая от государства двадцатку на дитя. Любой ее неординарный поступок сопровождается репликой: «Что с нее взять, она и родила-то без мужа». И факт, что таких женщин много, не дает им хотя бы успокоения, не то что гордости, о которой недавно в дискуссии по телевидению с обидой говорили мужчины. Надо же женщине стоять и жить, а с опущенной головой долго не продержишься.

И давайте, наконец, поговорим о мужской простиции... Да-да, о мужской!. Не секрет, что у нас много особой мужского пола, которые за бутылку пойдут куда угодно и с кем угодно, что у ресторанов давным-давно «снимают» не девочек, а женщины мальчиков (впрочем, в мальчиках мужчины ходят иногда до пенсии по старости) на ту же бутылку, и женщины же потом дают им пинка.

К числу проституток мужского рода я отношу и мужчин, состоящих в браке, но не считающих должным делать большую или хотя бы равную часть материального вклада в семью, зная, что у жены нет выбора и она будет терпеть, тем более если он еще не курит и не пьет, а по нынешним временам эти «достоинства» дорого стоят, так как других у многих вообще нет.

В это число включают и мужчин, женатых и неженатых, имеющих так называемых «подруг», к которым забегают переспать, разумеется, бесплатно. Если «подруга» попросит, например, помочь выбрать ковер, «друг» тут же заломается: «Я скромпрометиру тебя перед соседями, и вообще непонятно, в качестве кого я тебе буду это делать». Если «подруга» в глубине души надеется стать для данного приходящего мужчины финишной ленточкой и скажет ему, что ждет ребенка, то услышит ледяной ответ: «Это твои проблемы». Поэтому многие «подруги», панически боясь одиночества, делают аборты.

Положение одинокой женщины даже с незаконным ребенком менее тяжко, чем положение «подруги», оскверняемой и обираваемой. Разве такая «дружба», такая «любовь» выход из одиночества? «Любовь» — это просто гнусная ложь. Любовь — это пилоли эроапиала, потому что ты боялся иметь ребенка. Любовь — это хинин, и хинин до звона в ушах. Любовь — это гнусность абортов, на которые ты меня послал. Любовь — это мои искромсаные внутренности. Это катетеры вперемежку со спринцеваниями. Я знаю, что такое любовь. Любовь всегда висит в ванной за дверью» (Хемингуэй. «Иметь и не иметь»).

Ликвидировать это положение можно только тогда, когда у большинства женщин будет семья, то есть муж и дети. Для этого надо на мужчину возложить его вечные обязанности — кормить семью, тогда он не будет вымирать от распутства и «лишних» женщин у нас не будет.

Как вы думаете, умеет «мужчина», на остановке не сумевший оттолкнуть от передней двери автобуса женщину и орущи: «Сволочь, два мужика бы влезли!», умеет ли такой делать подарки? Я не говорю о всех городах, но в Липецке о многих мужчинах говорят: «За пятак с крыши на борону прыгнет».

В природе каждого полноценного человека есть потребность делать и получать подарки. Но уже несколько десятилетий наши женщины подарков не видят, а как часто сами, постоянно оскверняя этим душу свою, удовлетворяют клянчущего «своего парня». Покажите мне мужчину, который бы не занимал у женщин денег!

Поведение женщины в обществе — всегда лакмусовая бумажка благополучия или неблагополучия этого общества. Самая благополучная женщина во все времена и в всех народов — квочка с цыплятами. Если ей этого не может дать свой мужчина, она идет к другому. Отсюда срывы, сломы. Вина ли здесь женщины? Как много нас спасающихся в аэробиках, бассейнах, ходжениях в театр с другой из-за отсутствия достойных мужчин!

«Совесть любящего мужчины — ангел-хранитель любимой им женщины» (Б. Гого. «Человек, который смеется»). Разве мы видим сейчас эту совесть?

Мне кажется, мужчина, сам не обладая даром рожать, умением рожать, просто не может не удивляться и не восхищаться чудом рождения ребенка. Природа посредством этого удивления и восхищения вложила в руки мужчины право заботиться и лелеять женщину — мать его детей. Что же случилось, что так искорежило мировосприятие мужчины до такой степени, что он изощренно ломает жизнь женщины, ее и его детей?

Галина РОДИОНОВА,
Липецк

ОТ РЕДАКЦИИ.

Наверняка многие считают это письмо и запальчивым, и спорным, и излишне агрессивным. И все же, на наш взгляд, оно задевает проблемы, о которых сегодня нельзя молчать, потому что за ними живая человеческая боль. Приглашаем наших читателей к откровенному разговору.

БРАТЬЯ

Василий
РОСЛЯКОВ

В Румынии, в славном городе Бухаресте, в темном и богатом зальчике старинного особняка роскошно разговаривал Леонид Максимович Леонов. Великий писатель сидел за длинным низеньким столиком, в неудобном современном креслище. Не глядя на поставленное перед ним блюдо, он брал оттуда ощущую жаренные орешки, бросал в рот и разговаривал. Писатели румынской столицы почтительно толпились посредине зальчика и вдоль стен, отделанных полированым дубом, бронзой и мрамором. Слушали стоя. Инкрустированный пол смутно отражал зажженную люстру. С лепного и хорошо расписанного потолка, из ярко освещенной лазури смотрели в зал и тоже слушали полуобнаженные девы и ангелы.

Слушали и мы, соотечественники великого писателя, сидевшие по его правую руку. Жареных орешков мы стеснялись, не смели протягивать руку к блюдечкам, поставленным и перед нами. Слева от Леонида Максимовича сидел хозяин, чисто выбритый высокий, сухопарый старик Захария Станку. Он сидел подтянуто прямо и этих орешков совершенно как бы не видел, потому что всего себя без остатка превратил в слух.

Леонид Максимович грубо откашливался в кулак, говорил сложно и тонко, мысль его текла внизу, под словами, под его скучными, но выразительными жестами, по глубокому — опасно заглянуть туда — ущелью. Разговаривая, он ухитрился без всякого труда, как бы забавляясь, нашарить в блюдечке орешек и бросить его в рот, и даже похрустеть немножечко, пожевать. Не то чтобы он не мог обойтись без этих орешков, или он их дома никогда не видел, или кто-то принуждал его к этому занятию, нет, Леонид Максимович всего-навсего не потерялся, как потерялся бы каждый из нас, естественно и просто принял те условия гостеприимства, которые были предложены хозяевами. У себя на родине он никогда не ел орешков во время своих выступлений, ни на писательских съездах, когда выходил на высокую трибуну, ни в узком кругу товарищей по литературному делу. А тут, не переставая говорить, откашливаться, он нашаривал орешек и вялым, необязательным движением мягкой руки отправлял его в рот. Сосредоточенные лица, множество умных глаз были обращены к нему. Редко кто осмеливался пошевелиться, перемянить позу, преступить с ноги на ногу. Переступит и снова неподвижно смотрит и слушает загадочного и мудрого человека, заключавшего в голове своей множество тайн и редких сведений.

Он заключал в себе также и то, что каждому иностранцу мерещилось за четырьмя буквами — СССР. Ведь великий писатель был именно оттуда.

В скоплении изысканной публики, разумеется, не могло не быть людей простуженных, а возможно, даже страдавших в эти дни кашлем или насморком, но ни один из них не подумал кашлянуть, или посморкаться, или даже чихнуть. Почему я думал именно об этом? Не только потому, что сам не позволял себе откашляться, хотя и пощекотывал немножечко в горле, но и потому еще, что за плечами впереди стоящего маститого румына я видел маститое лицо другого писателя, который ребром пальца как бы незаметно маскировал, надавливал и потирал свою верхнюю губу. Значит, думал я, и он откуда-то знал этот прием, которым пользовались пилоты первых летательных аппаратов. Достаточно было пилоту этой фанерной этажерки с колесами чихнуть как следует, как она вздрогивала, сбиваясь с равновесия, и падала на землю. В целях предотвращения катастрофы пилот и придумал это маскирование, прижимание верхней губы к зубам. Теперь вот боролся с подкравшейся угрозой маститый румынский писатель, также надавливая ребром указательного пальца у себя под носом. Я смотрел на него, все понимал и был полон к нему сочувствия и уважения.

И вдруг, в этот самый момент, когда этот румын маскировал у себя верхнюю губу, чтобы, не дай бог, не чихнуть по-глупому, в этот момент в глубине зала резко и свободно, на обе створки, раскрылась дверь, и тут же изысканная толпа пришла в движение. Три высоченных джентльмена, расталкивая всех и прокладывая себе дорогу, с креслами в руках продвигались

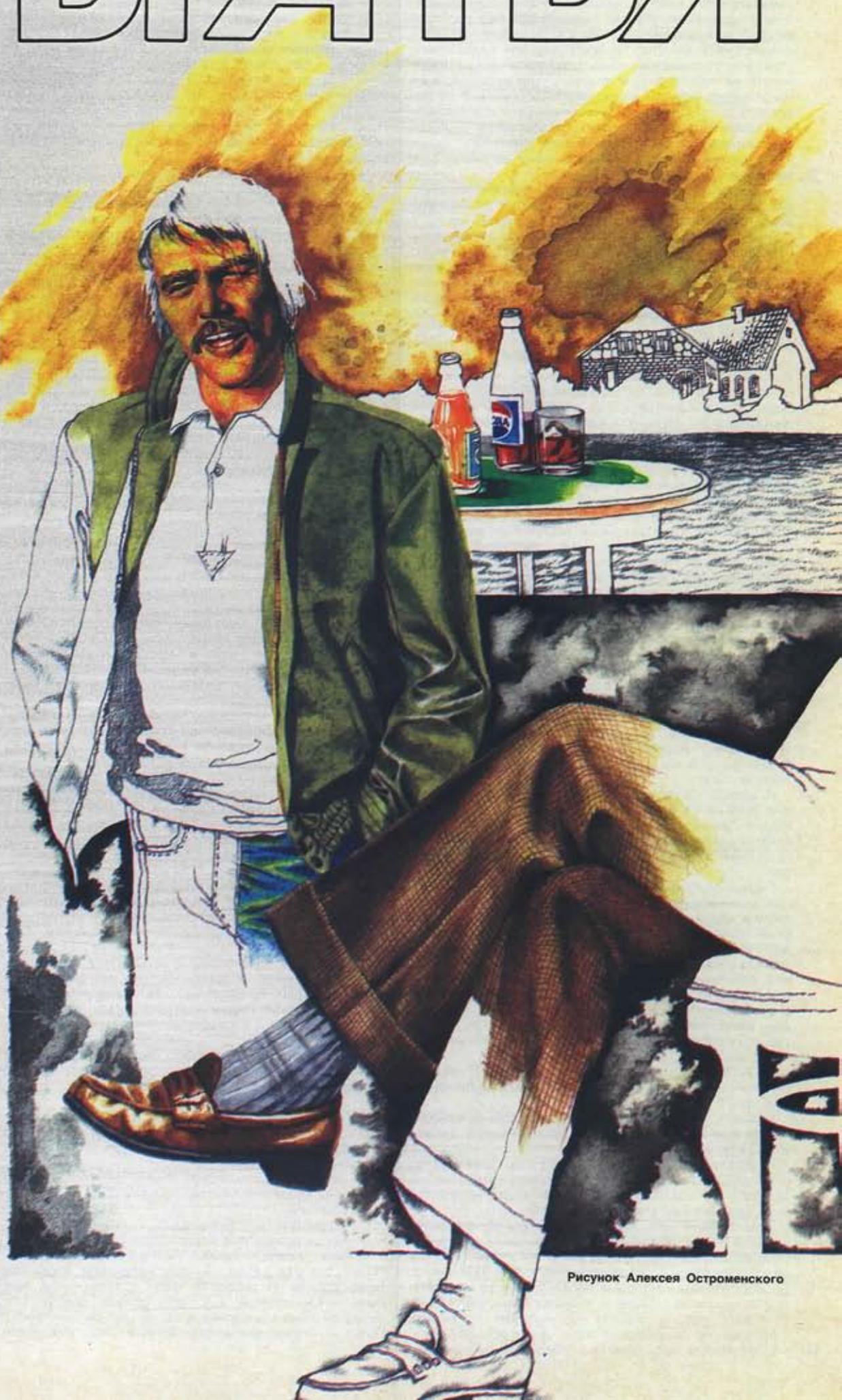

Рисунок Алексея Остроменского

вперед, к незанятому пятаку паркета перед нашим столиком. Эта пустота была почтительно оставлена воспитанной публикой, чтобы гость не смешился с другими прочими, а беседовал с ними на хорошем расстоянии. И вот вышли они на этот как бы освященный круг, поставили кресла в один ряд перед самым носом великого писателя, уселись, заложив одну за другую свои длинные роскошные ноги. Их ноги и они сами были очень похожи друг на друга. Молодыми, полными интеллекта глазами стали есть Леонида Максимовича и, что было совсем уже ни к чему, стали улыбаться прямо в лицо великому писателю. Но он свирепо откашлялся и не сбылся с мысли, а продолжал говорить.

Сановитый Захария Станку выпрямил спину, но замкнутое его лицо оставалось по-прежнему спокойным и замкнутым. Леонид Максимович еще раз прошептался и наконец-то сбылся с мысли, то есть потерял нить. Он стал потирать лоб, как будто хотел отыскать оборванный конец этой нити, но из этого ничего не получилось, и теперь стало видно, как не понравились ему эти джентльмены и особенно не понравилось то, как они беззастенчиво ели его глазами и, подаввшись вперед, прямо-таки доставали Леонида Максимовича своими ироническими улыбками. Великий писатель в упор столкнулся своим взглядом с их взглядами и сказал:

— Простите, — сказал он, — я не совсем понимаю вас, не могу понять, почему вы... э-э, так вызывающе развалились передо мной... и... уставились на меня.

Джентльмены, они были молодыми писателями, не изменили ни своих поз, ни выражений на своих лицах. Они продолжали смотреть на высокого гостя, как если бы он был не натуральным, не живым Леонидом Максимовичем, а говорящим и глядящим на них с кинокрана. Но Леонид Максимович был живым, натуральным, и поэтому он откашлялся в кулак и снова начал говорить с глухим раздражением.

— Так вот... есть у одного племени... кажется, тибетского, такой обычай. Когда умирает человек, его оставляют одного в пустой комнате. Приходит служитель культа, садится перед покойником и начинает наставлять его. Ведь, как известно, каждому умершему человеку предстоит путь в неведомый, потусторонний мир, и, чтобы он не потерялся там, не заблудился, чтобы он не спотыкался на незнакомом пути, служитель рассказывает, с чем тот может встретиться, какими дорогами придется ходить ему, какие кочки и колдобины встретятся на его пути и так далее. И вот вполне подготовленный покойник может смело отправляться в путь. Км... км... Неплохой обычай, и вам, молодые люди, рискующим отправиться в неведомый для вас мир, я, старый человек и старый литератор, хотел кое-что сказать, предостеречь от возможных опасностей, от кочек и колдобин, а их предостаточно будет на пути в литературу, но вы зачем-то суете прямо под нос мне ваши иронические ноги и ваши иронические улыбки, весьма и весьма неуместные в нынешнем чреватом мире, где, между прочим, миллионы людей еще не знают, что они люди, что каждый из них Человек. Но в этом мире может вполне найтись маньяк, тронуть всего лишь одну кнопку — и все рухнет в тартарары. И это вот бледечко с орешками, — Леонид Максимович небрежно ковырнул бледечко, — и стол, и все мы в этом зале, на этом земном шаре.

И дальше, оставив молодых писателей-джентльменов, другого слова никак не могу подобрать для них, пошел дальше говорить о нынешнем чреватом мире, о месте в нем художника, демиурга, творца, владеющего более разящим оружием, чем атомное. — Словом.

Леонид Максимович разговаривал больше часу. Когда закончил, когда в зале появились с подносами люди в черных фраках, а на подносах рюмки с золотистым коньяком и рыжеватой цукой, когда все забродило в зале от перемещения лиц, хорошо ухоженных, хорошо причесанных и совершенно голых голов, пиджаков всевозможных покровов и расцветок, галстуков и сорочек, но мы еще стояли, не смешиваясь со всем этим, Леонид Максимович каким-то задиристым, имевшим место, видимо, в давние, юные годы, но теперь уже полуза�отым движением локтя поддел меня сбоку и, наклонясь, сказал шумным шепотом:

— А? Обратил внимание на этих... трех длинноногих! Как они шлепнулись передо мной, сунули ноги... под нос. А?

И потом, уже на палубе экскурсионного теплохода, он все еще не мог забыть этих джентльменов, не мог успокоиться.

— Ввалились, понимаешь, сразу три длинноногих с креслами, растолкали людей, перед самым носом заломили нога за ногу и пошли улыбаться, ну, что ты, мол, там мелешь, старый пень... км... км...

Нет, по-серъезному не было у Леонида Максимовича никакой такой обиды, рассказывал он с веселыми глазами, с ухмылкой. Просто эти длинноногие слишком резко ворвались в натренированный глаз художника. Да, собственно, и молодые писатели ничего не имели против великого человека, никаких злых намерений. Они вели себя в полном соответствии со своими понятиями об окружающем мире, в котором они только что начали жить. В этом я убедился, познакомив-

шись с одним из трех, по имени Петру. Простой, общительный парень подошел ко мне и с ходу пригласил к себе в гости. Он свободно говорил на английском, немецком и французском языках, а также кумекал немножечко по-русски.

По дороге с мучительными гримасами он пытался разговаривать:

— Очень го-тел изучать, это не есть просто.

За углом гостиницы «Атенеа-палац» Петру даже остановился.

— Не есть просто, — ликовал он передо мной, жестикулировал. — Английский, еще французский не есть проблема, проблема — русский.

— Но ты понимал Леонида Максимовича? — спросил я.

— Я хорошо понимал.

— Но вы, все трое, нехорошо вели себя.

— Васка! — воскликнул Петру и снова остановился. Крупные молодые глаза его выражали чуть ли не ужас. — Нет плох! Нет правдально! Васка! Захария Станку держит Леонова учителем. Так! Достоевский, Леонов учители Станку. Это интересно, мы хотели слушать. Захария хороший мастер. Он уже написал. Нам, — Петру постучал себя в грудь, — нам нет ему чего сказать. И Леонов нет чего сказать нам. Его день абеген, уже ушел.

— Ты не прав, Петру, — возразил я.

— Филлайхт, может быть, Васка.

Мы вошли в подъезд старинного дома без лифта. Поднялись по сумрачной каменной лестнице на третий этаж. Дверь открыла мать Петру, полная женщина в очках. Я был представлен как советский друг Петру. Лицо матери сделалось ласковым, и она заговорила со мной на румынском языке. Я понял, что ей приятно и что она рада такой встрече. Сама же, наподобие всех матерей земного шара, засуетилась, надела передник и отправилась на кухню готовить угощение.

Ни одним из иностранных языков я так и не овладел, хотя способности к этому у меня хорошие. По-румынски, например, я заговорил в первый день нашего приезда, даже в первый час. С вокзала мы прибыли в отель, и там, как только Олеся Гончар вошел в свой номер, я снял трубку и попросил соединить меня с три тридцать пятым.

— Домнуле Гончар? — спросил я с румынским акцентом.

— Я слушаю, — отозвался Александр Терентьевич.

— Плоэшти, Букурэшти, Аурэлия? — спросил я на чистом румынском языке.

Плоэшти я знал еще с войны, когда сильно бомбили этот город. Букурэшти — Бухарест. Аурэл — так звали шофер, который привез нас в гостиницу. Александр Терентьевич долго добивался, кто с ним говорит и что от него требуется, пока наконец не разобрал все три слова, и только потом стал объясняться со мной, то есть ласково, как умеет один Гончар, посыпать меня тута, где Макар еще ни разу не пас телят.

Словом, в доме Петру я чувствовал себя вполне свободно. Когда мама говорила: «Петру, Плоэшти, Букурэшти, Аурэлия», — я хорошо понимал, что надо идти мыть руки и садиться за стол.

— Букурэшти, Плоэшти, Аурэл, мама, — отвечал Петру. И действительно, он провел меня в ванную комнату, там мы помыли руки и потом вернулись к столу.

И дальше я все понимал, когда мама говорила Петру, чтобы он разлил по фужерам вино и предложил мне закусывать брынзой. Правда, я не знал еще всех тонкостей языка, поэтому больше прибегал к жестам и мимике, молча чокался с Петру и его мамой и пил вино тоже молча.

Но перед тем, как мы стали пить вино и закусывать брынзой, когда мама еще нарезала эту брынзу ломтиками на кухне, Петру пригласил меня в свою комнату, преподнес мне свою первую книжку повестей с теплой, дружеской дедикацией на румынском языке.

В кабинете стояли большой письменный стол, кресло, книжный шкаф. В другой части — две деревянные кровати, хорошо прибранные, с белоснежными подушками в изголовье. Рядом платяной шкаф. Над обеими кроватями висели в рамочках две детские фотографии.

Я пожмал руку и благодарили Петру за книжку, а сам то и дело поглядывал на эти кровати и на круглые детские головки в рамочках фотографий.

— Это кто? — наконец спросил я.

Петру немножко притопнул ногой и сказал, что здесь, где мы стоим, была детская и что здесь жили они вдвоем со своим братом Иоником. Он подошел поближе к изголовью.

— Это есть я, это — брат Ионик, по-русски значит Иван. Мы родились вместе, за один день.

— Близнецы?

— По-русски так? Близнецы?

— Когда рождаются в один день.

— Мне теперь, — сказал Петру, — тридцать лет. Ионику так еще десять. Он умер мальчиком, когда нам было десять. Я попросил маму оставить так, как было. — Он подошел к шкафу, открыл дверцу. Там висел детский костюмчик и рядом костюм нынешнего Петру. — Форма для школы Ионика висит двадцать лет.

Теперь в глазах Петру я увидел темную, непроходящую грусть.

— Двадцать лет вы все еще спите рядом?

— Так. Теперь я уже пишу книги. И моя проблема только одна — смерть. Что это? Зачем? И зачем рождение? Зачем породился Ионик, чтобы умереть, чтобы жить? Зачем?

К сожалению, я не мог ответить ему. Мешали плохое знание языка, а также нелегкость самих вопросов. Я только посмотрел в его молодые печальные глаза, потом на прибранные кровати, на стриженные детские головки близнецов, на их одинаково удивленные лица, на платяной шкаф, за дверцами которого я теперь знал, что висит. Если к этому прибавить, что отец Петру — причин я не знаю — ушел от этой семьи и жил где-то в Париже, или в Лондоне, или в другом каком месте; если к тому же я видел своими глазами маму Петру, как она надевала передник, отправляясь на кухню, как она приглашала меня выпить вина и закусить ломтиками брынзы, видел ее не очень еще усталое от жизни лицо, на котором ничего, кроме желания угодить другу, приехавшему из Советского Союза и ни бельмеса не понимавшему по-румынски, — если все это вместе держалось в моей голове, то мне стало ясно, что за внешностью трех длинноногих, одним из которых был Петру, ничего решительно увидеть нельзя. И даже великий писатель, когда он рассказывал об этих троих на экскурсионном теплоходе, мне казалось, также ничего не видел или увидел что-то другое, что могут видеть исключительно только одни великие писатели.

На открытой палубе Леонид Максимович живописно сидел рядом со своей супругой Татьяной Михайловной и рассказывал нам, его соотечественникам, гениальные анекдоты.

— Это Шаляпин рассказал Горькому, кгм... кгм... Горький мне. А? Шаляпин — Горькому, Горький — Леонову! Ничего? — И громко откашлялся в кулак.

За палубой тяжело пластился голубой Дунай, текли его предсенные прохладные воды, и Леонид Максимович был в хорошем расположении духа.

Вместе с водами медленно текли и зеленые румынские берега Дуная с уютными прибрежными городками под красными черепичными крышами. Чреватый, неустойчивый мир в этот час был прекрасен, и мы, рядом с Леонидом Максимовичем, были счастливы. Сухопарый и сановитый Станку сопровождал нас в этом экскурсионном плавании по великой реке. Он царственно расхаживал по палубе. В черной безукоризненной паре, с открытой серебряной головой, он представлялся мне переодетым капитаном теплохода, но в то же время похож был и на прославленного дирижера или европейского метрдотеля. По его неуволившим знакам перед нами появлялись люди с подносами — пепси-кола, вино и легкая закуска. По его же невидимым командам теплоход приставал к берегу и отчаливал от него, шел по стражно Дунаю или останавливался где-нибудь в камышовом гирле, чтобы гости, то есть мы с Леонидом Максимовичем, могли насладиться предоставленной нам красотой.

Еще с палубы мы увидели белый тент на зеленом берегу.

Под тентом на длинном столе угадывалось стекло бутылок, фужеров, бокалов и рюмок среди богатейшего натюрморта изысканных яств. В этом натюрморте, отсылающем память к эпохе Возрождения, мы нашли потом все, что может обрадовать глаз и грешную плоть гурмана. Черная и красная икра, белая и красная рыба, красные помидоры рядом с нежной зеленью салата и огурцов, персики, виноград и клубника, ломтики ветчины и сыров, красные и белые вина, пепси и кока-кола, темные и светлые бутылки и бутылки с чинсано, джином и виски. На столе не было только птичьего молока. Если, дорогой читатель, вы не совсем равнодушны ко всему этому, я советую вам ездить в гости только с великими писателями. И тогда вы не будете испытывать нужды ни в чем, даже в птичьем молоке, которое вам подадут на завтрак; если не в первый же день, то во второй оно будет стоять перед вами.

Вечером, пересев на автобус, мы отправились к берегу Черного моря на ночевку в приморский отель, где живут в купальный сезон толстосумы из многих капиталистических стран и где можно отдохнуть не хуже, чем, например, в станице Голубицкой под нашим Темрюком, под боком у Азовского моря.

После королевского ужина Захария Станку сказал за притихшим столом, а Лия с готовностью перевела:

— Может быть, друзья Леонида Максимовича и сам он хотели бы заказать на завтрак что-нибудь индивидуальное?

Наши королевские трапезы превосходили все наши индивидуальные пристрастия, и поэтому мы смущенно молчали. Леонид Максимович выждал минуту и скромно попросил себе на завтрак птичьего молока. Мы с достоинством оценили глубокий юмор великого писателя, но Захария Станку даже не улыбнулся, не шевельнулся ни одним мускулом. Он спокойно сказал склонившемуся над его плечом распорядителю отеля:

— Плоэшти, Букурэшти, Аурэлия.

Распорядитель во фраке выпрямил свой дирижерский стан и с коротким поклоном ответил:

— Буна.

Лиля перевела для нас распоряжение Станку. На завтрак заказано птичье молоко.

Захария Станку не зря считал себя учеником Достоевского и Леонова. Мы отметили для себя, что ученик, как и положено ему, одержал победу над учителем. На его гениальную шутку, содержавшую немыслимое желание, ученик ответил утвердительно и победил. Дело в том, что Леонид Максимович, не говоря уже о нас, не знал одной простой вещи. Птичье молоко входило в меню румынских ресторанов без всякого юмора. Оно приготавливается из козьего молока, в котором плавает белоснежный айсберг сливочного крема. Это и называется «Птичье молоко».

Все это мы узнали на другой день. А в тот первый день после королевского обеда под тентом мы снова поднялись на палубу, чтобы продолжить свое путешествие по Дунаю. Лиля стояла перед Станку, запрокинув голову, потому что только в таком положении могла смотреть в глаза и слушать нашего гостеприимного хозяина, а он говорил:

— Площади, Букурэшти, Аурэлия — то есть нет ли среди гостей любителей рыбной ловли: в Бухаресте были заготовлены черви, на палубе есть необходимая снасть, а также любители-рыболовы, пискаруэл. Пожалуйста, Станку приглашает любителей.

Я признался, что рыбную ловлю люблю больше всего на свете.

— Буна, — сказал Станку, и через несколько минут наш теплоход взял курс в сторону моря.

По левому берегу без конца и края кружились в мареве позднего солнца зеленые плавни. Захария Станку что-то рассказывал для нас Лилю, она слушала, кивала хорошенькой головкой и улыбалась. Сам Станку был непривычно оживлен и в эту минуту не казался нам протокольно строгим и сановным. Когда Лиля стала переводить его рассказ, он с живым интересом смотрел, как мы относимся к тому, что он говорит. А он говорил о плавнях, куда с весны завозят пороссят, тут они живут все лето, пытаются подножным кормом, корешками, желудем, а к осени набирают вес и становятся пригодными к забою. Тысячи пороссят к осени вырастают в больших свиней, причем без всяких затрат. Лично я был в восторге и пожалел, что мы затопили искусственным морем наши замечательные плавни на Днепре. Леонид Максимович откашивался в кулак и также восхищался дунайскими плавнями и пороссятами, которые так легко становятся большими свиньями.

Захария Станку, оказалось, был выходцем из деревни, всю жизнь писал о ней, и последний его роман был также о деревне. Трудно поверить, чтобы этот человек, аристократ с виду, мог родиться в деревне, писать о ней и так любить маленьких пороссят. Всегда по внешнему виду нельзя правильно понять человека и прочитать его жизнь.

Вскоре мы вошли в один из бесчисленных рукавов Дуная и пришвартовались к берегу в зарослях камыша. Люди Захарии Станку принесли ведро с червями, удочки, и я тут же с палубы забросил наживленный крючок в лагунку между камышами и стал ждать поклевки. Все воды рек, морей и океанов имеют для меня лишь тот смысл, что перед ними можно встать или сесть поудобнее, насадить червя, закинуть удочку и с замиранием сердца смотреть на поплавок. Вода, которая была сейчас передо мной, была лучшая из всех вод, в которые мне приходилось когда-нибудь бросать удочку. В темнеющей ее глубине отражался камыш, и там, невидимая моему глазу, ходила рыба. У себя дома из такой лагунки, куда не проникало ни малейшее дуновение ветерка, из этой изумительной изумрудной глубины я за каких-нибудь полчаса натаскал бы с ведро рыбы. А тут поплавок трогательно, как свечечка, стоял и не шевелился.

За маленьким заливчиком, где мы стояли, где, мертвый, повторялся в воде мой поплавок, а под ним, я уверен, кишмя кишила рыба, но не хотела брать бухарестского червяка, за этой лагуной неказистый мужичок в одиночестве резал камыш, увязывал его и снопы укладывал в ручную тележку. Я смотрел на поплавок, видел мужичка-старателя, работавшего в ослепительном сиянии вечернего дня, и томился в ожидании счастья. На палубе за раскладным столиком сидел Леонид Максимович с темной бутылкой пепси-колы. Он ко всему спиртному относился с почти нескрываемым омерзением и не жаловал даже безалкогольные напитки, поэтому не пил сейчас, а время от времени подносил к стриженым усам фирменную бутылочку, смачивал губы и поглядывал по сторонам. У меня не клевало, и мне было стыдно перед великим писателем. Не успел я подумать, чтобы поменять место, как поступила команда собрать снасти и пожаловать к раскладным столикам, куда уже подавали люди Захарии Станку выпивку и закуски. Когда мы расселись за столиками, Леонид Максимович сказал Лилю:

— Лиля, надо бы угостить этого человека труда. — И он кивнул в сторону мужичка с серпом.

Тут же кто-то из людей Станку взял со стола бутылку и направился к трапу.

— Зачем это? — крикнул Леонид Максимович. — Зачем унижать человека труда подачками? Пригласите его к нам, на палубу.

— Площади, Букурэшти, Аурэлия, — перевела Лиля на румынский, и человек с бутылкой вернулся, поставил вино и снова ушел, чтобы пригласить труженика.

Через какое-то время мужичок в сопровождении человека уже поднимался по трапу. Его подвели к Леониду Максимовичу, и тот сказал:

— Лиля, переведите, я хочу, чтобы он разделил с нами наш хлеб и нашу соль.

— Я ведам русешти, — сказал вдруг мужичок и робко забегал глазами по лицам сидевших рядом с Леонидом Максимовичем.

— Вы русский? — спросил несколько изумленный Леонид Максимович.

— Я естем русски.

— Откуда родом?

— Деды мовили, от Чернигова.

— Староверы? От Никона бежали? Так, что ли? Кгм, кгм...

— Пан все ведает, ми не ведам.

— Да, это так, так, вы староверы.

Русский мужичок, занесенный некогда из-под Чернигова, неуверенно стоял перед Леонидом Максимовичем, вроде стеснялся стоять перед ним и весь подрагивал при каждом слове великого писателя. Он не знал, что Леонид Максимович отнюдь не гневается на него, напротив, рад встрече и разговору.

— Так, так! — радостно и возбужденно воскликнул Леонид Максимович. — От Никона бежали! Тогда русские по всему свету разбегались.

— Пан все ведает, ми не ведам.

— Да какой же я тебе пан! — по-своему крикнул Леонид Максимович. — Я брат твой, русский писатель Леонид Леонов!

— Ми не ведам! — И вдруг, совсем неожиданно, но как-то очень сноровисто, умело мужичок сломился, со стуком встал перед Леонидом Максимовичем на колени и одновременно успел ухватить его мягкую руку, стал торопливо целовать ее, шепча что-то при этом.

— Нет, ты уж, брат, встань, встань с колен, не унижай себя, ведь ты человек, тем более — русский человек. — Леонид Максимович, сам поднимаясь с плетеного креслица, поднял за руки и мужичка. — Так не годится, брат, не годится, ведь мы пригласили тебя поесть нашего хлеба и соли, а ты, понимаешь, на колени, руки целовать, не годится. Давай-ка вот сядь рядом со мной, вот так, и давай-ка выпьем с тобой, как с братом, хоть я ее, проклятую, век не пил и не терплю, но с тобой выпью.

Леонид Максимович сам налил сухого вина в фужеры, взял свой за ножку, чокнулся и немножечко отхлебнул. Мужичок высыпал все до дна, растерянно забегал глазами, будто хотелось ему скрыться куданьку. Он не знал, вставать ему теперь и идти или еще сидеть. Но Леонид Максимович собственными руками сотворил для своего брата бутерброд с маслом и черной икрой, подвинул тарелочку с ветчиной.

— Вот выпил, теперь закуси, как положено у нас, у русских. Тебя как кличут, брат?

— Меня кличут Петро.

— А меня Леонид, сын Максимов. Вот так, брат Петро. Да ты ешь, закусывай, без церемоний, а я тебе еще налью. Вот так. Кгм... кгм...

Мужичок несмело взял бутерброд с икрой, но есть стал жадно.

— Это хорошо, — сказал Леонид Максимович, — что вы язык своих сохранили, великий русский язык.

Брат Петро робко шевельнул плечом.

— Мало русешти, мало руманешти. Пентра годи никак не мовили, мовчали. Германец пришел, не можно мовить русешти, а германски ми не ведам, мовчали пентра годи. — Он показал четыре заскорузлых пальца.

— От Гитлера всем досталось, это верно, брат Петро. Теперь, слава Богу, все в прошлом, теперь, брат Петро, бери вот ветчину и хорошо закусывай.

Брат Петро выпил еще фужер вина, быстро управился с ветчиной и очень ловко, так что и заметить было нельзя, сплюс со стула и опять оказался на коленях перед Леонидом Максимовичем, опять схватил его руку и все силился притянуть ее к своим губам, все клонил голову, чтобы поцеловать, но Леонид Максимович на этот раз не дал руки своей, сумел удержать ее.

— Ты, брат Петро, упрям, однако. Негоже стоять на коленях, ты уж, брат, изволь встать. Ведь я же говорил, что человек, брат мой по духу и крови, не должен падать перед мной на колени. И Ни перед кем!

Мужичок поднялся неловко, стоял, слушал, моргая глазами, и, видно было, не верил великому писателю.

Леонид Максимович встал с места, взял руку Петра, пожал ее крепко и сказал:

— Желаю счастья тебе, брат Петро. А теперь иди к своим делам, а мы пойдем к своим.

Никто из нас, даже Захария Станку, не вмешивался в разговор двух братьев. Я вспомнил своего друга Петра. Он и этот мужичок, с тем же именем Петро, держали себя перед великим писателем в полном согласии со своими понятиями о мире, в котором оба они жили одновременно. А этот мир над голубым Дунаем и за его пределами был чреват и ослепительно прекрасен.

ТРЕВОЖНОЕ ПИСЬМО

Остановитесь!

Уважаемая редакция!
Пишу вам потому, что
надеюсь: моя страшная судьба отвратит
других юношей и девушки от страшной
заразы. Я — наркоманка. Мне всего
шестьнадцать лет, но

кажется, что уже прошла вся жизнь.

Началось это в четырнадцать лет. Я была очень компанейская, всегда с друзьями. Но вот как-то — это было в 8 классе — вошла в другую группировку, где тоже все вроде были «нормальные». А летом стала замечать, что многие употребляют наркотики, токсические вещества. Предложили попробовать и мне, конечно бесплатно. Сначала я не хотела, а потом испугалась, что сочтут трусихой, и попробовала. Понравилось. После трех-четырех раз меня уже тянуло к наркотикам, но «друзья» сказали, что теперь могут лишь продать их. У меня не было денег, и я вытащила их из кошелька мамы. Первый раз дома вроде ничего не заметили, но потом, когда кражи стали регулярными, родители заметили что-то неладное. К тому же раньше я училась хорошо, а когда начала принимать наркотики (чаще всего опий, морфин), скатилась на двойки, грубила. В школе это тоже заметили. Мать увидела у меня на руке следы от уколов и повела к наркологу. Меня положили в диспансер, но когда вышла после месячного лечения, продолжалась совсем недолго. Опять потянуло к наркотикам, но денег не было, и тогда я в школе на физкультуре стала обшаривать карманы и сумки своих одноклассников...

Но этих денег не хватало, и тогда «друзок» предложил мне заняться проституцией. Надо сказать, что многие девочки из нашей «компании» были вынуждены заниматься этим, потому что не могли жить без наркотиков. Но мне уже было все равно, что делать, я потеряла все свое достоинство и жила лишь на одних наркотиках.

Кое-как сдав экзамены за восемь летку, я пошла в ПТУ, но, разумеется, учиться уже не могла. В школе хотя и видели, что я погибаю, не делали ничего, если не считать беседы классного руководителя с мамой. Родители видели, во что я превратилась за год, но ничего не могли сделать. Они еще раз водили меня в клинику, но без всякого толку. У мамы все чаще случались сердечные приступы. После выхода из больницы я пыталась повеситься, но меня спасли. Мать не вынесла этого и умерла.

Отец не выдержал нового удара и запил. А я ходила на вокзал, в аэропорт и там «работала», чтобы иметь деньги на эти чертовы наркотики. Из ПТУ меня, конечно, исключили за прогулки, и никто не интересовался моей судьбой. Отец стал неуправляемым алкоголиком, и теперь я жила у подруги, тоже наркоманки. У нее была лишь глухая бабушка, и мы там могли делать все, что хотели. Так прошел еще год.

Ну вот, теперь я рассказывает все. А написать заставила ваша статья о токсикоманах. Номер журнала случайно оказался у подруги, я прочитала статью, и меня словно ударило. Потому я и прошу, умоляю: ОСТАНОВИТЕСЬ! Если моя жизнь мне уже не нужна, то вы хотя бы берегите свои жизни! Вспомните наши искалеченные судьбы. Не калечьте свои души!

Вспомните перед тем, как воткнуть шприц в вену, о наших судьбах!

Я прошу: напечатайте мое письмо, пусть узнают горючую правду те, кто старается с помощью наркотиков подавить свою волю, разум. С каждой минутой все труднее писать. Извините за ужасный почерк. Руки дрожат, я жду очередной порции наркотиков...

Я уйду из жизни без сожаления. Никто не в силах мне помочь, но я прошу: будьте внимательнее к тем, кто рядом с вами. Гибнут молодые люди, у которых вся жизнь впереди! Это мои последние слова. Это мое предостережение. Живите!

Людмила

Я — наркоманка. Мне всего было 16, когда начали пить, но мне хватило, чтобы уйти из семьи без друзей — наркотиками, уйти в мир других. Жалко, что я

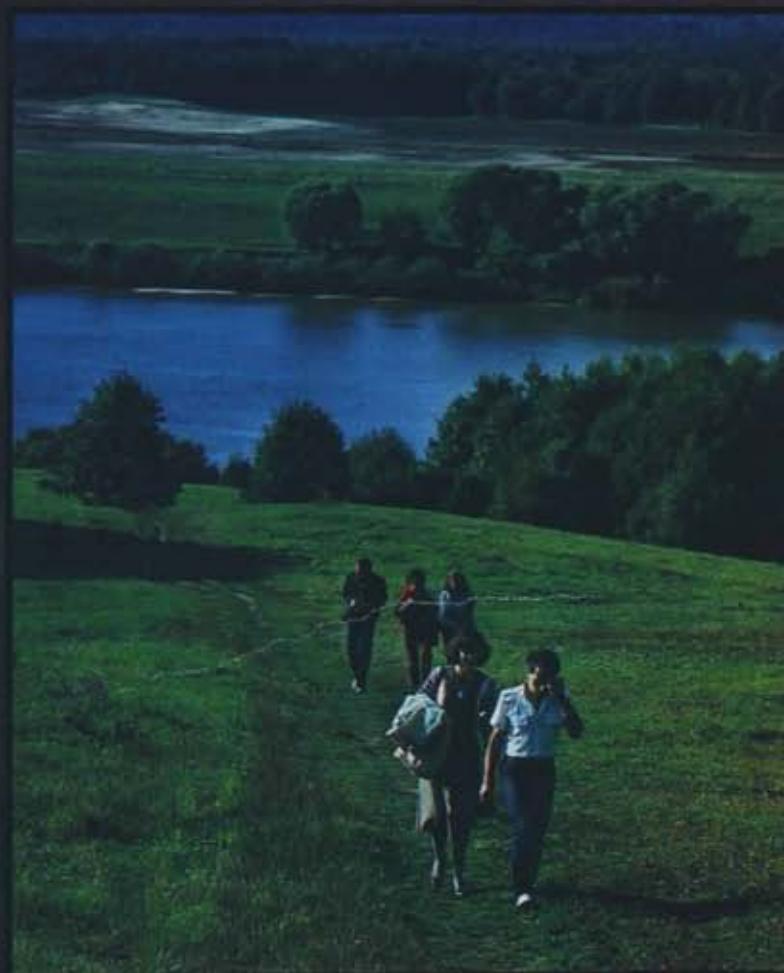
АДРЕС ИНТЕРЕСНОГО ОПЫТА

ЭКОПОЛИС

Сергей КОЗЫРЕВ, Игорь ЯКИМЕНКО

Рядом с лесами —
модернистский комплекс.

Так
выглядят
секции
на окраинах
города.

Tак устроен человек, что думать о своем здоровье он начинает только тогда, когда почувствует первое недомогание. И сетовать на свое неблагородное сейчас — только терять драгоценное время. Но в каком-то момент болезнь может приобрести необратимый характер...

Речь в этой статье пойдет о природе, о ее здоровье, которое напрямую зависит от человека. От человека, который еще не осознал до конца, что здоровье природы — это и его собственное здоровье. А ситуация складывается не очень веселая. Даже если сейчас мы превратим десять процентов Земли в заповедные зоны, утверждают ученые, то и тогда нам удастся сохранить в неприкосновенности лишь половину фауны.

Однако не все еще потеряно, считает Дмитрий Николаевич Кавтарадзе, заведующий лабораторией экологии и охраны природы МГУ. Он оптимист. Но он — ученый. И его главный инструмент — факт, который констатирует: создание биосферных заповедников — не та мера, что способна спасти Землю. Ведь в 2000 году около семидесяти пяти процентов населения нашей страны будет жить в городах (сегодня уже шестьдесят два). В ближайшие годы будет заложено около пятисот поселков с населением до 20 тысяч человек. Отрицательное влияние городов на природу огромно. Конфликт с природой приобретает невероятные масштабы.

В Советском Союзе, по сравнению с другими европейскими государ-

ствами, экологическая проблема стоит наименее остро. Но и у нас из 22 тысяч видов растения в охране нуждаются четыре тысячи. В «Красную книгу СССР» занесены уже четверть часть видов амфибий, почти пятьдесят процентов рептилий, более шестнадцати процентов зверей.

Дмитрий Кавтарадзе отчетливо помнит свою реакцию, когда он, еще будучи студентом, познакомился с этой проблемой. А реакция была такой: надо действовать, и немедленно! И тогда на биологическом факультете МГУ появился молодежный совет по охране природы. Начали с браконьерства, потому что выяснилось: из ста браконьеров инспектор задерживает только одного в Московской области, в других местах этот процент еще ниже...

Попытались искать свои пути в решении проблемы, стараясь не просто найти браконьера, но и одержать над ним моральную победу. Рассыпали им поздравительные открытки под Новый год с пожеланиями не встретиться в следующем году... И кое-что добились. Был создан журавлинский заказник под Талдомом. Сделали несколько проектных обоснований национальных парков в стране. На основе предложений молодежного совета было создано несколько заказников, в которых охранялись редкие растения. Но ощущения, что они серьезно решают проблему, так и не пришло. Поняли: создавая заказники и заповедники, природу не сохранишь. Суть проблемы ускользнула. Тогда и возникла мысль создать обширную программу «Экополис».

Города: снимки Ю.Дудка

Приволье для дятлов

Рассказ о ней Кавтарадзе начал с вопроса: «Можете представить себе такую ситуацию? Олень питается травой, занесенной в Красную книгу. Нужно сохранить редкое растение. Но как? Не истреблять же для этого оленя? Подобные ситуации случаются в жизни.

Однажды было замечено, что в реке Астраханского заповедника уменьшается количество рыбы. А баклан, а их там около ста тысяч, может съесть пять килограммов рыбы за день. Вывод ясен — надо спасать рыбу от прокорливых птиц! Однако после отстрела птиц рыбы стало еще меньше. Бакланы-то, как выяснилось, поедали только слабую и больную рыбу, выполняя тем самым функции санитаров.

Заметим, что эта грустная история произошла в заповеднике...

Короче говоря, ни «хирургическое» вмешательство в природу, ни забота о создании заповедников не давали нужного результата. И тогда Кавтарадзе решил спроектировать модель такого города, в котором будет жить человек, решивший сегодняшние экологические проблемы.

«Полигоном» для этих испытаний стал город Пущино.

Самые удивительные вещи находятся рядом с нами, просто мы их не замечаем. В этом Кавтарадзе еще раз смог убедиться, устроив пущинцам экскурсию по окрестностям города. Многие из них и так при любом удобном случае отправлялись в лес, но не каждый мог объяснить свое подсознательное желание побывать на природе (ведь воздух в Пущине достаточно чистый, так что «за кислородом» ходить в лес особой нужды нет). Причина — в неполнопоченности городской среды, в том, что урбанизация стала антагонистичной по отношению к природе. И чтобы погасить этот конфликт, недостаточно охранять только редких животных, нужно сохранить среду.

Вот оно, решение. Кавтарадзе считает, если каждый человек будет мыслить себя гражданином Земли, а не просто жителем какого-то города, то цель достичима. Но как научить этому?

Понять умозрительно или с чужих слов это невозможно.

С помощью студентов, приехавших вместе с Кавтарадзе, пущинцы ознакомились с окружающей их природой. А ученые составили социальный и экологический «портрет» города, изучили дороги, состояние травяного покрова, даже посчитали бродячих собак и кошек. Скажете, курье? Ведь послушать птиц, посмотреть, как цветут лесные растения, можно и самим. Но, оказывается, горожанин, не будучи ботаником или зоологом, этого попросту не умеет. Даже если каждое воскресенье бывает в лесу. Не знает, какой вред может принести лесу обычная лыжня, не знает, что за средой можно (и нужно) ухаживать так же, как за цветочной клумбой или газоном. Жить с природой, как с добрым соседом, в мире и дружбе. Но для этого нужно знать ее. Студенты, например, помогли пущинцам определить, что в окрестностях города существуют сорок два вида растений, способных вызывать аллергию у человека. Всего в городе насчитываются 302 вида трав, а в окрестностях — 850. В городе и окрестностях можно встретить 7 видов земноводных, 127 видов птиц, 17 видов млекопитающих. Все эти знания помогли людям найти общий язык с природой.

По выходным дням в лесу много туристов. Горожане за год собирают почти 250 тонн грибов, около 17 тысяч тонн ягод, вылавливают удочками 39 тонн рыбы. Автомобили, не желая того, приносят гибель птицам, зверькам, насекомым, в том числе шмелям — опылителям клевера. Моторные лодки — угроза обитателям реки. Как избежать всех этих потерь? Что нужно сделать? Запретить пользоваться лесом? Нет, нужен другой выход. И он есть.

Необходимо взаимное приспособление людей и природы. Лыжню проводить в лесу только по летним тропинкам. Собирая грибы, ягоды и цветы, не вытаптывать траву, пользуясь специ-

альной обувью — надувными «летними лыжами»...

Нужно сделать город таким, чтобы он не заставлял человека бежать из него при первой возможности. Исследования лаборатории Кавтарадзе дали интересные результаты. Город, оказывается, может служить центром по очистке биосферы. Ведь сейчас в Оку, протекающую рядом с Пущином, сбрасывается более чистая вода, чем та, что в самой реке. Город может стать и источником... продуктов питания. Труба, возвышающаяся над городом, при желании превратится в вертикальную... теплицу. Ведь тепло, которое она выбрасывает в атмосферу, можно использовать для выращивания овощей. Газоны могут стать сенокосными «лугами», балконы — домашними пасеками.

Главное, чем руководствуются теперь пущинцы, — во всем следовать логике природы. Не загонять ручьи в трубы, а позволить им существовать естественным путем, прямо в городе; создать на асфальтовых «пустырях» зеленые зоны, площади, покрытые травой.

И программа «Экополис», которую создала лаборатория Кавтарадзе, заработала. Эксперимент по взаимному приспособлению природы и человека состоялся. Пущинцы воспользовались знаниями и идеями, которые им предложили ученые. В городе даже создана детская экологическая станция, пока единственная в стране. Много любопытных изменений произошло и в жизни самого города. Например, один горожанин, по профессии электронщик, человек уже довольно пожилой, так увлекся этими идеями, что решил получить еще одно образование для своей новой деятельности — поступил на географический факультет Московского государственного университета!

Есть и другой, отчасти курьезный результат. Пущинцы начали критиковать программу лаборатории Кавтарадзе и создали свою собственную, которую назвали «Полис». Обиду ученые пережили, потому что поняли: их идеи прижились. От них не отказались, их развили дальше, применительно к конкретному городу.

Программа «Экополис» создавалась и испытывалась одновременно. Но, как показала практика, в этой проблеме без экспериментов теория только дезориентирует. Да, ученые отошли от традиционных принципов науки — не углубляясь в практику. Но ведь и работы подобной никто прежде не делал! Хотя в мире и ведутся усиленные поиски экологических городов. Так, например, американские ученые вместе со студентами строят дома в пустыне; существует экологическая программа и в Канаде. Но ничего подобного «Экополису» не было нигде.

«Экополис» спроектировал черты следующей цивилизации — экологической, в которой человек и природа помогают друг другу.

Пущинцы, например, решили, что одной шоссейной дороги к городу достаточно для транспортного сообщения. А речной трамвай, ходивший прежде по Оке, — это роскошь, приносящая большой вред: разрушаются берега, гибнет рыбная молодь. Совершенно иначе стали пущинцы отдыхать в лесу. Отношение к природе стало бережным.

Кавтарадзе получил письмо с предложением продолжать эксперимент в Сызрани. Лаборатория заключила договор о сотрудничестве с подмосковным рабочим городом Косино. Здесь уже создан клуб «Экополис», да и сама программа развивается гораздо быстрее, чем в Пущине. Путь проторен.

Еще в студенчестве Кавтарадзе проводил операцию, которая называлась «Найти синюю птицу». Цель ее заключалась в том, чтобы определить места расселения редких птиц, не вмешиваясь в их беспокойную жизнь. Лет прошло с тех пор немало. Кавтарадзе нашел свою «синюю птицу» — это результаты работы в Пущине, многочисленные сторонники его идей. Но найти «синую птицу» — еще только полдела. Главное — ее надо спасти.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ «СМЕНЫ»

«ДЯДИ ПИШУТ — ДЕТИ КУРЯТ»

Под таким заголовком мы опубликовали в седьмом номере обзор официальных ответов на публикации «Смены» о вреде курения. В конце обзора задали вопрос читателям: встречали ли вы такие комитеты ВЛКСМ, в которых ни один из комсомольских руководителей не курит?

В нашей почте есть письмо секретаря Ванчского райкома Компартии Таджикистана Владимира Ершова:

«С большим удовлетворением прочел ваши статьи о курении. К сожалению, в борьбе с этим злом пышно процветает лицемерие. Приведу только два эпизода, свидетелем которых был. Один комсомольский работник рассказывает со смехом, как его вызывают в партийный орган, при этом просят захватить с собой материалы о том, что делает комсомол против курения. И он сам про себя говорит, что от него разит табачищем, но он несет то, что у него просят. Другой комсомольский работник, не вынимая из рта сигареты, отчитывает своего подчиненного за то, что тот не сдавал нормы ГТО, не занимается спортом...

Сам я несколько раз начинал курить. Но в 1984 году навсегда отказался от попыток стать курильщиком. До сентября прошлого года работал вторым секретарем Горно-Бадахшанского обкома комсомола и смог убедить работников аппарата расстаться с этой отравой. Помещение обкома мы объявили зоной некурения, издали соответствующее постановление».

Еще одно письмо из нашей почты:

«Уважаемая редакция! К вам обращается один из авторов изобретения «Способ производства антиникотиновой жевательной резинки «гамибазин» (авторское свидетельство № 1268141) Габзималан Ваграм Григорьевич, главный инженер НПО Госагропрома Армянской ССР. Решил написать вам после того, как прочел статью «Дяди пишут — дети курят» («Смена» № 7).

В 1985 году в НПО Госагропрома Армянской ССР с большим трудом было организовано опытно-промышленное производство антиникотиновой жевательной резинки «гамибазин» и выпущено 133 тонны. Однако в 1986 году временное отсутствие импортной основы, а затем и запрет Минздрава Армении стали причиной прекращения производства гамибазина навсегда.

Мое мнение таково, что Минздрав Армянской ССР мог бы в порядке исключения, принимая во внимание значимость препарата для здоровья людей, разрешить продолжить выпуск гамибазина до тех пор, пока будет организовано его производство на новом месте.

Минздрав проявил, на мой взгляд, ненужную принципиальность, закрыв очень важное производство (ссылаясь на устаревшие для нынешнего времени санитарные нормы).

К сожалению, не могу обрадовать тех, кто мечтает приобрести жевательную резинку «гамибазин»: на Елецком экспериментальном заводе восстановленного табака в Липецкой области организация производства гамибазина тоже нереальна (опять-таки из-за запрета медицинских и других служб города).

Так что предложение в конце первого столбца статьи «Дяди пишут — дети курят» было бы правильнее сформулировать так:

«Однако это, похоже, одно из немногих реальных дел (речь шла о выпуске гамибазина). — В. Г.), которые можно отнести не к заслугам Минздрава в борьбе с курением, а наоборот, — к незаинтересованности санитарных служб помочь людям бросить курить».

Лечебно-профилактический препарат против курения, разработанный Белорусским санитарно-гигиеническим институтом совместно с Научно-производственным объединением Госагропрома Армянской ССР, после огромных усилий промышленного внедрения сегодня не вырабатывается, и нет гарантий, что в ближайшее время положение изменится.

Кстати, одна из фирм в Испании выразила желание приобрести лицензию на производство гамибазина, а вот мы свое собственное изобретение реализовать не можем».

«ЗАТМЕНИЕ СОВЕСТИ»

В «Смене» № 5 рассказывалось о трагической гибели передового шахтера Анатолия Плути и о том, как формально отнеслись на шахте «Красный Октябрь» к семье погибшего, в частности, долго не соглашались достроить дом вдове, который начинал строить еще сам Анатолий.

Мы получили два официальных ответа. В письме, подписанном генеральным директором производственного объединения «Орджоникидзеуголь» О. С. Аносовым, говорится:

«...принято решение:

— директору шахты «Красный Октябрь» т. Рубцову В. А. в недельный срок произвести обследование строящегося дома и подготовить проектно-сметную документацию на окончание строительства;

— определить численность бригады рабочих и подготовить исполнительный график строительства;

— обеспечить объект необходимыми стройматериалами;

— закончить строительство дома в течение 1987 года».

В письме из Минуглепрома УССР, подписанном первым заместителем министра П. И. Маросиным, сообщается о том, что выполнение работ по строительству дома взято министерством на контроль.

ТАТЬЯНА СМЕРТИНА

БЕРЕГ-ДЕТСТВО

Душистый папоротник

Уж до чего листвой раскос,
И буен граво на кочках,
В овраге папоротник рос.
На обороте —
в рыжих точках.
Лог колыхал его волной,
И запах дьявольский метался,
Купальщицы наверх толпой —
Он лаписто за ними гнался!
И выбег к солнцу,

пышно, грудно
Наизгибался под сосной.
И вновь,
шатаясь, как безумный,
В овраг ввалился омутной.

А там,
от запахов душистых,
Стонали боровые пихты.
И белки, ошелев,
подолгу —
Бросались с ёлушки на ёлку!

■
Земли травами
Кольисты,
Дух весенний,
Дух пречистый!
Прибивалися скворешни —
И под стук
Проснулся леший.
Вылез тихо среди мхов,
Руки-крыки:
«Охо-ххо!!!»
Парень с дуба — кувырком,
До села рванул бегом,
Да и в валенке одном...
На заборе стареньком
Звонкие сороки
Про него, про валенки
Собирают склоки.

Посвящение в отчество

Сапоги мне велики,
И подол подшит с запасом,
Жду парома у реки
За брусковой ехать красной.
Я — без спросу!
Взор весел.
Первый раз одна в сыр-бор!
Не боюсь —
медведя-вздорщика,
А боюсь —
паромщика.
Опозорить он не пропь:
«Ну а ты
куда прешь?
Прочь!»
... Все взошли уж на паром.
Медлю я.
И тут, как гром,
В первый раз,
При всех здесь лицах:
«Восходи,
отроковица!»
И махнул мне рукавицей.
Вся малинно задыхаясь,
Быстро поручней касаясь,
Восхожу, ведром качнув,
Берег-детство
оттолкнув.

Когда спала я на полатях,
Когда мне часто снились сны,
Когда знакомо и пузато
Темнели с полок чугуны,
Тогда-то под печной заслонкой
Почти все ночи напролет
Трещал кузничек звонко-звонко,
Что жизнь когда-нибудь пройдет.

Деревня Шумнодворье

Здесь белая одымь калины,
Родник всей душою чист.
И каждой весною так дивно
Пахнет смородинный лист.

Что ж ветры в ограду залезли,
Дверями сквозит этот дом?
Эй, Митрий-хозяин, ты здесь ли?
Как тихо и дико кругом...

Средь поля — лепеха коровья,
Спит ржавый фонарь под скамьей...
Последний жилец Шумнодворья
Уехал иль помер зимой...

Рожь убрали везде.
Скирды все свезены.
Лишь осталось в борозде
Зернышко луны.

В пласт потемок упав,
Силы копит —
взойти!
Средь угасших-то трав...
На промерзшем пути...

И взошло среди льдов!
Но навстречу с полей —
Только вой проводов,
Только стынь-снеговей...

Где родятся русалки?

И я онемела с ведром —
Русалка!
Воды перезвон...
И лунно скользит чешуя,
И в куклу играет,
как я...

Так вот они родятся где!
Не в Вятке на тинистом дне,
А здесь,
где лесочек дремуч,
Где наш начинается ключ!

Под ронжи рыдающий крик
Выносит их к свету родник!
Понятно теперь, кто весной
В сиренях хохочет порой...
И под беспроственным дождем
В логу шевелит лопухом...

Шагнула я тихо во мрак,
Ведро мое глупое — звяк!
Гляжу —
уж пустой ручеек,
Как будто пустым он и был.
Лишь трав перевитый пучок,
Вертясь, по колоде поплыл...

Сирень рубили под окном,
Где я тайком от всех страдала.
Сирень окошки затеняла,
И не росли цветы кругом
Прижалвшись к раме,
я глядела,
Портфель свой школьный уронив.
С сиренью тихо леденела
И с ней летела под обрыв.
Легко и остро сек топор,
Дрожал от ужаса забор.
Зачем ты,
дяденька Егор?
С любимым здесь заговорила
Среди сиреневых цветов...
Наверно, издали, без слов,
Я б до сих пор его любила!

Теплый вечер

Нынче вечер, вечер молодой,
Обнимая белую луну,
Раскудрявый,
От весны шальной,
По заснувшему

гулял селу.
Что ему!
Какие там заботы!
Что страда, что праздник —
Все равно!
Лиши бы сеять по лужайкам
Звезды
Да бросать в раскрытое окно.
Он беспутен,
жарок и изменчив,
В сене стоговому ему не спится,
От его зазывно-пышкой речи
Вспыхивают осветы-зарницы.
Он траву попутную ласкает,
Не пропустит ни цветка, ни кочки,
Для гульбы те тропки выбирает,
Где девичьих ног видны следочки.
Он черемухи туманно клонит,
Возле клуба ухарем проходит.
Вечер, вечер, серебрист и росен!
Вечер, вечер,

мне шестнадцать весен...
Не прощайся, не сходи на нет!
Чтоб не вспоминать и не жалеть...

Солнце

Вдоль по Вятке снесло.
Челн качается.
Солнце мне под весло

Попадается.
Мне водой его плескать
Очень жалко!
Вон под яром дед сидит
На рыбалке.
«Ну-ко, дед, а солнце-то
Вдруг ты выудишь?!»
«Ты ругаться, стрекоза,
Снова вынудишь!»
И орет: «Уйди отсель!
Ра-асшумелася!»
Крупно солнце под лозой
Завертелось.
Закраснело, поплыло,
И качается,
И опять мне под весло

Попадается.

Ожидание

Начинаю сердиться,
Измученно взглядываюсь
В неба серый клин,—
Когда же прилетит
Чудо-птица
И сядет на хлев
Средь рябин
Зеленую плесень
Меж досок выклевывать,
Черным глазом
Косо высверкивать,
Вытанцовывать?..
Уж локти
От подоконника устали,
И дует легонько в щель,
А птицу —
Глаза мои не видали.
И так весь день.

■
За твою соболью бровь —
Мне запрет гулять.
Наши сени на засов
Запирает мать,
И посудою бренчит —
С нею споры плохи!
Говорит,
сиди, учи,
Глупая, уроки.
Чтоб мне выбраться из сил
Этой ночью темной —
Для меня Ньютон открыл
Целых три закона!
Не прочту,
себе на грех...
Ночи так тихи.
До утра тайком от всех
Я пишу стихи...

■
Для меня Россия —
Поле и Есенин.
Для меня Россия —
Вербный цвет весенний.
И всегда и всюду —
Русый дух берез,
Где черника синя,
Золотист овес,
Где родник струится,
Сияя стога вдали,
Где мой род таится
В глубине земли.

■
Молода я, весела,
Нет заботиц тяжких.
Василечки в два ряда
По моей руашке.
Вновь несу я от ключа
Воду белочисту,
Коромыслице с плеча
Радуюю виснет.
Не пролью, не плескану
Ни одной водинки,
Через зимушку одну —
Срок на вечеринки!
В сундуковом ждут плену
С каблуком ботинки,
Кофта нежная ала,
Бисер в ящике стола.

Натан ЭЙДЕЛЬМАН

Пушкин и Жуковский — ближайшие друзья, на «ты»; истина столь привычная, что мы уже не замечаем в этих отношениях ничего необыкновенного.

Меж тем судьба очень старалась их развести.

Детство и ранняя юность двух поэтов не имеют почти ничего сходного: Пушкин, 1799 года рождения — отпрыск хотя и небогатого, но знатного московского рода; Жуковский же, родившийся в 1783-м, на 16 лет раньше, собственно говоря, даже и не Жуковский: тульский помещик Афанасий Бунин попросил местного солдатика привести «хорошеньку басурманочку». Тот выполнил просьбу бывшего барина: доставил в бунинский гарем юную турчанку Сальху, которая 29 января 1783 года родила сына Василия. Можно сказать, что тогда и после мальчик приобретет нескольких известных родственников — знаменитую в свое время позессорию Анну Бунину, а также Ивана Алексеевича Бунина (законного сына еще одного из представителей той же фамилии).

Однако Бунинным Жуковский не становится. По воле отца его под любой фамилией легко могли бы зачислить в крестьяне или мещане; тогда путь к высокому образованию, литературе был бы очень затруднен, практически закрыт, и, наверное, стало бы в России поэтом меньше...

Однако Бунин пригласил бедного дворянина Андрея Жуковского, который пользовался щедростями богатого соседа, и тот записал новорожденного своим сыном. «Василий Афанасьевич

Бунин» сделался дворянином Василием Андреевичем Жуковским. От малограмотной, безответной матери никогда не отказывался, любил, помогал. В тот год, когда родился Пушкин, Жуковский благодаря хлопотам отца находится в одном из лучших дворянских заведений, Благородном пансионе при Московском университете, и вскоре завоевывает знакомство с Карамзиным, братьями Тургеневыми, братьями Сергеем Львовичем и Василием Львовичем Пушкиными.

С маленьким же, курчавым Александром Сергеевичем пока что обычновенное знакомство 20-летнего начинающего поэта с 4-летним «не подозревающим»...

1816 год

33-летний Жуковский появляется в Царском Селе и заново знакомится с 17-летним Пушкиным.

Много ли общих тем? Вряд ли. Но одна из них, вероятно, причудливые «турецкие корни»: прадед Пушкина тоже ведь доставлен из Турции, и парадокс ради, напомним, что тут замешана еще одна литературная семья: Ганибала переправляли в Россию прапрадед Льва Толстого, посол Петра I в Стамбуле Петр Андреевич Толстой...

Жуковский вдвое старше, формально мог бы даже быть отцом Пушкина; он знаменитый поэт, автор обошедшего всю страну «Певца во стане русских воинов»; тогда и позже стихи, переводы Жуковского столь известны читающей публике, как будто всегда существовали.

Кольцо души-девицы
Я в море уронил...

Кто скачет,
кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый,
с ним сын молодой...

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием
для нас животворили.
Не говори с тоской:
их нет,
Но с благодарностию: были.

Мы сегодня, в конце XX столетия, слишком — увы! — привыкли к распространенному типу важного, маститого поэта, чтобы не удивиться дружбе более чем знаменитого Жуковского с молодым человеком, поэтическая слава которого еще не утвердилась даже в стенах лицея. Жуковский к тому же успел пройти нелегкий путь унижений, страданий: любовь к родственнице, Маше Протасовой, отказ ее родителей из-за «сомнительного происхождения» Василия Андреевича... Думал он жаловаться на высочайшее имя, но затем не захотел, решил, что такими средствами счастье не создается. С этих пор грустные восточные глаза Жуковского — еще печальнее; беспечная же юность Пушкина пока не омрачена «грозным временем и грозными судьбами»...

И тем не менее буквально с первых встреч старший и младший подружились: отношения близкие, веселые, творческие и, главное, совершенно равные.

Вскоре с единомышленниками они уже заседают в знаменитом литературном обществе «Арзамас», где не было проблем отцов и детей, где все были дети и 17-летний Пушкин, и вдвое стар-

шие Жуковский, Батюшков, Денис Давыдов, и даже 50-летний гость Карамзин: шуточки на равных, обмен стихами, никто никого не поучает. Сильно подозреваем, хотя и не настаиваем, что всем известная надпись на портрете Жуковского, подаренном автору «Руслана и Людмилы», — «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот выскочивший день, в который он окончил свою поэм...» — не совсем серьезная, сдобренная арзамасским юмором: здесь ведь не было обычая делиться на учителей и учеников, подобная «табель о рангах» скорее стала литературным противником «Арзамаса», чинной, по-старинному чопорной «Беседе любителей русского слова». Пушкин в некотором отношении ученик Жуковского — и тем больше доводов, что говорить о том надо смеяться... Так или иначе, живые, творческие отношения двух поэтов сохраняются навсегда, хотя подвергаются постоянным, непростым испытаниям.

Пушкину приходится регулярно выслушивать житейские нравоучения и наставления Жуковского (пусть в шутливой, арзамасской форме); Жуковскому же нужно считаться с самим фактом существования пушкинской поэзии. Мысль, что старший именно с этой поры все больше уходит в переводы, как бы «не смея» сочинять при Пушкине, высказывалась неоднократно, — и в этом, конечно, есть доля истины. Пушкин часто читал стихи Жуковского наизусть и если вдруг ошибался в слове, то Жуковский это слово тотчас заменял...

Серьезное испытание для мэтра — естественное для настоящего мастера!

Карамзин пристраивает Жуковского ко двору — сначала для обучения рус-

„УТЕШИТЬ
БЕЗМОЛВНАЯ ТЫ“

ПУШКИН и ЖУКОВСКИЙ
История дружбы

скому языку Александры Федоровны, жены Николая I, а затем для воспитания наследника, будущего Александра II. По этому поводу многие знакомые, особенно декабристы, высказывали неудовольствие, намекали, что «бедный певец» изменяет самому себе, продаётся верховой власти. Однако близкайшие друзья, Пушкин, Вяземский, отнюдь не разделявшие умеренных политических взглядов Жуковского, горячо его защищали, доказывали, что Василий Андреевич — «представитель грамотности возле трона безграмотного». В конце концов даже революционеры соглашались, что другому бы человеку при дворной службе — гибель, но Жуковскому «с такими глазами» — все можно, везде будет хорошо. За свою жизнь Василий Андреевич сумел помочь Гоголю, Лермонтову, Баратынскому, Шевченко, Герцену, Киреевскому, многим декабристам... Если говорить кратко, то сумел — словом, советом, рекомендацией, деньгами — помочь, пожалуй, всей литературе, культуре.

Я слышал, как один современный лектор жалел поэта, часто отвлекавшегося от творчества ради «общественной работы». Осмелился утверждать, что Жуковский вообще бы не смог сочинять, если бы так постоянно не «мешал сам себе».

Наверное, каждой культуре, каждому молодому поколению нужны вот такие добрые «дядьки», естественные, а не нудно-искусственные наставники. В русской словесности, впрочем, мы постоянно видим такую преемственность: Державин немало помог Карамзину (который был на двадцать три года моложе), Карамзин поддержал младшего семнадцатью годами Жуковского.

Есть легенда, будто один известный поэт (называют Брюсова, но не его одного) ссудил деньги начинаяющему: когда молодой «вышел в люди», он хотел вернуть долг, но старший заве-

щал — отдать тому новичку, кому очень понадобится...

И так, говорят, ходит по России «брюсовская» (или, может быть, «жуковская»?) тысяча — от старших к младшим...

Легенды легендами, а добрый дядька, «отче Василий Андреевич», помогал и помогал. Всем. И Пушкину, наверное, более всего, потому что тот сильнее всего в помощи нуждался. Младший неоднократно обращается к старшему в стихах, а однажды напишет лучший «портрет» Жуковского:

*Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль:
И внемля им,
вздохнет о славе младость,
Утешился безмолвная печаль
И резвая задумается радость.*

Завистливая даль веков: кто научил так писать 19-летнего шалуна? И как же беззащитен такой гений...

Помощь первая

В 1820 году над юным поэтом за его вольные стихи, эпиграммы нависла угроза Соловков или Сибири. Петербургский генерал-губернатор Милорадович вызвал к себе. Пушкин смело записал десятки своих крамольных строк — Милорадович подобрел, обещал хлопотать, но опасность оставалась. Известно, что Пушкин даже пал духом: не хотел в ссылку, чувствовал, что не выдержит, погибнет.

У хорошего человека, однако, хорошие друзья. Главным заступником был Карамзин, но именно Жуковский явился «посредником» между ними, не давая покоя историографу, чтобы помог, спас...

Карамзин взял с Пушкина слово «два года ничего не писать против правительства» — и уже по одной этой по-

дробности мы видим, что старшие отнюдь не обличали младшего: в последнем случае они, наверное, потребовали бы от Пушкина, чтобы он никогда не сердил власть; теперь же в нравоучениях, конечно, присутствует арамасская насмешка: «Ну, уж если никак не можешь утихомириться, помолчи хоть два года, а потом как хочешь...»

И вместо смертельно опасной для нервного, впечатлительного Пушкина северной или восточной ссылки царь переводит его «по службе» на юг.

В рекомендации, сопровождавшей Пушкина в Кишинев, значились имена двух поручителей — Карамзина и Жуковского... В мае 1820 года Пушкин и Жуковский расстаются на семь лет.

Впрочем, в те небыстрые времена подобные разлуки для дружбы не помеха.

Помощь вторая

Второй раз — в конце 1824 года. Сосланный в Михайловское, поэт раздражен клеветой врагов и мнимых друзей. Через несколько месяцев после начала второй ссылки создает «Коварность». Вот как известный пушкинист Т. Г. Цявловская анализирует содержание этого стихотворения:

«Пушкин обвиняет своего «друга» в том, что он употреблял «святую власть дружбы» на «злобное гоненье», «затейливо язвил» «пугливое воображенье» поэта, находил «гордую забаву» в его тоске, рыданьях, униженье», был «невидимым эхом презренной клеветы» о своем друге, иначе говоря, — поддерживал ее, «накинул ему цель» и «сонного предал врагу со смехом»... Впрочем, поэт ничего не утверждает. Он еще оставляет и своему «другу», и самому себе надежду, что все это ошибка...

Оканчивается стихотворение убийственно:

«Ты осужден последним приговором».

О чем же здесь речь?

В «Коварности», полагает Цявловская, речь идет о «клевете, уже сыгравшей свою роль. Неясно, что имеет тут в виду Пушкин. Мы лишены возможности читать эти строки в черновике — этом кладезе драгоценностей, так часто помогающем понять намеки, выраженные в беловике более общо».

Ахматова же включает «Коварность» в определенный цикл пушкинских знаний.

В четвертой главе «Евгения Онегина» (1825):

*...нет презренной клеветы...
которой бы ваш друг с улыбкой...
не повторил сто крат ошибкой...*

В «19 октября» (1825):

Друзьям иным

*душой предался нежной.
Но горек был небратский их привет...*

Проходят годы, в 1830 году в восьмой главе «Евгения Онегина» появляются «клеветники и трусы злые», которые героя «шпионом именуют».

Наконец, за полтора года до смерти, в 1835-м, — стихотворение «Вновь я посетил...»: в черновике осталась память о душевном состоянии, в котором пребывал Пушкин летом и осенью 1824 года, при переезде в Михайловское.

Я зрел врага в бесстрастном судии,
Изменника — в товарище, пожавшем
Мне руку на пиру, — всякий предо мной
Казался мне изменник или враг.

Пушкин как бы упрекает себя в чрезмерной мнительности, подозрительности. Страсти десятилетней давности миновали, но память о них горька — «чем старе, тем сильней». И как выразительны черновые варианты «Вновь я посетил...», определяющие ту старую клевету!

О клевете насмешливой...
О клевете язвительной...
О клевете, мне сердце уязвившей...
О клевете, о строгой света...
О строгом заслуженном осуждены

**О (мнимой) дружбе,
сердце уязвившей**

Мне горько и ветреной обидой.
Как бороться с клеветой? Вызвать на дуэль, убить «невидимку»? Но этим ничего не рассеять, не доказать. Или молчать, не оспоривать?

При высочайшем чувстве чести и нервной ранимости поэта ситуация была печальной и опасной. Мы ее, может быть, недооцениваем, а ведь похоже на то, что случится в 1836—1837 годах. Пушкин поговаривал о самоубийстве. Не забудем, что поэту двадцать пять лет; несправедливая ссылка, нелепая скора с отцом, из которой могут выйти еще большие неприятности, — «пахнет пальчиком и катаргом»... И сверх того — любовь и разочарование на юге, новые увлечения здесь.

Броситься в омут, в первую попавшуюся дуэль, битву, заговор, побег — все это было возможно.

Постоянно сожалея о короткой, на тридцать восьмом году оборвавшейся жизни поэта, мы должны помнить о крае гибели, у которого он находился двадцатипятилетним: еще шаг — и не был бы окончен «Евгений Онегин», не родились бы на свет «Медный всадник», «Маленькие трагедии», «Повести Белкина»... Страшно даже произнести!

Дружеская помощь, утешение были чрезвычайно своеобразными.

И опять Жуковский, за сотни верст, в Петербурге, почувствовал!

И написал Пушкину письмо: «На все, что с тобою случилось, что ты сам на себя навлек, у меня один ответ: ПОЭЗИЯ. Ты имеешь не дарование, а гений... Ты рожден быть великим поэтом; будь же этого достоин. В этой фразе вся твоя мораль, все твое возможное счастье и все вознаграждения. Обстоятельства жизни, счастливые или несчастливые, шелуха. Ты скажешь, что я проповедую с спокойного берега утапающему. Нет! я стою на пустом берегу, вижу в волнах силача и знаю, что он не утонет, если употребит свою силу, и не только показываю ему лучший берег, к которому он непременно доплынет, если захочет сам. А я обнимаю тебя. Плыши, силачи... По данному мне полномочию предлагаю тебе первое место на русском Парнасе».

Как важно иметь друга, способного вовремя найти такие слова!

Разумеется, только в плохих романах срабатывает примитивная схема: друг пришел на помощь — сразу все уладилось. Разумеется, Пушкин сам искал выхода, а Жуковский угадал его стремления...

Две силы, своя и дружеская, соединились.

Опять обратимся к черновым, интимным строкам «Вновь я посетил...».

Утрачена в бесплодных испытаниях
Была моя неопытная младость,
И бурные кипели в сердце чувства
И ненависть и грэзы мести бледной.
Но здесь меня таинственным щитом
Святое провиденье осенило,
Поэзия, как ангел-утешитель,
Спасла меня, и я воскрес душой.

Выход из кризиса найден.

Поэзия — это новые стихи 1825 года, новые главы «Евгения Онегина» и прежде всего «Борис Годунов».

Наверное, потому Пушкин любил это свое сочинение больше всего, что оно помогло спастись, понять (как писал Пушкин летом 1825 года), что «духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить».

Но разве Пушкин не знал — и год, и два, и пять лет назад — что может творить? Разве не создал уже множества замечательных произведений?

Да, создал: но именно теперь, в Михайловском, понял, что может творить на европейском, мировом уровне.

«Поэзия, как ангел-утешитель, спасла меня...»

Никто не радовался сильнее Жуковского, так и не узнавшего до конца своих дней, что такое зависть.

Помощь третья

Тогда, в середине 1820-х годов, кроме моральной поддержки, очень скоро

потребовалось и новое, практическое заступничество.

В начале 1826 года, после поражения декабристов, Жуковский, опять же вместе с Карамзиным, ведет сложную, нам во многом невидимую работу по вызволению Пушкина.

Двадцать декабря показали, что вольные стихи Пушкина сформировали их мировоззрение; чтением пушкинского «Кинжала» Бестужев-Рюмин скреплял клятву Общества Соединенных славян совершил цареубийство.

Если бы Пушкин уже не находился в ссылке, его наверняка бы привезли в столицу. Меж тем поэт, не зная, много ли против него материалов, надеется, что Жуковский опять поможет. Общему другу Плетневу пишет 7 марта 1826 года (и это послание перехватывается, недоброжелательно трактуется властью): «При сем письмо Жуковскому в треугольной шляпе и в башмаках. Не смею надеяться, но мне бы сладко было получить свободу от Жуковского, а не от другого — впрочем, держусь stoicеской пословицы: не радуйся нащед, не плачь потерявся».

Письмо «в треугольной шляпе и в башмаках», то есть формальное, по всем правилам написанное прошение об освобождении, которое друг мог бы пустить в ход — оно пока что успеха не имеет. Жуковский отчетливо представляет, сколь низки в апреле 1826 года акции Пушкина-верноподданного, и пишет в Михайловское любопытный ответ: «Что могу тебе сказать насчет твоего желания покинуть деревню? В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать в твою пользу. Всего благоразумнее для тебя, оставаться спокойно в деревне, не напоминать о себе и писать, но писать для славы. Дай пройти несчастному этому времени... Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством. Ты знаешь, как я люблю твою музу и как дорожу твоей благоприобретенной славой: ибо умею уважать Поззию и знаю, что ты рожден быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностью России. Но я ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть все зрееющее поколение), при плохом воспитании, которое не дает им никакой подпоры для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поззи мыслами; ты уже многим нанес вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать. Талант ничто. Главное, величие нравственное. — Извини эти строки из катехизиса. Я люблю и тебя и твою музу, и желаю, чтобы Россия вас любила. Кончай начalom: не просись в Петербург. Еще не время. Пиши Годунова и подобное: они отворят дверь свободы».

Постоянный заступник, Василий Андреевич, очевидно, только что побеседовал с кем-то из очень осведомленных, может быть, даже с наиболее осведомленным лицом.

Подчеркивая в своем письме «писать для славы», Жуковский умоляет, предостерегает не писать для других целей, то есть — нелегально, в обход цензуры и типографии. Больше того, Жуковский, уверен, что его послание будет вскрыто, и посему употребляет сильные обороты не только для вразумления непутевого поэта, но и для «всевидящих». «Я ненавижу то, что ты написал возмутительного...», «талант ничто...» — разве Василий Андреевич на самом деле так думал?

Жуковский, конечно, не показал на верху сдержанного, холодного прошения Пушкина (от 7 марта), предназначенного для передачи важнейшим персонам и кончавшегося так: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя, и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости». Однако не таков был Жуковский, чтобы отступиться, не попытаться хоть что-нибудь сделать.

Вместе с близким к смерти Карамзиным он старается внушить новому царю Николаю I, что нельзя опираться только на палачей и держиморд; что выгодно не отгнать культурные силы, а для того, между прочим, вернуть Пушкина. Среди нескольких свидетельств об этих хлопотах отметим один секретный дипломатический документ, где прямо говорилось о стараниях Жуковского и о том, что «по настоятельным просьбам историографа Карамзина, преданного друга Пушкина и настоящего ценителя его таланта, император Николай, взойдя на трон, призвал поэта».

Царь «послушался», вызвал Пушкина из заточения; Карамзина в это время уже не было в живых, а Жуковский, естественно, молчал: он вообще никогда не хвастал добрыми делами. В этом же случае молчание было особенно необходимо — чтобы не подорвать «авторитет» монарха, чтобы никто не мог сказать, будто Николай I никогда сам не догадался бы вернуть Пушкина без благих советов Карамзина и Жуковского...

Так Василию Андреевичу удалось в третий раз спасти своего великого друга.

В четвертый раз...

С тех пор прошло восемь лет. Жуковский, искренне считавший, что Пушкину пристало быть во дворце, у трона, радовался «перемирию», некоторым милостям, что великий поэт получал во дворце. Разумеется, смешно преувеличивать здесь влияние старшего на младшего; усилия Жуковского потому лишь встречали известное сочувствие Пушкина, что он сам в этот период был склонен к иллюзиям, сам находил пользу и резон в общении с верховной властью. Жуковский, без сомнения, легче принимал существующий порядок вещей; однако важно обратить внимание на существенную черту «придворного поведения» двух поэтов. Каждый считал абсолютно необходимым сохранение личного достоинства перед царем и правительством.

Обучая наследника, Жуковский вздыхает о его суности, легкомыслии; разговаривает с ним довольно строго, откровенно; на Благовещены, когда будущий Александр II, по обычью, выпускает на волю птичу, учитель говорит, что когда-нибудь, возможно, он так же освободит крестьян... Жуковский угадал, хотя и не дожил, хотя крепостные были освобождены, конечно, вследствие более серьезных причин, чем воспоминания царя о своем учитеle... Пока же, в начале 1830-х, «царедворец» Жуковский часто вступает в конфликты с царем и Бенкendorffом, «представителем» за тех или иных лиц. Подобный эпизод разыгрался, например, в начале 1832 года, когда Жуковский поручился за «благонамеренность» молодого, талантливого, благородного литератора Ивана Киреевского (подвергшегося преследованию за свой журнал «Европеец»). Николай I, рассерженный «упрямством» главного наставника своего сына, спросил: «А за тебя кто поручится?»

Между царем и Жуковским произошла сцена, вследствие которой Жуковский заявил, что коль скоро и ему не верят, то он должен тоже удалиться: на две недели он приостановил занятия с наследником. Николай извинился, помирисился, но «Европеец» не был разрешен.

Инцидент как бы исчерпан — до новых попыток заступничества.

В начале 1834 года Жуковскому тем не менее казалось, будто положение Пушкина достаточно твердое, благоприятное, безоблачное. Правда, поэта только что сделали камер-юнкером; но при том царь сказал В. Ф. Вяземской, что надеется — Пушкин «принял по-хорошему свое назначение». До сих пор он сдержал данное мне слово, и я был доволен им». 29 января 1834 года Жуковский беззабочно приглашает Пушкина на себе на именины: «...и будет у меня ввечеру семейство Карамзиних,

Мещерских и Вяземских; и будут у меня два изрядных человека графы Вельзорские, и попрошу Смирнову с собственным ее мужем; да, может быть, привлечу и привлекательную Дубенскую; вследствие сего прошу и тебя с твою грациозно, стройно созданною, богинеобразною, мадонистою супругою пожаловать ко мне завтра (во вторник) в 8-м часах откусить чаю с бриями и прочими вкусными придумками; да скажи об этом и домашнему твоему Льву. Уведомь, будешь ли, я твой богомолец **Василий**.

Письмо писано 29 января, в день рождения Жуковского. Ровно за три года до смерти Пушкина.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать...

Веселое приглашение за пять месяцев до вспышки, открывавшей финальную трагедию...

Весной на почте вскрыли письмо Пушкина к жене, доставили текст Николаю, и царь охотно прочитал да еще выразил неудовольствие следующими строками (о двух Александрах — старшем сыне Николая I и старшем сыне Пушкина): «К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать... Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с портфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи и сориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешет».

Пушкин узнает о перехвате своего письма и 10 мая записывает: «Несколько дней тому получил я от Жуковского записочку из Царского Села. Он уведомил меня, что какое-то письмо мое ходит по городу и что государь об нем ему говорил».

Пушкин занес далее в дневник гневные строки по поводу этой истории: «Государю неудобно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью. Но я могу быть поданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благословленному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным».

Пушкин демонстративно подает в отставку. 30 июня 1834 года Бенкendorff от имени царя передал разрешение на отставку; в архивы же доступ запрещался, «так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенною доверенностию начальства».

Тогда-то в эти дела горячо вмешивался Василий Андреевич Жуковский. Все его усилия были направлены к примирению сторон. В ход пущено многое: Пушкину, к примеру, доказывается «глупость» его поведения; за этой формулой скрыта мысль, постоянно обсуждаемая двумя поэтами — о необходимости служить России, пренебрегая мелкими уколами, неприятностями. Пушкин, по мнению Жуковского, как быставил свое, личное благо выше общего. Кроме того, затронут чувствительный для Пушкина мотив «неблагодарности», то есть «забывчивости»: царь, мол, в 1826-м отпустил на волю, «облагодетельствовал»... Наконец Жуковский добивается у царя фразы: «...пускай он (Пушкин) возьмет назад свое письмо», и это tolkutaya lestno для пушкинского самолюбия: «по всему видно, что ему (царю) болно тебя оттолкнуть от себя».

Жуковского позже не раз упрекнут потомки, что не следовало Пушкина уоваривать, что отставка была бы «спасением».

Надо думать, после и сам Жуковский не раз себя казнил, что «не отпустил» друга-поэта; однако «вмешательство

Жуковского в дело об отставке,— как верно отмечается Р. В. Иезуитовой, автором одной из недавних работ — было вызвано вовсе не стремлением внушить Пушкину «верноподданнические» чувства или же «сыграть на руку» царю.

В защиту Жуковского можно снова сказать, что, если бы Пушкин принял решение твердое (как в дни его последней дуэли), то ни Жуковский, ни кто другой не смогли бы на него повлиять. Меж тем в 1834-м старший поэт хорошо знал, что младший и сам не уверен в точности своих действий; что с архивами связаны главные творческие планы Пушкина (Пугачев, Петр I), отставного же к секретным бумагам не допускать; что, наконец, без помощи царя будет чрезвычайно мудрено распутать сложнейшие домашние финансовые обстоятельства.

Трижды в эти июльские дни 1834 года Жуковский заставил Пушкина переписать прошение. Чувствуя свою правоту, поэт вынужден был извиняться за «легкомыслие». Впрочем, даже в третьем варианте послания Бенкендорфу, которое Жуковский считал пригодным для предъявления монарху, Пушкин нашел возможность намекнуть на обиды и несправедливости: «Если в течение этих восьми лет мне случалось роптать, то никогда, клянусь, чувство горечи не привнесалось к тем чувствам, которые я питал к государю».

Наиболее же откровенно Пушкин высказался в письме к Жуковскому, написанном в тот же день, 6 июля 1834 года: «Теперь, отчего письма мои сухи? Да зачем же быть им сопливыми? Во глубине сердца своего я чувствую себя правым перед государем; гнев его меня огорчает, но чем хуже положение мое, тем язык мой становится связанным и холоднее. Что мне делать? просить прощения? хорошо; да в чем?»

Пушкин извинялся, не чувствуя вины.

После ссоры

Пушкина «простили». Подобного унижения он не испытывал никогда. Прежде он писал, что «перемена жизни почти необходима»; теперь она стала абсолютно необходимой — но столь же невозможной.

Эхо случившегося звучит в тех письмах, что Пушкин, оставшись в летнем Петербурге, регулярно пишет жене в Полотняный завод. Одно за другим следуют признания: «На днях я чуть было беды не сделал: с тем чуть было не побрился» (11 июля). Около 14 июля: «На днях ханда меня взяла: подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и богом прошу, чтоб мне отставку не давали. А ты и рада, не так? Хорошо, коли проживу я лет еще 25, а коли свернусь прежде десяти, так и не знаю, что ты будешь делать и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их мамина ужас как мила была на аничковских балах... главное то, что я не хочу, чтоб могли меня подозревать в неблагодарности...»

Наконец, важнейшие слова: «Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силах. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, буквально приводит меня в бешенство. Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности невозможно: каторга не в пример лучше. Это писано не для тебя».

Кроме приведенных выдержек из писем (явно рассчитанных на непрошеных читателей — чего стоит фраза «это писано не для тебя!») — кроме этого, заметим красноречивое отсутствие одного письма, так и не написанного поэтом: письма к царю, которое в исключительных случаях можно было направлять не через Бенкендорфа, а прямо «на высочайшее имя» (Пушкин несколько раз прибегал к этому средству). Здесь же он ни на минуту не

считает себя виноватым и не пишет Николаю I, в сущности, оттого, что за царя стыдится.

Частный эпизод имеет для поэта типический, обобщающий смысл. Честь превыше всего; холопом не следует быть ни у бога, ни у царя, при всем уважении к правителям, земному и небесному. Пушкин абсолютно убежден: только в сохранении личной свободы, пускай сначала в дворянском кругу, а потом все шире, — только здесь залог того, что какие-либо существенные перемены в стране будут основательны, привыются, пустят корни. В мире же шутов и льстецов реформы не гарантированы, не в «природе вещей»...

Николай вторгся на ту свободную, независимую территорию, куда поэт не пустит даже царя небесного.

Пушкин, повторим, впервые в жизни унизился, извинился, считая себя правым. Именно после этого в его стихах появляются строки о скорой смерти —

Предполагаем жить,
И, глядь, как раз умрем...

Поэт явно чувствует: что-то надломилось; обстоятельства стущаются, новые сочинения, журнал «Современник» расходятся плохо, долги растут (в конце их будет 138 тысяч рублей). Насмешки, «мелочные обиды», ничтожные сами по себе, становятся зловещим признаком приближающегося кризиса...

И вот Пушкину 37 лет. Недавно умерла мать, отец в Москве, брат на Кавказе, любимая сестра в Польше; далеко разметаны по всему миру Пущин, Нащокин, Соболевский. Из близких друзей в Петербурге только Жуковский и Вяземский.

4 ноября 1836 года поэт получает анонимный пасквиль и тут же посыпает вызов Дантеzu.

Защита пятая, шестая...

После 1820-го, 1824-го, 1826-го, 1834-го — беда 1836-го... Роль Василия Андреевича в «примирении сторон» подробно изучена Щеголевым и другими пушкинистами. И опять раздавались голоса насчет сомнительности некоторых приемов Жуковского, будто бы в ряде случаев он словно одной меркой мерил Пушкина и его противников...

С этим трудно согласиться. Жуковский как мог, как умел старался расстроить поединок, избавить Пушкина от малейшей угрозы насилиственной смерти. Ситуация была запутанной, тяжелой, у Жуковского получалось далеко не все: в конце концов, мы знаем, Пушкин начал от него таиться и, формально согласившись на примирение, отнюдь не простил врагам и оскорбитеям.

Тем не менее Жуковский до конца оставался близким, родным Пушкину человеком. Его отчаянные усилия в начале ноября остановили неминуемую, казалось бы, дузель, но через короткий срок опасность снова увеличивается.

После анонимного пасквиля следующий важный эпизод — 21 ноября 1836 года.

К этому дню поэт подготовил страшный удар по своим противникам: собрался одновременно отправить убийственное, оскорбительное письмо Геккернам — и послание Бенкендорфу (а в сущности, царю), где излагал свои мотивы открыто, не таясь ни перед обществом, ни перед властью.

И снова обо всем узнает Жуковский (от Владимира Соллогуба, которого Пушкин познакомил со своим планом).

И снова Василий Андреевич кидается к царю, шефу жандармов, Пушкину — заклинает, уговаривает...

Поэт в конце концов писем не посылает. Его вызывает Николай и требует дать слово, что скандала не будет.

В шестой раз дорогой ценой Жуковский, можно сказать, встал между Пушкиным и его смертью. Однако его сил против разгоравшегося пушкинского гнева уже не хватало.

В январе 1837 года ситуацию взрывает какая-то «мелочь», еще одна едва

заметная окружающим «мелочная обида», искра, попавшая в накаленную, близкую к взрыву атмосферу (казарменный каламбур Дантеzu, с которым он обратился к Н. Н. Пушкиной на балу у Воронцовой-Дашковой или что-то иное).

В седьмой раз Жуковский не сумел кинуться грудью на защиту другого поэта.

Судьбы свершился приговор...

И вот последний описанный Жуковским разговор двух друзей от колыбели до гроба, в день рождения Жуковского, в день смерти Пушкина, — 29 января 1837 года:

«Жизнь кончена!» — повторил он внятно и положительно. «Тяжело дышать, давят!» — были последние слова его. В эту минуту я не сводил с него глаз и заметил, что движение груди, доселе тихое, сделалось прерывистым. Оно скоро прекратилось. Я смотрел внимательно, ждал последнего вздоха; но я его не приметил. Тишина, его объявшая, казалась мне успокоением. Все над ним молчали. Минуты через две я спросил: «Что он?» — «Кончилось», — отвечал мне Даль. Так тихо, так таинственно удалилась душа его. Мы долго стояли над ним молча, не шевелясь, не смея нарушить великого таинства смерти, которое свершилось перед нами во всей умилительной святыне своей.

Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это был не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое! нет! какая-то глубокая, удивительная мысль на нем разывалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовольствованное знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: «Что видишь, друг?»

Так простился Василий Андреевич Жуковский с Александром Сергеевичем Пушкиным...

Потом стали жить без Пушкина. Жуковский сразу получил царский приказ — разобрать бумаги погибшего; вскоре к нему был приставлен для надзора жандармский генерал-майор Дубельт. Среди всех тяжелейших огорчений Василию Андреевичу пришлось пережить еще одно: кто-то подглядел, что он вынес какие-то бумаги; Жуковский действительно вынес — письма Натальи Николаевны. И когда был об этом спрошен, то взорвался горячим, бешеным русско-турецким гневом, заставляя вспомнить мудрую восточную пословицу — «бойтесь гнева доброго человека».

Жуковский ответил, что приказа обыскивать Наталью Николаевну никто не давал; но уж поскольку ему велели прочесть все бумаги самого Пушкина, то он не скрывал, что на этом основании прочитал... письма к поэту самого Бенкендорфа!

Иначе говоря: велели проникнуть в пушкинские секреты, так вот вам и секреты жандармские!

Жуковский написал страшное, убийственное письмо Бенкендорфу. Его опубликовал много лет спустя П. Е. Щеглев, но не мог доискаться, было оно отправлено или нет?

Мы полагаем, что скорее всего было; если же в последнюю минуту Жуковский все-таки оставил листки в столе, то отнюдь не из страха за себя: его могла остановить лишь боязнь повредить семье Пушкина, воспрепятствовать льго-

там, которые в то время царь предложил вдове и сиротам.

Так или иначе, послание было написано, вероятно, показано друзьям, произнесено устно. Между прочим, там говорилось:

«В одном из писем вашего сиятельства нахожу выговор за то, что Пушкин в некоторых обществах читал свою трагедию прежде, нежели она была одобрена. Да что же это за преступление? Кто из писателей не сообщает своим друзьям своих произведений для того, чтобы слышать их критику? Неужели же он должен до тех пор, пока его произведение еще не позволено официально, сам считать его непозволенным? Чтение ближним есть одно из величайших наслаждений для писателя. Все позволяли себе его, оно есть дело семейное, то же, что разговор, что переписка. Запрещать его есть то же, что запрещать мыслить, располагать своим временем и прочее. Такого рода запрещение вредны потому именно, что они бесполезны, раздражительны и никогда исполнены быть не могут.

Каково же было положение Пушкина под гнетом подобных запрещений? Не должен ли был он необходимо, с тюю пылкостью, которая дана была ему от природы и без которой он не мог бы быть поэтом, наконец прийти в отчаяние, видя, что ни годы, ни самый изменившийся дух его произведений ничего не изменили в том предубеждении, которое раз навсегда на него упало и, так сказать, уничтожило все его будущее?

Что же касается до политических мнений, которые имел он в последнее время, то смею спросить ваше сиятельство, благоволили ли вы взять на себя труд когда-нибудь с ним говорить о предметах политических? Правда и то, что вы на своем месте осуждены думать, что с вами не может быть никакой искренности, вы осуждены видеть притворство в том мнении, которое излагает вам человек, против которого поднято ваше предубеждение (как бы он ни был прямодушен), и вам ничего другого делать, как принимать за истину то, что будут говорить вам (о нем) другие. Одним словом, вместо оригинала вы принуждены довольствоваться переводами, всегда неверными и весьма часто испорченными, злонамеренными переводчиками...

Некоторые строки письма кажутся прозаическим эхом лермонтовских стихов «Смерть поэта».

Затем все успокоилось. Больше Пушкин в помощи не нуждался. Вскоре Жуковский заканчивает воспитание наследника, получает соответствующие награды, чин тайного советника — и уезжает в Германию. Изредка, на короткий срок, возвращается на родину, успевая помочь тому или другому молодому таланту; сам завершает замечательный перевод «Одиссеи»; на старости лет вдруг женится, рождается дети, но счастья не было, жена — душевно-больная...

И снова в Германию. Жуковский не мог жить там, где погиб Пушкин; он считал себя виноватым: пытался ведь примирить великого поэта с системой, но если при этом гений гибнет — значит, изначальная посылка была ошибочна и система порочна, значит, смысл жизни определен неверно...

Жуковский не мог больше и праздновать свой день рождения — столь же весело, легко, бездумно, как 29 января 1834 года. Всякое 29 января отзывалось эхом 1837-го... Через 15 лет после гибели Пушкина, в 1852-м, Жуковский скончался в Германии, завещая перевезти тело в Россию.

Ушли поэты, остались стихи.

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием
для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были.

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль;
И, время им,
вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

Фото Валерия Плотникова

КТО ХОДИТ НА «ФОРУМ»?

«**Д**олой «Форум»!» — внушительных размеров толпа в коже и шипах пикетировала подходы к концертному залу, размахивая транспарантами и воодушевленно скандируя лозунги. Милиция зорко наблюдала, но не вмешивалась, ибо никто не хулиганил. Демонстранты-металлисты проявляли чудеса организованности и сдержанности. Но шедшая на концерт публика, не привыкшая к подобным зрелищам, опасливо озиралась по сторонам, спешно стремилась проскользнуть к спасительному входу.

«Форум» у многих на устах. И, честно говоря, недавняя «демонстрация» в Кургане даже озадачила. Не потому, что ансамбль прочно обосновался на лидирующих местах в разномастных хит-парадах, а потому, что до сих «курганских событий» я пребывал в полной уверенности, что «Форум», пожалуй, единственная группа, сильная не только степенью восторженности своих поклонников, сколько единодушным к ней отношением. Убеждали письма, в которых пришлось покопаться. Из сотен (!) попались только два ворчливых — от пятидесятилетней женщины: «Вам всем надо приличнее держаться на сцене...» и от мужчины 75 лет: «Безобразие, а не музыка...»

И вдруг столь неожиданный протест рок-«гурманов», поднявшихся на защиту «чистоты» жанра. Их главная претензия: мало, дескать, у «Форума» рока. А почему, собственно говоря, его должно быть много? Давайте разберемся.

...Возник «Форум» осенью 1984 года. То было

время расцвета магнитофонной рок-культуры, решавшей непростую задачу выживания. Загнанная в подвалы, она была ершистой и воинственной, страдальчески романтичной, но иногда и грубой. Борьба за жизнь породила формулу «вначале рок, а музыка потом» и одарила нас ее апологетами, порой весьма интересными и неординарными — «Зоопарк», «ДДТ», ранний «Пикник»... Но одновременно такой подход обделил нас той самой пресловутой «попсой», где «вначале музыка, а рок потом». В околовороковых баталиях забылась мудрость «кесарю — кесарево». Зато ее вспомнил популярный композитор Александр Морозов.

К тому времени за плечами лауреата премии Ле-

сошелся на роке? Ведь он лишь часть в безбрежном океане популярной музыки. Ответ был найден. «Повинны» в том прозорливость А. Морозова и сложившаяся к тому времени зрелая творческая дружба с бывшим гитаристом группы «Форвард», аранжировщиком Александром Назаровым.

Зачем изменять себе и своим принципам? Морозов — талантливый мелодист. Его творческая концепция не может быть современной или наоборот, ибо красивые мелодии нужны во все времена. Другое дело, как их исполнить. И Назаров предложил придать морозовскому мелодизму актуальное звучание. Так родился «Форум» — ансамбль молодежной развлекательной музыки. Родился очень свое-

Композитора, лауреата премии
Ленинского комсомола
Александра Морозова с группой
«Форум» объединяет сегодня поиск
своего голоса в популярной музыке.

нинского комсомола Александра Морозова была многолетняя карьера, начавшаяся в 1968 году с успеха его первой песни «По камушкам». Десятки известных и любимых произведений, сотрудничество с самыми популярными эстрадными исполнителями. Казалось, чего еще?

— Постепенно я стал замечать, что на моих концертах молодежи становилось все меньше, — замечает Александр Морозов. — Хотя всегда считал себя молодежным автором.

Близился момент выбора, и композитор сделал его, мужественно шагнув навстречу молодежи. Именно мужественно. Ибо бытовавший стереотип «добропорядочности» вселял в души профессиональных композиторов страх при мысли о молодежной музыке и необходимости ею заниматься.

Но свою убедительность надо было доказывать, не греша при этом рок-притворством, зажиганием и сюсиюканьем. Молодежь не любит фальши и высокомерного снисхождения к себе. Не сразу все получилось. Опыты с хард-роком увенчались скорее разочарованием и творческой неудовлетворенностью: эстраднику в роке — что рыбье на сушке. Самоприговор был ясен: чужое. Но свет ли клином

временно. Он благородно и корректно оставил рок-группам решать сложные задачи их бунтарского жанра. Сам же начал осваивать ту область в нашей популярной музыке, которая, по-моему, пребывает в еще большем загоне, нежели многострадальный рок. Если мы уже можем уверенно заявить на мировой сцене о самобытной и неподражаемой советской рок-музыке, если уже крупнейшие западные менеджеры буквально рыщут по Москве в надежде «отловить» «Мастера» или «Круиз» и увезти их в турне, если уже солидные международные музыкальные журналы отводят полосы творчеству «Алисы», «Кино», «Аквариума» и т. д., то наша развлекательная музыка пока не составляет серьезной конкуренции в дискотеках и на танцевальных вечерах какому-нибудь «Модерн Токинг».

«Форум» своим непрерывным творческим поиском, трудолюбием и изобретательностью приближается к этой цели, стараясь даже в таком «необязательном» жанре фоновой музыки найти свой путь. Для этого есть хорошая основа — самобытный национальный мелодизм, современное и ясное музыкальное мышление, профессиональное понимание своих задач.

Поэтому не могу согласиться с криками «Долой!», ибо с удовольствием куплю в магазине альбом «Белая ночь» «Форума», который, к радости многих, скоро появится на прилавках.

Артур ГАСПАРЯН

"ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ГРЕТЦКИ"

Надо сказать, что, хотя контакты советских хоккеистов с профессионалами, играющими в НХЛ (Национальной хоккейной лиге), стали в последние годы довольно регулярными и мы имеем достаточное представление об их игре, нам все же трудно представить себе, какое место хоккей занимает в жизни канадцев.

Играть в НХЛ — заветная мечта каждого канадского мальчишки и его родителей. Быть игроком НХЛ — значит обеспечить свою жизнь, зарабатывать много денег, купаться в лучах славы. Вот почему для того, чтобы пройти в профессионалы, не жалуют ни сил, ни средств, ни себя самого, ни других.

Уэйн Гретцки — живая легенда канадского хоккея. Он побил все мыслимые и немыслимые достижения и рекорды, которых в НХЛ существует великое множество. Из предлагаемых вашему вниманию воспоминаний и размышлений игрока № 1 профессионального хоккея, которые предваряет рассказ его отца Уолтера Гретцки (взятых из книги, которая готовится к выпуску в издательстве «Физкультура и спорт»), вы сможете представить себе, в каком невероятном напряжении живут в Канаде способные мальчишки, которые уже с шестилетнего возраста привыкают к вниманию средств информации, за которыми наблюдают деятели хоккейных организаций, желающие не выпустить их из-под своего контроля, за каждым голом которых следят неусыпно сотни, тысячи, а потом и миллионы восторженных и недоброжелательных глаз.

Уолтер ГРЕТЦКИ

Хоккей дал моему сыну Уэйну возможность обогнать весь мир. Он был в Советском Союзе, играл в Европе, искал в Северную Америку.

Но самым длинным и тяжелым из всех его путешествий был переезд из Брантфорда, где он родился в Торонто. А ведь их разделяет всего около 60 миль. Переезд длился 4 месяца, включая поездку в Верховный суд провинции Онтарио, и, пока он длился, я начал подозревать, что весь мир сошел с ума. Для меня эта история — классический пример того, что получается, когда взрослые так усердно начинают вмешиваться в детские игры, что забывают, для кого, собственно, эти игры существуют.

Это было в 1975 году. Уэйну было 14 лет. Мы тогда поняли, что должны, не можем не вмешаться в события Жизни «звезды» детского хоккея в Канаде весьма и весьма сложна. Это стало слишкоменным испытанием для Уэйна. Тем более что в таком маленьком городе, как Брантфорд, он был все вре-

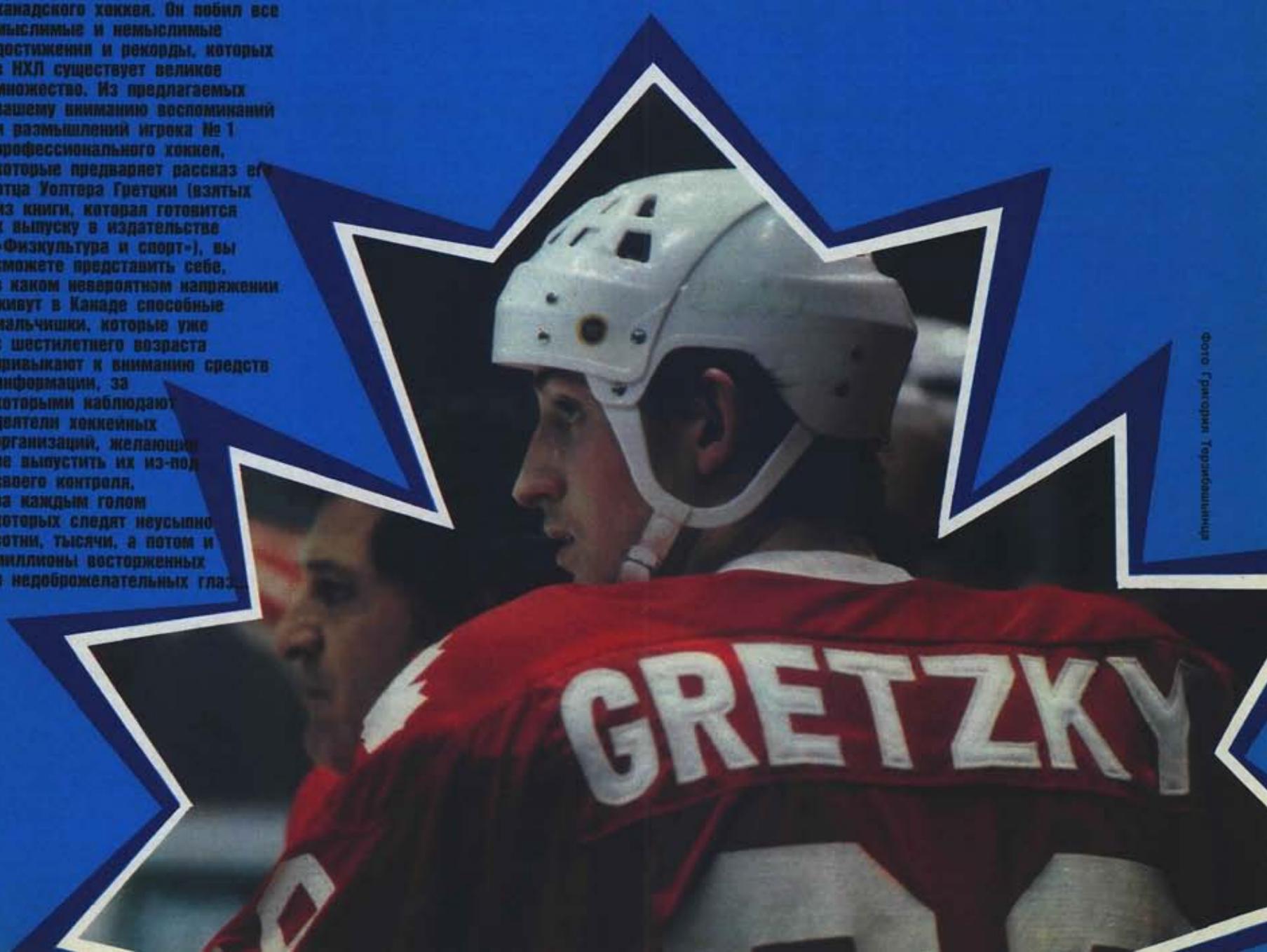
ми на виду. Нам часто казалось, что детство его безнадежно испорчено. Это сейчас мы привыкли видеть его общительным, раскованным, уверенным в себе. А в детстве, если к нему обращались с вопросом, он краснел и старался незаметно улизнуть. К интервью он, правда, привык лет с шести, а вот в общении с людьми был страшно застенчив. Он все таил в себе. Мы даже опасались, что такая замкнутость может повредить его душевному здоровью. Казалось бы, наступило самое прекрасное время для него — все следят за его успехами в хоккее, — а он был несчастлив.

Мы хотели, чтобы он жил обычной жизнью нормального ребенка. Но в родном Брантфорде у четырнадцатилетнего Уэйна Гретцки такой возможности не было. Мы видели единственный выход: отправить его в большой город, где бы он затерялся среди других мальчишек, играющих в хоккей.

Я знаю: многие уверены, что мы отправили юного Уэйна в Торонто только потому, что хотели, чтобы он играл в хорошей команде. То есть мы попро-

сту выставили из дома сына в четырнадцать лет ради карьеры хоккеиста-профессионала. Что ж, есть родители, которые ради такой карьеры способны на все, но в нашей семье дело обстояло иначе. Уэйн сам захотел уехать из дома. Он говорил, что играет с одноклассниками же мальчишками уже несколько лет и должен еще долго играть с ними же. Он говорил, что ребята они неплохие, но вот их родители почему-то относятся к нему враждебно. Он этого еще не понимал, а мы-то видели, что не любят, потому что по таланту он выше всех на площадке на несколько голов. Ему завидовали, злились на его успехи, рекорды.

Когда представилась возможность переехать в Торонто и играть там, Уэйн просто вцепился в нее. Мы не давили на него, это он давил на нас. Но мы были против. Он наш сын, он должен жить в родном доме. Мало что может случиться с мальчишкой в огромном Торонто. Пьянки, наркотики, тысячи других путей попасть в беду... Но он не отставал.

— Брось, Уэйн,— сказал я ему.— Ты не поедешь. И не проси.

— Но ты скажи, почему. Можешь объяснить?

Он был нас нашим же оружием. Ведь мы всегда учили детей, что во всех поступках должен быть резон.

— В большом городе легко можно попасть в дурную компанию,— сказал я.— Втуне в их дела.

— Ты имеешь в виду наркотики и тому подобное?

— Да,— признался я.

И тогда мой четырнадцатилетний сын сказал:

— Дай мне денег, скажи, какой именно наркотик тебя интересует, и через полчаса я принесу его тебе.

У меня буквально язык отнялся. В нашем тихом Брэнтфорде мальчишка может спокойно достать любые наркотики и травить себя ими!

— Ну, теперь я могу ехать? — спросил Уэйн. — Дело не в наркотиках, дело во мне.

И тут мы с женой поняли, что наш сын уже достаточно взрослый. Мы посоветовались с его учителями и дали свое согласие.

Тут все и началось. Выяснилось, что в детском хоккее столько всевозможных правил и параграфов, опутывающих ребят по рукам и ногам, что они и шаг не могут ступить по своему усмотрению. Никто из хоккейных деятелей и знать ничего не хотел о причинах переезда. Они думали только об одном: «эти Гретцки» хотят, чтобы их сын играл в другом городе. Уже тогда за каждого шагом Уэйна следили.

Как-то я услышал по радио, что ему не разрешат играть в Торонто, пока мы туда не переехем всей семьей... Наше дело рассматривалось в Ассоциации детского хоккея в Онтарио. Никогда не забуду этого заседания, когда 60 взрослых мужчин — все в темных брюках и красных пиджаках — решали, можно ли играть четырнадцатилетнему мальчишке в хоккей там, где он хочет!.. Один из них, правда, сказал, что понимает, что пришлось пережить Уэйну в Брэнтфорде, потому что видел, что творилось на площадке и вокруг нее, когда он играл. Видел, как родители других ребят, снедаемые завистью к успехам Уэйна, предъявляли бесконечные претензии тренерам за то, что они держат его на льду дольше других, слышал, как те же завистники кричали с трибун в адрес парнишки всякие гадости, желая выбить его из седла, оскорбляли после игры...

Все было настолько очевидным! Но президент ассоциации сказал: мы сочувствуем вам, но сделать ничего не можем.

Когда мы уходили с заседания, Уэйн рыдал. А за дверями нас ждали телекамеры. От нас стали требовать заявлений, деклараций, протестов... Вокруг парнишки раздавали сенсационное дело.

И я сделал заявление.

«Мой отец — выходец из России,— сказал я. — Он воевал в канадской армии. Так вот, он перевернулся бы в своем гробу, если бы узнал, что его внук не может поехать в другой город с согласия своих родителей, жить там с людьми, с которыми ему хочется жить, заниматься тем, что ему нравится. Все, что делают с Уэйном, — несправедливость».

Потом мы бесконечно долго судились. Апелляции, суды, адвокаты, заседания... И никакого толка.

— Уэйн,— сказал я как-то в отчаянии,— придется тебе вернуться и играть в Брэнтфорде.

— Я не вернусь,— ответил он. — Ни за что.

В конце концов выяснилось, что у него есть один способ жить и играть в Торонто. Ему надо играть не за детскую команду, а за одну из юниорских. Когда мне предложили это, я взорвался:

— Это бред! В этой команде играют двадцатилетние парни. Это взрослые мужчины, а Уэйну четырнадцать лет, и весит он всего-навсего пятьдесят четыре килограмма. Да его попросту зададут у борта!

— Отец,— сказал Уэйн,— все будет хорошо.

Я сдался. И мы отправились на базу команды. Уэйн страшно нервничал. Знаете, почему? Он боялся, что его ждут только тренировки, а на игры его не решатся выпустить.

Но его выпустили. Он так старался, что тренер не мог не выпустить его. И в своей первой же игре он забросил две шайбы.

Конечно, мы с женой были на этой игре. Мы сидели на трибуне, замерев от страха. Уэйн выглядел таким хрохотным и хрупким на льду среди здоровых, агрессивных парней!.. Надо сказать, что он сам знал это и сначала даже пытался тренироваться в доспехах, которые носят защитники, а не нападающие,— так ему хотелось выглядеть на льду повинительнее, чтобы хоть ноги выглядели помощнее. Но в этих щитках он просто не мог кататься...

И вот он на льду — теленок среди бизонов. Наверное, поначалу у тренеров были сомнения, но, когда Уэйн забросил шайбу, они прошли. Настолько, что его выпустили на площадку даже тогда, когда были удалены два игрока и его команда осталась втроем!

— Они что там, спялили?! — взорвался я. — Мальчишке четырнадцать, он играет первую игру, а они его выпускают в меньшинстве! Когда их трое против пяти!

Но Уэйн сыграл. Сыграл нормально. Когда в конце игры противник снял вратаря, чтобы спасти матч, Уэйн спокойно наказал их, забросив шайбу в пустые ворота. Да, он выжил тогда, играя против взрослых парней!.. Не просто выжил, а победил.

Он и дальше играл успешно. Но, честно говоря, ему еще многому надо было учиться. Здесь были другие скорости. А особенно плохо ему приходилось в силовых единоборствах. Но он терпел, и, в общем, дело у него ладилось. Самое важное, что он себя снова нормально чувствовал. Он снова улыбался, чего с ним давно уже не случалось в Брэнтфорде.

Но тут деятели из Ассоциации детского хоккея Онтарио узнали, что Уэйн преуспевает в юниорской команде, а значит, вырвался из-под их власти, и затеяли борьбу за его дисквалификацию. Чтобы в дальнейшем вернуть его опять в Брэнтфорд. Ведь в Брэнтфорде Уэйн был «гвоздем программы» и приносил им немалые прибыли. Опять поднялся страшный шум в газетах!.. Но в конце концов нам удалось отстоять право Уэйна играть там, где он хочет.

Иногда он, посмеиваясь, говорил мне, указывая на кого-нибудь из своих партнеров:

— Вон видишь того парня, папа? Он уже женат, у него семья, а я еще даже не могу получить водительских прав.

Но, несмотря на такую разницу в возрасте, несмотря на то, что он начал сезон на два месяца позже других, Уэйн оказался среди лучших бомбардиров и был признан лучшим новичком.

Лишь в одном мы просчитались. И в Торонто мы не смогли избавить его от изнурительного внимания газет, телевидения, болельщиков. Так что наш план освободить Уэйна от психологического стресса не удался до конца. Но все-таки он чувствовал себя теперь куда лучше. И главное — ему было опять интересно играть в хоккей.

УЭЙН ГРЕТЦКИ

Мне хорошо известны все истории о том, как мой отец силой запихнул меня в хоккей, как он не выпускал меня с катка на заднем дворе нашего дома, не обращая внимания на мои слезы, потому что хотел сделать из меня звезду НХЛ.

Но все это неправда. Правда заключается в том, что мой отец никогда не давил на меня. Если кто меня и подгонял, то это я сам. Отец учил меня по-другому. Он часто повторял: «Неважно, каков будет результат. Да, побеждать приятно, и мне очень хотелось бы, чтобы ты выигрывал всегда, но все-таки

самое главное — стараться выполнить свое дело как можно лучше. Большего от тебя потребовать никто не вправе».

Он был строг и неуступчив только тогда, когда узнавал, что я не старался, не выкладывался полностью. Вот тогда он спрашивал с меня.

И у него было право на это, ведь когда я был ребенком, он тратил на меня много денег. Детский хоккей в Канаде стоит дорого, а мы, дети, не понимали этого. Мы играли в свое удовольствие, а между тем моим родителям приходилось жертвовать очень многим, чтобы у меня была возможность вдоволь гонять шайбу. Но отец никогда не упрекал меня этим, он хотел взамен только одного — чтобы я делал все, на что способен. Делал всегда.

Представьте себе такое: идет финальная серия Кубка Стенли 1982—1983 годов, мы проигрываем 0:3 «Нью-Йорк Айлендерс». День накануне четвертой встречи в Нью-Йорке, которая в случае нашего поражения становится последней... Легко представить, какое у меня было настроение. Идет тренировка, а я только делаю вид, что работаю. Отец, естественно, приехал на игры и наблюдал за мной. Я ухожу со льда — он поджидает меня у выхода.

— Зачем ты вышел сегодня на тренировку?

— Все должны были выйти.

— Мог и не выходить. Ты же просто даром потерял время, потому что не вкладывал в работу силы.

Я ушел, и тренировка, и слова отца тут же вылетели у меня из головы...

Мы проиграли ту последнюю игру, сезон закончился. Май. Мы работаем на ферме с отцом. Почему-то страшно жарко, а бабушка поливает сад. Отец смотрит на меня, потом на нее, потом снова на меня... И говорит: «Посмотри на нее! Ей уже семьдесят девять, а она работает, работает, сколько хватает сил. А ты не нашел нужным честно тренироваться перед решающей игрой».

Не сомневаюсь, что все свои язвы он нажил именно на хоккее. Ведь ночью перед играми он не спит. Не потому, что ему так важна победа. Просто он не может иначе, такой человек. Здесь мы с ним не похожи. Скажу откровенно, меня не особенно волнует, что обо мне говорят и пишут. Я не переживаю из-за этого. Зато отец волнуется за нас обоих. И иногда это оказывается на наших отношениях. Однажды он, например, услышал, как кто-то сказал: «У этого Гретцки волосы слишком длинные». И он тут же велел мне: «Немедленно стричься!» А я не захотел. Но со временем и он понял, что вокруг слишком много людей, что всем не угодишь и что нельзя быть хорошим для всех.

Отец — это человек! Он как-то сказал о себе, что он просто-напросто служащий телефонной компании, на самом же деле он теперь и адвокат, и бухгалтер, и торговый агент. И это ему удается, потому что он предвидит все, что ждет меня на льду и за его пределами. Это он следит за тем, чтобы меня не заставляли работать на износ. Я имею в виду всех: моего тренера, моих торговых агентов, адвокатов...

Когда он чувствует, что кто-то слишком давит на меня, он тут же вмешивается и говорит мне об этом. Дальше мое дело решать: продолжать мне в том же духе или послушаться отца.

Мой отец и сейчас продолжает работать в телефонной компании, но у него всегда хватает времени прочитать каждый заключенный мной контракт от первой до последней точки. Я узнаю о том, что он думает, по тому, как он смотрит на меня. Вообще-то мои контракты смотрят и другие, но отцу нет дела до других. Ему важен Уэйн Гретцки и только Уэйн Гретцки. И так было всегда, сколько я себя помню.

Он умеет сразу схватить существа дела, по-моему, у него развились способность замечать проблемы еще до того, как они возникнут. Однажды он просмотрел контракт, который я заключил с фирмой, изготавливающей коньки, и сразу сказал, что меня ждут неприятности. Так оно и вышло. Потом мы исправили контракт. Майкл Бар-

нетт, один из моих торговых агентов, говорит: «Может быть, Уолтер и не получил достаточного формального образования, но в бизнесе он достоин звания магистра. Не успеешь и глазом моргнуть, как он станет доктором».

Теперь, когда я повзросел и могу сам принимать важные решения, некоторые считают, что стремление отца быть в курсе всех моих дел может испортить наши отношения. Но это глупость. Мы с отцом всю жизнь спорили. Спорили обо всем: и о том, что я делаю за бортиком площадки. Но нам это не мешало. И я надеюсь, что мне выпадет счастье иметь такие же отношения со своим сыном. Я хотел бы, чтобы он уважал мое мнение и понимал, что я лезу в его дела для его же пользы. И еще я хочу, чтобы он не боялся высказывать мне свое мнение по любому делу.

Сам же я соглашаюсь с отцом в девяноста пяти случаях из ста. И не потому лишь, что он давит на меня своим отцовским авторитетом, а потому, что он старше и мудрее. Но иногда я уверен, что правда на моей стороне. И тогда я иду против его мнения. Думаю, когда это случилось первый раз, ему было несладко. Но ведь это же не значит, что, попав в следующий раз в сложное положение, я не обращусь к нему за помощью. Может, я буду в силах и сам все уладить, но даже если в это время мне будет шестьдесят лет, я все же сначала выслушаю его.

Да и почему мне не поступить так? Ведь он всегда был в трудную минуту рядом со мной.

Когда мне было лет десять, мы с ним каждый вечер играли с полчаса на заднем дворе в бейсбол. Раз я решил, что нам просто необходимо хорошее место для подачи. В конце нашей улицы был небольшой пригорюк, который никому из соседей не принадлежал. Я отправился туда с лопатой, срыл его весь, а землю погрузил в тачку. Я как раз катил тачку к дому, когда мама вышла на крыльцо.

— Куда это ты тащишь весь этот мусор? — спросила она.

— На задний двор, — ответил я. — Нам это нужно для бейсбола.

— Нет, — отрезала она.

Я знал, что мама слов на ветер не бросает. Но я знал и своего отца. Поэтому я просто оставил тачку нагруженной на дорожку и стал дожидаться его возвращения с работы.

— Что ты собрался с этим делать? — спросил он.

— Везу на задний двор. Нам же нужна площадка для подачи...

— Хорошо, — придумал, — ответил отец.

Он пошел в подвал, принес оттуда две доски и помог мне сделать все, что нужно. Эта штука, сделанная нами, простоявала, кстати, одиннадцать лет.

Отец любит наш задний двор. Зимой у нас там каток, летом площадка для бейсбола. Задний двор — такая же часть нашей жизни, как дом, ферма, весь наш Брэнтфорд. Когда я стал профессионалом и у меня появились деньги, я пришел к отцу с отличной, как мне казалось, идеей. «Отец, — торжественно сказал я, — хочу построить на нашем заднем дворе бассейн». «Ты что, с ума сошел?» — только и сказал он, качая головой. Стоит ли говорить, что бассейн у нас нет до сих пор.

Может быть, из-за того, что я пренебрег в хоккее, люди считают, что мои родители знают секрет, как выращивать Уэйнов Гретцки. Иногда доходит просто до смешного. Возьмите хотя бы эту историю с нашим катком на заднем дворе.

Как-то я сказал одному журналисту, что мы проводили с отцом на катке целые часы. И в газете были напечатаны мои слова: «Господи, было так холодно, что я приходил домой и плакал!.. И теперь мне приходится видеть несчастных ребятишек, которые плетутся домой со слезами на глазах, а их родители встречают их словами: «Отправляйся обратно на каток! Уэйн Гретцки мерз, зато теперь сидит в ши-

карной квартире в Эдмонтоне. А ты что, хуже?!

Но эти люди не поняли главного. Да, когда меня спрашивают: «Ты тренировался по четыре часа каждый вечер?» — я отвечаю: «Кажется, так». Но теперь, вспоминая те годы, я понимаю, что то время, которое я проводил на катке, нельзя назвать тренировками. Если бы я тогда думал, что тренируюсь, я бы и не стал кататься.

Я катался просто для своего удовольствия.

Никогда я не думал: «Сегодня буду тренироваться четыре часа, потому что, если я буду так делать, попаду в НХЛ». Ничего такого мне и в голову никогда не приходило. Мы играли в хоккей. Именно играли, и игра доставляла нам удовольствие. Самое большое на свете. Были ребята, которые проводили на льду времени куда больше, чем я, но в НХЛ они так и не попали. Нельзя сказать: «Делай то и то, и ты обязательно попадешь в НХЛ». Это будет неправда. Я катался три-четыре часа и приходил домой. Отец спрашивал: «Ну что, хватило?» «Да», — отвечал я, а завтра шел на каток снова.

Но я плакал. Да, это правда. Когда болели замерзшие ноги. Каждый, кто бывал подолгу на холодах, знает эту боль. Когда ноги отходят в тепле, боль сумасшедшая. Но сейчас я вспоминаю не боль и слезы, а горячий шоколад и большие теплые руки моего отца. Он скимал ими мои окоченевшие ступни, чтобы холод ушел...

Зато теперь я играю в НХЛ и зарабатываю большие деньги. И у меня большие возможности. И некоторые люди говорят своим детям: «Делай так, как Уэйн Гретцки. Смотри, как он тяжело работал. Смотри, как он подолгу тренировался». Но не стоит копировать других. У каждого свой путь. Конечно, вы не попадете в НХЛ, если не будете тренироваться, но нет и никакой гарантии, что, бесконечно тренируясь, вы станете игроком НХЛ.

У меня много интересов, самых разных увлечений. Так, года два я вязал крючком. И неплохо получалось. Где-то я прочитал, что знаменитый вратарь Жак Плант увлекается вязанием, и решил попробовать. Связал маме сначала кошелек, а потом покрывало. (Не раз представлял себе, как какой-нибудь папаша говорит своему затурканному мальчишке: «Смотри-ка, Уэйн Гретцки связал, и теперь он в НХЛ. Ну-ка, берись за крючок!»)

Я сейчас прошу себя в самых разных областях. Мне это интересно. Я не потому пел в программе Пола Анки, что собираюсь стать певцом, не потому снимался в кино, что решил стать актером. Просто и то, и то было ново и любопытно. Ведь хоккей — это не вся жизнь. Я дальше собираюсь попробовать себя во всем, что будет мне интересно. Тем более, что наступит день, когда я уйду из хоккея и мне нужно будет чем-то заняться. Жизнь становится все напряженнее, изматывает все больше. Я заметил, что становлюсь все менее терпеливым, все чаще раздражуюсь и огрызаюсь, и даже не на посторонних, а на родных. «Предохранитель» выбивает все чаще, и я знаю, что в будущем легче не станет.

Но хотите знать место, куда я могу сбежать от всего этого? Единственное место, где я могу полностью расслабиться?.. Это место — лед хоккейной коробки.

Когда я играю в хоккей, я не думаю ни о чем, кроме игры. Я знаю, что есть немало игроков, у которых внехоккейные дела влияют на игру, портят ее, потому что они не могут сбросить, забыть свои проблемы и во время матчей. Для меня же лед — убежище. Иногда я даже подсмеиваюсь над собой. Мне достаточно притянуть в раздевалку, взять ракетку для пинг-понга, сыграть несколько партий, обмотать лентой четырьмя клюшками — и я забываю обо всем. Потому что потом я иду на лед играть. Ты должен делать только это, только то, что тебе нравится по-настоящему, и никто не пристает к тебе ни с чем другим. Это здорово. Игра — лучшее

время моей жизни. А работа... Она идет следом вместе со всем остальным.

И все это сделали для меня мои родители. А ведь у них не было игры, чтобы хоть как-то передохнуть. Они взяли на себя самое трудное, а мне досталось самое легкое. Как Ким и Кейту, Глену и Бренту, моей сестре и братьям. Нам нужно было только играть. Деньги, форма, инвентарь, переезды — заботу обо всем этом брали на себя мама и отец...

Иногда я задумываюсь: а каким отцом будет Уэйн Гретцки?

Нет, мой сын не покинет дом, когда ему стукнет четырнадцать лет.

Недавно на наших глазах родители одного двенадцатилетнего парнишки из Санта-Катарина хотели отправить его в Торонто для занятий хоккеем. Мой отец сказал, что Ассоциация детского хоккея Онтарио не даст на это согласия, и, к счастью, оказался прав. Думаю, дело прежде всего в том, ради чего родители отправляли своего сына из дома. Если только для того, чтобы он стал профессиональным хоккеистом, то они заслуживают осуждения. У меня было по-другому. Меня родители отправили из дома подальше от моих неприятностей, как раз для того, чтобы я мог жить нормальной жизнью. Они рассуждали так: если ему суждено стать профессиональным хоккеистом — хорошо. Но главное, чтобы из него получился хороший человек.

Нельзя отсыпалить из дома своего ребенка. Нельзя сказать своему сыну, сколько бы ему ни было лет: «Езжай, учись на профессионала».

Когда мне было четырнадцать лет, я думал, что уехать в Торонто — самая прекрасная вещь на свете. К счастью, оказалось, что для меня это был действительно лучший выход. Но если бы я мог что-то перемнить в своей жизни, я бы сделал так, чтобы у меня была возможность сказать, что я жил дома лет до девятнадцати...

Если мне выпадет счастье иметь сына, а ему выпадет счастье играть в хоккей, я хотел бы наблюдать, как он играет, звать его к победе, помочь ему, чем смогу, а если он проиграет, сказать ему: «Извини», — и оставить без мороженого. Так делал мой отец. Но в одном я, можно сказать об этом уже сейчас, буду отличаться от него. Я не буду просиживать вечера на телефоне, занимаясь организацией матчей, но буду нормально спать накануне игры.

Я живу в хоккее с шести лет и буду играть еще долго. А когда придется уходить, я хотел бы уйти совсем. Но я очень хотел бы, чтобы мой сын узнал радость игры на льду.

В детском хоккее возникает масса сложностей и неприятностей из-за родителей юных игроков. Из-за тех самых родителей, которые вроде бы желают своим детям добра.

Некоторые говорят, что ребята должны играть только для забавы, и это правильная мысль. Такие люди считают, что играть в хоккей должны абсолютно все ребята, и это тоже прекрасная идея. Еще они говорят, что после победы или поражения дети должны оставить хоккейные заботы на площадке и вернуться всеми помыслами к обычной жизни. Замечательно. И так может быть. В детском спорте должно быть место для всех. В том числе и для тех, кто хочет быть лучшим, кто уже в юном возрасте готов взвалить на себя всю ответственность за команду, кто хочет побеждать каждый день.

Своему сыну, играющему в хоккей, я бы сказал: «Ты играешь за эту команду, и ты будешь стараться, и ты покажешь все, на что ты способен. И ты будешь учиться побеждать. Но если ты проиграешь — ничего страшного. Извлеки из поражения урок, забудь о нем и живи своей жизнью. А когда снова вернешься на площадку, учись не повторять ошибок и снова стремись к победе. Изо всех сил».

Мне кажется, что именно такое воспитание самое правильное. Что это пригодится человеку не только в хоккее, но и в школе, и в работе, и вообще

в жизни. У человека внутри должна биться мысль: «Черт возьми, я буду лучшим! Наша команда будет лучшей!» Такое чувство необходимо человеку, если он хочет чего-то добиться.

А если родители не хотят подвергать своего сына чрезмерному психологическому давлению, считают это вредным? Ну что ж, для таких мальчиков есть дворовые команды.

Но есть и другой хоккей. Профессиональный. Там суровые законы. Там от игроков ждут только побед.

Меня возмущают случаи, когда иные тренеры стараются низвести хороших игроков до общего среднего уровня, вместо того чтобы заставлять подтягиваться середняков. Зачем они это делают? Чтобы избежать разногласий и конфликтов. Мои проблемы в детской команде начались именно из-за этого. Мне приходилось встречаться с тренерами, которые хотели сделать из меня среднего игрока. Если бы мне пришлось работать с командой, в которой есть выдающийся игрок, я бы сказал остальным: «Ребята, поглядите-ка хорошенько, что он умеет, и постарайтесь этому научиться сами». Даже если бы у них ничего и не получилось из этого — не страшно. Главное, что они старались. А это всегда приносит результат.

Как же заставить себя стараться изо всех сил, делать все с максимальной отдачей? Отец мне всегда говорил: «Я не заставляю тебя делать то, чего ты не можешь. Но то, что ты можешь, ты должен делать».

Возьмем, к примеру, школу. Отец знал, что одни предметы даются мне легко, а другие — не очень. И если я получал приличную оценку по предмету, в котором не блестал, отец хвалил меня. Но если я вдруг «провалился» там, где мог успевать, мне доставалось по первое число. Такое считалось непростительным.

Всегда нужно помнить, что ни один мальчишка, как бы он ни проявил себя в детском хоккее, не может быть уверен в том, что попадет в НХЛ. Многое может помешать этому. Я хочу дать один совет тем, кто стремится стать профессионалом: если у тебя ничего не выходит — возвращайся домой. Да, именно так. Мои братья могут оказаться в такой же ситуации, и я скажу им то же самое. Никто не работает на льду больше, чем мой брат Глен, никто больше него не мечтает играть в НХЛ, но попасть туда ему будет нелегко.

Я думаю, в глубине души он знает это. Однако, даже если он пробьется в профессиональную команду, но окажется там в середнячках, я посоветую ему бросить все и забыть хоккей.

Я сам бы сделал именно так.

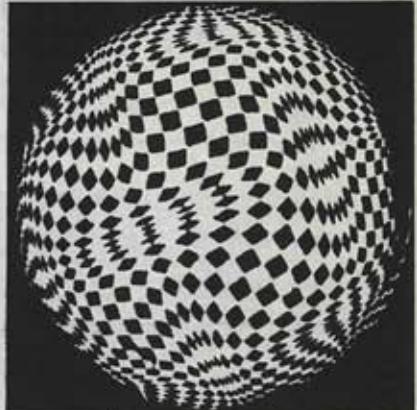
Когда команды НХЛ открывают тренировочные лагеря и объявляют, что все места у них вакантны, что шанс играть в команде есть у каждого, это неправда. Шанс есть только у немногих. Остальные зря мучаются. Если бы я, проиграв два года в детской команде, не добрался бы никаких успехов, я бы, не колеблясь ни секунды, сказал всем: «Спасибо. Мне здесь очень нравится, я у вас многому научился, но лучше всего я усвоил для себя то, что мне нужно поискать работу, которую я могу делать, или вернуться в школу».

Мне здорово повезло в жизни. Я вырос в семье, где меня всегда любили, где все любят друг друга вообще. И еще я играю в игру, которую люблю.

Хоккей для меня — удовольствие. Иногда я думаю: хорошо, что моя квартира расположена так высоко. Если бы я жил на первом этаже, то, увидев бы в окно мальчишес с клюшками на льду, я не удержался бы и выскочил играть с ними.

Когда-нибудь, если мне очень повезет, я выйду на лед с сыном на заднем дворе нашего дома в Брантфорде. А когда мы вернемся в дом и мой сын начнет хныкать, потому что у него будут болеть замерзшие ноги, я возьму их в свои ладони, чтобы отогреть. Так, как делал когда-то мой отец.

ШАХМАТЫ

29-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

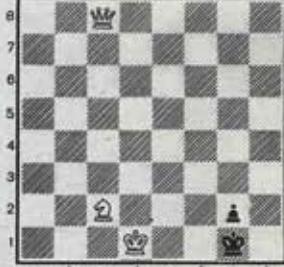
Одним из наиболее существенных художественных требований к шахматной задаче является **экономичность формы**. Это понятие включает в себя **экономию времени и материала**. Экономия времени означает, что число ходов решения задачи должно быть минимально необходимым для осуществления идейного замысла. Всякое искусственное удлинение решения путем добавления не связанной с основным тематическим содержанием задачи вступительной игры (если она не имеет своей самостоятельной идейной ценности), различного рода промежуточных ходов и т. п., затемняет авторский замысел, снижает качество композиции.

Седьмой тур

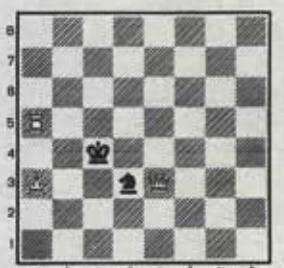
Белые: Kpf3, Fb6, Cg1, p. g2 (4)
Черные: Kph1, Cd2 (2)

Мат в 3 хода (2 балла)

Белые: Kpd1, Fc8, Kc2 (3)
Черные: Kpg1, p. g2 (2)

Мат в 3 хода (3 балла)

Белые: Kra3, Fe5, La5 (3)
Черные: Krc4, Kd3 (2)

Мат в 4 хода (4 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «29-я шахматная олимпиада. 7-й тур». Последний срок отсылки писем (по почтовому штемпелю) — 1 августа.

Подготовила
Татьяна МАКАРОВА.

ПОД УГРОЗОЙ

по материалам
зарубежной
печати

Опытные специалисты, работающие на нефтяных промыслах в Северном море, утверждают: «Если у нас произойдет крупное извержение нефти, можно будет забыть о Северном море как о море». «Это только вопрос времени, когда Северное море постигнет катастрофа».

165 миллионов тонн нефти и 83 миллиарда кубометров газа добываются сегодня на буровых этого региона. Доныча нефти в Северном море увеличивалась захватывающими дыхание темпами. В 1964 году были запущены первые промышленные скважины, в 1973 году в море стояло уже около 80 буровых платформ, через пять лет — почти 140, сегодня их число доходит до 300.

Вдоль и поперек Северного моря протянулось б тысяч километров проводов, тяжких опасность разрыва. Только в английском секторе в 1984 году было официально зарегистрировано 17 аварий на трубопроводах. В действительности же многие подобные случаи просто не объявляются фирмами. Такие аварии ведут к появлению масляных пятен на поверхности моря. И пилоты-вертолетчики, которые ежедневно летают к платформам для смены нефтяников, обязаны сообщать властям о каждом таком «нефтяном ковре». Но «вертолетные фирмы», объясняет проблему механик-буровик Гарри, — имеют договоры с нефтяными фирмами и, конечно же, опасаются, что фирмы не продлят контракты, если пилоты будут слишком часто сообщать о нефтяных пятнах. А так как, кроме всего прочего, есть много безработных пилотов, каждому нужно быть осмотрительным — можно потерять работенку. Поэтому он ничего не видит». Специальные же самолеты надзора, по словам того же Гарри, появлялись над нефтедобывчиками за прошедшие десять лет лишь пять раз.

По оценкам экспертов, ежегодно в море попадает 50 тысяч тонн нефти и различных нефтесодержащих отходов бурения.

Велика опасность аварий трубопроводов. Вероятность их разрыва после 5 лет эксплуатации составляет уже 20 процентов, через два года она удваивается. А старейший трубопровод в Северном море проложен 20 лет назад. Единственное утешение: даже при самом сильном прорыве трубопровода нефть будет вытекать не сразу, а постепенно.

СКАЗКА О ТРОЙКЕ

Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

-Подождите, Говорун,— сказал Федя.— Вы все время меня сбиваете. Я хочу сказать... Ну вот, я и забыл, что хотел сказать... Да! Чтобы насладиться величием человеческого разума, надо окинуть взором все здание этого разума, все достижения наук, все достижения литературы и искусства. Вот вы пренебрежительно отозвались о космосе, а ведь спутники, ракеты — это великий шаг, это восхищает, и согласитесь, что ни одно членистоногое не способно к таким свершениям.

Клоп презрительно повел усами.

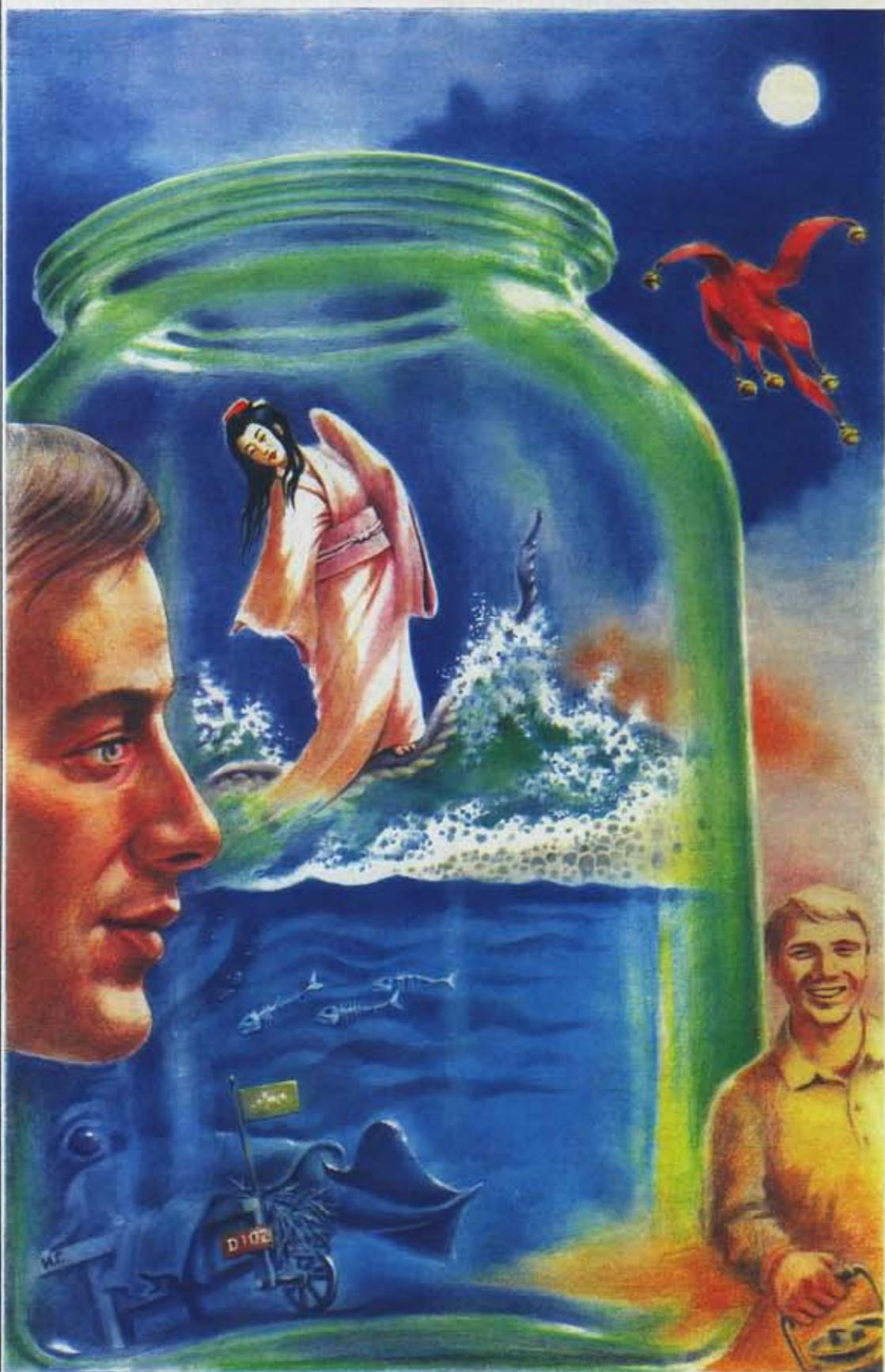
— Я мог бы возразить, что космос членистоногим ни к чему,— произнес он.— Однако и людям он тоже ни к чему, и поэтому об этом говорить не будем. Вы не понимаете простых вещей, Федор. У каждого вида существует своя исторически сложившаяся, передающаяся из поколения в поколение мечта. Осуществление такой мечты и называют обычно великим свершением. У людей было две исконные мечты: мечта летать вообще, проистекшая из зависти к насекомым, и мечта слетать к Солнцу, проистекшая из невежества, ибо они полагали, что до Солнца рукой подать. Но нельзя ожидать, что у разных видов, а тем более классов и типов живых существ Великая мечта должна быть одна и та же. Смешно предполагать, чтобы у мух из поколения в поколение передавалась мечта о свободном полете, у спрутов — мечта о морских глубинах, а у нас — цимекс лектупариа — о Солнце, которого мы терпеть не можем. Каждый мечтает о том, что недостижимо, но обещает удовольствие. Потомственный мечта спрутов, как известно,— свободное путешествие по суше, и спруты в своих мокрых пучинах много и полезно думают на этот счет. Извечной и зловещей мечтой вирусов является абсолютное мировое господство, и, как ни ужасны методы, коими они в настоящий момент пользуются, им нельзя отказать в настойчивости, изобретательности и способности к самопожертвованию во имя великой цели. А грандиозная мечта паукообразных? Много миллионов лет назад они опрометчиво выбрались из моря на суши и с тех пор мучительно мечтают снова вернуться в родную стихию. Вы бы только послушали их песни и баллады о море! Сердце разрывается на части от жалости и сочувствия. В сравнении с этими балладами героический миф о Дедале и Икаре — просто забавная побасенка. И что же? Кое-чего они достигли, причем весьма хитроумным путем, ибо членистоногим вообще свойственны хитроумные решения. Они добиваются своего, создавая новые виды. Сначала они создали водобегающих пауков, потом пауков-водолазов, а теперь во весь ход идут работы над созданием вододышащего паука... Я уже не говорю о нас, клопах. Мы своего достигли давно, когда появились на свет эти бурдюки с питательной смесью... Вы понимаете меня, Федор? Каждому племени своя мечта. Не надо хвастаться достижениями перед своими соседями по планете. Вы рискуете попасть в смешное положение. Вас считут глупцами те, кому ваши мечты чужды, и вас считут жалкими болтунами те, кто свою мечту осуществил уже давно.

— Я не могу вам ответить, Говорун,— сказал Федя,— но должен признаться, что мне неприятно вас слушать. Во-первых, я не люблю, когда хитрой казуистикой опровергают очевидные вещи, а во-вторых, я все-таки тоже человек.

— Вы снежный человек. Вы недостающее звено. С вас взятки гладки. Вы даже, если хотите знать, несъедобны. А вот почему мне не возражают гомосапиенсы, так сказать? Почему они не вступаются за честь своего вида, своего класса, своего типа? Объясняю: потому что им нечего возразить.

Внимательный Эдик пропустил этот вызов мимо ушей. Мне было что возразить, но я промолчал, потому что видел, что Федя расстроен и хочет говорить.

— Нет уж, позвольте мне,— сказал он.— Да, я снежный человек. Да, нас принято оскорблять, нас оскорбляют даже люди, близкие наши родственники, наша надежда, символ нашей веры в будущее. Нет-нет, позвольте. Эдик, я скажу все, что думаю. Нас оскорбляют наиболее невежественные и отсталые слои человеческого рода, давая нам гнусную кличку «иети», которая, как известно, зозвучна со свифтовским «иеху», и кличку «голубяван», которая означает

Иллюстрации Игоря Гончарука

не то «огромная обезьяна», не то «отвратительный снежный человек». Нас оскорбляют и самые передовые представители человечества, называя нас «недостающим звеном», «человекообезьяной» и другими научно звучащими, но порочащими нас прозвищами. Может быть, мы действительно достойны некоторого пренебрежения. Мы медленно соображаем, мы слишком уж неприхотливы, в нас так слабо стремление к лучшему, разум наш еще дремлет. Но я верю, я знаю, что это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ разум, находящий наивысшее наслаждение в переделывании природы, сначала окружающей, а в перспективе — и своей собственной. Вы, Говорун, все-таки паразит. Простите меня, но я использую этот термин в научном смысле. Я не хочу вас обидеть, но вы паразит, и вы не понимаете, какое это высокое наслаждение — природа ведь бесконечна, и переделывать ее можно бесконечно долго. Вот почему человека называют царем природы. Потому, что он не только изучает природу, не только находит высокое, но пассивное наслаждение от единения с нею, — он переделывает природу, он лепит ее по своей нужде, по своему желанию, а потом будет лепить по своей прихоти...

— Ну да! — сказал Клоп. — А покуда он, человек, обнимает некоего Федора за широкие волосатые плечи, выводит его на эстраду и предлагает некоему Федору изобразить процесс очеловечивания обезьяны перед толпой лугающих семечки обывателей... Внимание! — заржал он вдруг. — Сегодня в клубе лекция кандидата наук Вялобуева-Франкенштейна «Дарвинизм против религии» с наглядной демонстрацией процесса очеловечивания обезьяны! Акт первый: «Обезьяна». Федор сидит у лектора под столом и танцует ищется под мышками, бегая по сторонам ностальгическими глазами. Акт второй: «Человекообезьяна». Федор, держа в руках палку от метлы, бродит по эстраде, ища, что забить. Акт третий: «Обезьяночеловек». Федор под наблюдением и руководством пожарника разводит на железном противнике небольшой костер, разыгрывая при этом ужас и восторг одновременно. Акт четвертый: «Человека создал труд». Федор с испорченным отбойным молотком изображает первобытного кузнеца. Акт пятый: «Апофеоз». Федор садится за пианино и наигрывает «Турецкий марш»... Начало лекции в шесть часов, после лекции новый загадочный фильм «На последнем берегу» и танцы!

Чрезвычайно польщенный Федя застенчиво улыбнулся.

— Ну, конечно, Говорун, — сказал он растроганно. — Я же знал, что существенных разногласий между нами нет. Конечно же, именно таким вот образом, понемножку, полегоньку, разум начинает творить свои благодетельные чудеса, обещая в перспективе Архимедов, Ньютона и Эйнштейнов. Только вы напрасно так уж преувеличиваете мою роль в этом культурном мероприятии, хотя я понимаю: вы просто хотите сделать мне приятное.

Клоп посмотрел на него бешеными глазами, а я хихикнул. Федя забеспокоился.

— Я что-нибудь не так сказал? — спросил он.

— Вы молодец, — сказал я. — Вы его так отбили, что он даже осунулся. Видите, он даже фаршированные помидоры стал жрать от бессилия...

— Одно удовольствие вас слушать! — вскричал Панург. — Уши наливаются весенними соками и расцветают подобно розам. Цицероны! Клавдии-Публии-Аврелии! Что же касается великих ораторов, то Цицерон-младший, походивший на отца, по свидетельству Монтеня, только тем, что носил то же имя, в бытность свою римским градоначальником Бухары заметил однажды у себя на пиру некоего Цестия, затесавшегося среди вельмож. Трижды спрашивал Цицерон-младший у своего слуги имя этого незнакомого ему и незваного гостя и трижды, отвлекаемый хозяйственными обязанностями, забывал сообщаемое имя. Наконец слуга, утомившись повторять одно и то же и желая утвердить в памяти господина имя Цестия, сказал: «Это Цестий, который, по слухам, считает свое красноречие значительно превосходящим красноречие вашего батюшки». И что же? Цицерон-младший взбесился и велел тут же на месте высечь Цестия, очень этому удивившегося.

— Да, Говорун, я слушаю вас с интересом, — сказал Эдик. — Я, конечно, вовсе не намерен вам возражать, потому что, как я рассчитываю, у нас с вами впереди еще много диспутов по более серьезным вопросам. Я только хотел бы констатировать, что, к сожалению, в ваших рассуждениях слишком много человеческого и слишком мало оригинального, присущего лишь психологии цинекс лектуария.

— Хорошо, хорошо! — с раздражением вскричал Клоп. — Все это прекрасно. Но, может быть, хоть один представитель гомо сапиенс снизойдет до прямого ответа на те соображения, которые мне позволено было здесь высказать? Или, повторяю, ему нечего возразить? Или человек разумный имеет к разуму не

большее отношение, чем змея очковая к широкому распространенному оптическому устройству? Или у него нет аргументов, доступных пониманию существа, которое обладает лишь примитивными инстинктами?

У меня был аргумент, доступный пониманию, и я его с удовольствием использовал. Я продемонстрировал Говоруну свой указательный палец, а затем сделал движение, словно бы стирая со стола упавшую каплю.

— Очень остроумно, — сказал Клоп, бледнея. — Вот уж воистину на уровне высшего разума...

Федя робко попросил, чтобы ему объяснили смысл этой пантомимы, однако Говорун объявил, что все это вздор.

— Мне здесь надоело, — преувеличенно громко сообщил он, барски озираясь. — Пойдемте отсюда.

Я расплатился, и мы вышли на улицу, где остановились, решая, что делать дальше. Федя предложил навестить Спиридона, но Говорун запротестовал. Бедовать с теплокровными — это совсем не сахар, объявил он, но уж идти после этого пререкаться с головоногим моллюском — нет, от этого увильте, он уже лучше пойдет в кино. Нам стало его жалко — так он был потрясен и шокирован моим жестом, может быть, действительно несколько бестактным, и мы направились было в кино, но тут из-за пивного ларька на нас вынесло старикашку Эдельвейса. В одной руке он скимал пивную кружку, а другой он цеплялся за свой агрегат. Заплетающимся языком он выразил свою преданность науке и лично мне и потребовал сметных, высокогорных, а также покупательных на приобретение каких-то разъемов. Я дал ему рубль, и он вновь устремился за ларек.

Мы пошли в кино. Говорун все никак не мог успокоиться. Он барабанил, задирал прохожих, сверкал афоризмами и парадоксами, но видно было, что ему крайне не по себе. Чтобы вернуть Клопу душевное равновесие, Эдик рассказал ему о том, какой гигантский вклад он, Клоп Говорун, может совершить в теорию Линейного Счастья, и прозрачно намекнул на мировую славу и на неизбежность длительных командировок за границу, в том числе в экзотические страны. Душевное равновесие было восстановлено полностью. Говорун явно приободрился, посолиднел и, как только в кинозале погас свет, тут же полез по рядам кусаться, так что мы с Эдиком не получили от фильма никакого удовольствия: Эдик боялся, что Говоруна тихо раздавят по привычке, я же ждал безобразного скандала.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Витька этой ночью в гостинице не ночевал. Роман же пришел, по-видимому, очень поздно, и нам с Эдиком пришлось изгонять его из постели холодной водой. Мы накоротко позавтракали кефиром и огурцами. Я очень спешил, мне не терпелось увидеться с комендантом и прояснить свое теперешнее положение. Комендантом мне благоволил: время от времени я помогал ему разбираться в путаных заключениях профессора Выбегаллы и вообще ему сочувствовал. Да и как было не сочувствовать? Жил-был человек, ничего такого не делал, никому особенно не мешал, работал комендантом общежития, достиг успехов, и вдруг вызвал его товарищ Голый, поругал за приверженность к религии и бросил на повышение — комендантом Колонии Необъясnenных Явлений. Будь он помоложе, поначитней, он, возможно, и развернулся бы там, но товарищ Зубо был не таков. Был он служака, и был он к тому же человеком повышенной брезгливости. «Погибаю я там, — жаловался он мне иногда. — Погибаю я там, Александр Иванович, со змеями этими бородатыми, вонючими, с этими каракатицами, с пришельцами. Аппетит потерял я совсем, худею, жена брюки ушиивает, и никакой же перспективы... Сегодня вот еще один паразит прилетел, лепечет чего-то не по-русски, каши не жрет, мяса не жрет, а употребляет он, оказывается, зубную пасту... Не могу я так больше. Жаловаться я хочу, но по закону это, до самого товарища Голого дойду...» Очень я ему сочувствовал.

Плачевное положение коменданта усугублялось историей с разумным дельфином Айзеком. Сам дельфин давно уже помер по невыясненным причинам, но дело его жило и причиняло неприятности. Жило оно вот почему. Во-первых, Айзек скончался, недоиспользовав отпущеные на него две тонны свежей трески. Эта когда-то свежая треска висела на шее у несчастного коменданта как жернов, и не было никакой возможности от нее избавиться. Коменданту еле ее сам и всей семьей, приглашал гостей, кормил половину китежградских собак, несколько раз травился рыбным ядом, отравил насмерть лучшую свою свинью, но трески словно бы и не убавлялось. Во-вторых, дело Айзека не прекращалось потому, что, пока акт о смерти ходил по инстанциям, из покойника набили чучело и передали китежградской школе в качестве наглядного пособия, а между тем обстоятельства смерти вызвали в инстанциях некие подозрения, и акт вернулся с резолюцией произвести посмертное вскрытие. С тех пор еженедельно комендант получал запрос: «Почему до сих пор не высланы результаты вскрытия?» — на что однообразно отвечал, что принимаются все меры к быстрейшему ответу на ваш исходящий такой-то. Треску невозможно было списать, потому

что не списывали дельфина; дельфина же не списывали, потому что не состоялось вскрытие, а также потому, что Хлебовводов говорил о покойном Айзеке: «Мало ли что он помер? Мне плевать, что он помер. Я обещал его на чистую воду вывести, и я его выведу». Причина же хлебовводовского упорства состояла в том, что во время его первой встречи с Айзеком дельфин из слова Хлебовводова: «Чего тут с ним возваться — обыкновенная говорящая рыба, я про такую читал» — во всеуслышание на четырех европейских и двух азиатских языках назвал его идиотом.

Вот и сегодня утром комендант сидел за своим столиком, погрузившись в безнадежное изучение распухшего от запросов дела Айзека.

— Пропадаю, — сообщил он, пожимая нам руки. — Пропадаю ни за грош. Если и сегодня не разрешат треску списать — удавлюсь... А что же товарища Корнеева не видно? Дело его нынче обсуждается, заявка.

— Приболел, — соврал я.

— Запаздывает, — одновременно со мной соврал Роман.

— Гм, — соврал Эдик и покраснел.

— Да придет он, — сказал я. — Никуда не денется. Вы мне лучше скажите, товарищ Зубо, как мне быть.

Выяснилось, что ничего страшного не произошло. Старикашка Эдельвейс теперь, конечно, мой до самой смерти, от этого никуда не денешься. Но заявка моя не пропала. Как я Черный Ящик просил, так я Черный Ящик в конце концов и получу, надо только написать новую заявку, пометив ее задним числом. Других заявок на дело девяносто седьмое нет и не предвидится, хотя, конечно, все в руках божьих: очень даже просто товарищ Вунаков или, скажем, товарищ Хлебовводов могут этот ящик в какой-нибудь клуб передать или в столовую, а то и в распил пустить.

Тут часы ударили девять, появилась Тройка, и мы заняли свои места. Несколько успокоенный, я пристроился за спиной Романа и написал новую заявку. Потом Эдик тихонько организовал мне на заявке штемпельную печать, а Роман — круглую. Подпись Януса Полуэктовича я организовал сам. Когда с заявкой было покончено, я успокоился совершенно и принялся слушать.

Хлебовводов размахивал газетной вырезкой:

— Вот у меня насчет этого Айзека материал. Центральной прессой получен сигнал, что дельфин, оказывается, вовсе и не рыба. Этого я не понимаю. Живет в воде, хвост у него — и не рыба. А что же это по вашему — птица? Или... эта... петух какой-нибудь?

— Есть предложения? — благодушно осведомился Лавр Федотович.

— Есть, — сказал Хлебовводов. — Отложить до полного выяснения. Темный был покойничек человек, земля ему пухом. Много за ним еще, кроме трески этой, ой много, ниюхом чую!

— Но ведь помер же он, — в сотый раз безнадежно проныкал комендант. — Может, все-таки спишем, а? Пускай за школой числится...

— Товарищ Зубо, — менторским тоном сказал Фарфуркис. — Вы напрасно испытываете наше терпение. Оно у нас безгранично. Мы вам уже объясняли, что Гомер, Шекспир и многие другие деятели тоже умерли, но по-прежнему продолжают оставаться загадкой для исследователя. Смерть не может считаться препятствием для исследовательской работы, а тем более для административно-исследовательской. Тройке не важно, жив объект или нет. Тройке важно установить, в какой мере он является или являлся необъясненным явлением.

— Ну хорошо, это дельфин, — сказал комендант. — А насчет трески мне как?

— И опять же мы готовы в сотый раз объяснить вам, что поскольку данный продукт документирован в качестве пищи для дела номер шестнадцать, то он и может быть списан либо по употреблении его этим делом, либо по списании этого дела.

— Ревизия же на носу! — рыдающим голосом проговорил комендант. — Найдут же у меня две тонны гнилой рыбы излишков...

— Да, — сочувственно сказал Фарфуркис. — Вам необходимо что-то предпринять.

— Может, мне другого дельфина купить? На свои, на заработанные... Кум говорил, в Москве такой магазин есть...

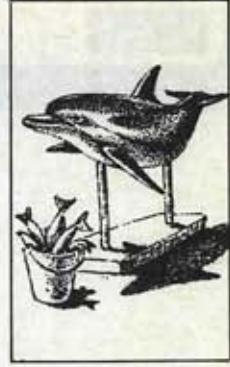
— Это ваше право, — сказал Фарфуркис. — Но вряд ли законно скормливать продукт, выписанный по делу номер шестнадцать, кому-то иному дельфину, находящемуся вне компетенции Тройки.

— Куда же мне рыбку-то девать?

— Скормить ее делу номер шестнадцать, — ответил Фарфуркис.

Я поглядел на Эдика. Эдик был безмятежен. По-видимому, у него уже выработался иммунитет. Впрочем, дело было пустяковое.

— Грррм, — сказал Лавр Федотович. — Выражая об-

щее мнение, предлагаю треску отложить до полного выяснения. Переходите к следующему делу, товарищ Зубо.

Командант, сморкаясь и утирая слезы, склонился над папками. Следующим оказалось дело спрута Спиридона, и сонный Роман встрепенулся. Где-то в неизвестном будущем Тройка должна была передать Спиридуна ему, если не перебежит, конечно, дорогу какая-нибудь столовая или какое-нибудь ателье мод. Ничего нового сегодня услышать он не ожидал, но тем не менее стремился быть в курсе. Спириданово дело тянулось уже больше года и рассматривалось ежедельно. Высокомерное древнее головоногое не желало являться на заседания Тройки и требовало, чтобы Тройка сама явилась к нему. Амбиция обеих сторон мешала разрешению конфликта, ибо речь шла о том, кто кого переломит.

— Опять не явился, старый склокник,— с удовлетворением сказал Хлебовводов.

— Никак нет,— подтвердил комендант уныло.

— Нет, надо же какая скотина,— продолжал Хлебовводов.— Семь ног у мерзавца, и не может явиться!

— Восемь,— поправил Фарфуркис.

— Почему это восемь? — оскорбился Хлебовводов.— Осьминог ведь, то есть о семи ногах. Что вы мне в самом деле...

— У осьминога восемь ног,— мягко сказал Фарфуркис.— Он, собственно, осьминог, но «в» у него редуцировался.

— Да бросьте вы,— сказал Хлебовводов.— Что ты, понимаешь, мне вкручиваете? Редуцировалось, медуцировалось... Не знаете — так и скажите! Вот пусть научный консультант объяснит... Товарищ научный консультант? Сколько у него ног? Семь или восемь?

Выбегалло не знал. Он осклабился, потянул себя за бороду и произнес:

— Эта... Ног сколько?.. Значить, се шарман илья кель кешоз де си мелодё¹...

— Чего? — сказал Хлебовводов.

— Ту кампрандр се ту пардоне², — пояснил Выбегалло, чувствуя себя на верном пути.

— Ага... — нерешительно сказал Хлебовводов.— Это мы, конечно, понимаем... латинский там, немецкий... Но вот хотелось бы уточнить, сколько все-таки у данного осьминога ног? Семь или все-таки их восемь?

— Десять,— сказал Роман.

Хлебовводов посмотрел на него ошарашенно.

— Шуточки шутите? — спросил он.— А между прочим, вы, товарищ представитель, на работе. Это вы дома своей жене шуточки шутите.

— Мне, товарищ Хлебовводов, шутить с вами не о чем,— холодно сказал Роман.— Вы задали консультанту вопрос, и, поскольку консультант находится в затруднении, я вам отвечаю вместо него. У спрута Спиридона десять ног.

— Иль фо фер де рестриксон³? — важно сказал Выбегалло.

— Какие там рестриксы,— сказал Роман грубо.— Се редикюль, ля камерад⁴ профессор. Десять ног, а точнее говоря, не ног, а рук, поскольку спруты на шупальцах не ходят, а шупальцами хватают, как руками.

— Но ноги-то, ноги у него есть? — спросил Хлебовводов.— Ну хоть одна!

— Ничего не могу добавить,— сказал Роман.

— Одну минуточку,— сказал Фарфуркис.— Почему же в таком случае он называется осьминог?

— А Спиридон не осьминог. Спиридон — кальмар, мегатоптис.

— Ага,— сказал Фарфуркис.— Благодарю вас.

— А нам все равно,— злоно сказал Хлебовводов.— Руки там у него или что. В крайнем случае мог бы и на руках дойти. Не в кино же, на заседание... И вообще какое нам дело? Мы его вызываем, он не приходит, а у нас не горит. У нас другой работы много. Кто там следующий?

— От Спиридона имеется заявление,— доложил комендант.

— Отказать, отказать! — сказал Хлебовводов.

— Гррр,— произнес Лавр Федотович.— Товарищ Хлебовводов, у вас есть вопрос?

— Нет,— сказал Хлебовводов.— Виноват.

— Народ желает знать все детали,— продолжал Лавр Федотович, глядя на Хлебовводова в бинокль.— Между тем отдельные члены Тройки, видимо, пытаются подменить общее мнение Тройки своим частным мнением. Однако народ говорит этим отдельным товарищам: не выйдет, товарищи!

Воцарилось почтительное молчание. Было слышно, как

Хлебовводов терзается угрызениями совести. Лавр Федотович опустил бинокль и приказал:

— Докладывайте, товарищ Зубо.

— Меморандум номер двенадцатый,— прочитал комендант.— Настоящий Полномочный посол Генерального содружества Гигантских древних головоногих свидетельствует свое искреннее уважение Председателю Тройки по rationalизации и утилизации необъясненных явлений (сенсаций) Его превосходительству товарищу Вунюкову Лавру Федотовичу и имеет поставить его в известность о нижеследующем:

§ 1. Настоящий меморандум является двенадцатым в ряду документов идентичного содержания, отправленных Полномочным послом в адрес Его превосходительства.

§ 2. Полномочный посол до сего дня не получил ни уведомления о вручении, ни подтверждения о получении, ни адекватного ответа хотя бы на один из вышеупомянутых документов.

§ 3. Полномочный посол вынужден сожалением констатировать установление нежелательной традиции, которая вряд ли может в дальнейшем способствовать нормальным отношениям между Высокими договаривающимися сторонами.

Допуская в связи с вышеизложенным, что предшествовавшие одиннадцать документов по тем или иным причинам не попали в сферу внимания Его превосходительства. Полномочный посол считает необходимым вновь информировать Его превосходительство о своих намерениях, вытекающих из его, Полномочного посла, обязанностей перед Генеральным содружеством, которое он имеет честь представлять:

§ 1. Полномочный посол намерен встретиться с представителями Министерства Иностранных Дел Высокой договаривающейся стороны в целях обсуждения процедуры вручения Министру Иностранных Дел своих верительных грамот.

§ 2. После упомянутого обсуждения Полномочный посол намерен вручить Министру Иностранных Дел Высокой договаривающейся стороны свои верительные грамоты.

В интересах Высоких договаривающихся сторон и допуская, что предшествовавшие одиннадцать документов по тем или иным причинам не попали в сферу внимания Его превосходительства, Полномочный посол считает себя обязанным повторить свои предложения Его превосходительству:

§ 1. Полномочный посол желает бы встретиться с Его превосходительством для обсуждения средств и порядка доставки его, Полномочного посла, к месту встречи с представителями Министерства Иностранных Дел Высокой договаривающейся стороны.

§ 2. Время встречи с Его превосходительством Полномочный посол оставляет на усмотрение Его превосходительства.

§ 3. Что же касается места встречи, то, принимая во внимание физические и физиологические особенности организма Полномочного посла, было бы желательно провести встречу в нынешней резиденции Полномочного посла.

С совершеннейшим почтением остаюсь в ожидании решения Вашего превосходительства покорнейшим Вашим слугой,

СПИРИДОН,
Полномочный посол Генерального содружества
Гигантских древних головоногих.

— Все,— сказал комендант.

— Гррр,— произнес Лавр Федотович.— Какие будут предложения по существу дела?

— У меня предложение одно,— заявил Хлебовводов.— Лишить его, гада, пищевого довольствия. Пусть голодным посидит, а то сразу ведь видно, что издевается. Сколько раз было ему говорено, явись, мол, на заседание, а он одни только писульки пишет. Вот я и предлагаю: пусть-ка поголодает, образится...

В этот момент Эдик, наскоро посовещавшись с Романом, решил в осуществление своей утопической программы морального преобразования членов Тройки попытаться извлечь на поверхность из глубины хлебовводовского сознания все, что там застягло разумного-доброго-вечного, но истог только смутное видение селедочки под горчичным соусом и профессионально неразборчивый голос: «Не держите двери, следующая станция «Кропоткинская!»

— Нет-нет, товарищ Хлебовводов,— возразил Фарфуркис.— Так нельзя. Что значит «не держите двери»? Двери для переговоров должны быть раскрыты. А вдруг он в самом деле посол? Надо соблюдать дипломатическую осторожность. Другое дело, конечно, что он ведет себя несостыдно со своим званием и требует от Тройки действий, подрывающих наш престиж. Поставить его на место, конечно, необходимо. Надо написать ему, что Тройка неполномочена вступать в какие бы то ни было отношения с Министерством Иностранных Дел, что задача Тройки — rationalизировать и утилизировать необъясненные явления, а потому Спиридон есть для Тройки не более как дело номер шесть, обязанное представить на рассмотрение и подчиниться решению. Вот Тройка и предлагает ему предстать, скажем, в понедельник. А дипломатические функции его Тройку ни в какой мере не интересуют.

— Гррр,— произнес Лавр Федотович.— Народ не располагает излишками бумаги для заведения переписки с необъясненными явлениями. С другой стороны, народ гостеприимен и хлебосолен. Выражая общее мнение, предлагаю товарищу Зубо еще раз на словах объяснить делу номер шестому всю несообразность его поведения. Пищевым довольствием обеспечивать по-прежнему. Других предложений нет? Вопросов к докладчику нет?

— Какого калибра? — рявкнул полковник.

Лавр Федотович взял бинокль и наставил на шутника. Однако полковник мирно спал, и Лавр Федотович, слизой к его слабости, пренебрег и успокоился.

— Продолжаем дневное заседание Тройки,— произнес он.— Следующий. Доложите, товарищ Зубо.

Роман, удостоверившись, что Спиридону до понедельника не угрожает опасность быть передану кружку юных планеристов или пущену в распыл, что-то шепнул Эдiku и на цыпочках вышел. Комендант раскрыл очередную папку и принялся докладывать:

— Дело номер шестьдесят четвертое. Фамилия: не установлена. Имя: не установлено. Отчество: не установлено...

— Протестую,— сказал Фарфуркис.— Что значит не установлено? Надо установить! В милицию обратиться, если потребуется...

— Запирается сквачинь,— сказал Хлебовводов криво.

— Это из пришельцев,— вяло сказал комендант.— У них не всегда есть.

— Я категорически протестую! — закричал Фарфуркис, распластавшись и бешено листая свою книжку.— В инструкции сказано абсолютно четко! Параграф шестой главы четвертой части второй... Вот! «В случае, если необъясненное явление представляет собой живое существо, но по каким-то причинам собственное имя его не может быть установлено, надлежит в целях удобства регистрации и идентификации придать ему фамилию, имя и отчество по выбору и утверждению Тройки. Примечание: во избежание имперсонаций, злоупотреблений и диффамации запрещается присваивать указанным живым существам имена широко известных деятелей истории, литературы и искусства. Примерный список имен см. «Приложение № 19». Вы что, инструкции никогда не читали?

— Да! Не читал! — сказал комендант, распластавшись.— Это не мне инструкция, это вам инструкция! Мне ее и в руки не дают! А вы вот вечно не дослушаете... У меня вот приложение к анкете есть: «Краткое описание дела номер шестьдесят четвертого».

— Какое там еще описание,— сказал Фарфуркис, но видимо смущенный и вновь листал записную книжку.

— Сам же на прошлом инструктаже велели: если нет у человека ФИО, пускай будет хоть описание. Вот товарищ Выбегалло и составил... Говорят, говорят, и сами не знают, что говорят.

— Эта... — решился вставить Выбегалло.— Фэ се ке дуа авдиенси се ки пурра¹, значить...

— Затруднение? — мертвым голосом осведомился Лавр Федотович.— Товарищ Фарфуркис, устанинте.

— Да, действительно,— признался Фарфуркис.— Я несколько потерпился с протестом. Дело в том, что я исходил из параграфа шестого, в то время как рассматриваемое дело попадает под параграф седьмой той же главы, где говорится: «В случае, если необъясненное явление представляет собой субстанцию, лишь с некоторой долей неопределенности могущую быть названной живым существом, то есть самый факт идентификации необъясненного явления как живого существа представляет для Тройки какие-либо затруднения...» — вот тогда, товарищи, действительно надлежит именовать такое явление по номеру дела и прилагать к анкете краткое описание. Я снимаю свой протест.

— Устанили? — осведомился Лавр Федотович.— Продолжайте, товарищ Зубо.

— А что мне теперь продолжать? — спросил комендант.— Пункт четвертый продолжать или сначала описание?

— А какая разница? — опрометчиво ляпнул Хлебовводов, но тут же испугался и полез зачем-то под стол.

Фарфуркис листал книжку в поисках указаний и не находил. Полковник проснулся и тяжело задумался. Даже Выбегалло попытался задуматься, но от натуги у него пошла носом кровь, и ему стало не до того. Я поглядел на Лавра Федотовича и ощущал себя потрясенным. Лавр Федотович возвышался над всеми нами, как некий бастион. Страшно было представить, какая бешеная работа мысли кипела сейчас за гранитным фасадом его спокойствия и невозмутимости. Пункт четвертый или описание? Описание или пункт четвертый?

¹ Чему быть, того не миновать.

¹ Прекрасно, кое-что имеется у этой...

² Кто поймет, тот извинит.

³ Нужно произвести анализ.

⁴ Это смешно, товарищ.

— В инструкции нет соответствующих указаний,— обреченно произнес Фарфуркис.

Назревала трагедия, кошмарный беспрецедентный конфликт, разрешить который могло только чудо. И чудо свершилось.

— Доложите описание,— просто сказал Лавр Федотович.

И все ожило. Фарфуркис, просяв лицом, принялся делать пометки в протоколе. Хлебовводов вылез из-под стола и стал преданно смотреть на Лавра Федотовича. Полковник умиротворенно улыбнулся

и снова заснул. Что же касается Выбегаллы, то он позволил себе дважды высморкаться, и притом таким образом, что произведенные им звуки могли быть легко восприняты как слова безудержного восхищения на французском диалекте. Мы с Эдиком горячо пожали друг другу руки.

— Описание дела номер шестьдесят четвертого,— прочитал комендант.— «Дело номер шестьдесят четыре представляет собой бурую полужидкую субстанцию объемом около десяти литров и весом в шестнадцать килограммов. Не пахнет. Вкус остался неизвестен. Принимает форму сосуда, куда налили. На гладкой поверхности принимает форму круглой лепешки толщиной до двух сантиметров. Если посыпать солью, корчится. Питается сахарным песком. Со временем не протухает. Способно восстанавливать изъятые из него массы». — Комендант отложил описание и вернулся к анкете.— Пункт четвертый. Год и место рождения: не установлены, но, вероятно, не на Земле...

— Вероятно! —sarcastically said Фарфуркис.— Это вы нам потом все обоснуете, — сказал он Выбегалла, погрозив пальцем.

— Всепременно! — бодро отозвался профессор Выбегалло. — Народ будет доволен!

— Национальность, — повысив голос, продолжал комендант.— Вероятно, пришелец. Образование: вероятно, высшее. Знание иностранных языков: вероятно, знает. Профессия и место работы в настоящее время: вероятно, пилот космического корабля. Был ли за границей: вероятно...

— То есть как? — вскинулся Хлебовводов.— То есть как это вероятно?

— А так! — огрызнулся комендант.— Откуда мне знать? Может, из Швеции сюда прибыл, он же не разговаривает...

— По-моему, бдительность у нас не на высоте, — сказал Хлебовводов. — Фарфуркис, занесите-ка ты, браток, на всякий случай в протокол: Хлебовводов, напоминает коменданту о бдительности!

Комендант с ненавистью поглядел на него и продолжал:

— Краткая сущность необъяснимости: неизвестное существо (возможно, вещество) с неизвестной планеты (возможно, не с планеты) невыясненного химического состава и с принципиально неопределенным уровнем интеллекта. Данные о ближайших родственниках отсутствуют, адрес постоянного местожительства неизвестен. Все.

— Ничего себе все! — жалко хотонув, сказал Хлебовводов.— Это был я директором конного парка номер два погрузо-разгрузочной конторы номер девять в одна тысяча девятьсот пятьдесят втором году, и приходит ко мне один мерин. Я, говорит, мерин. Документов нет, языков не знает, имя тоже неизвестно. Мне бы его гнать в три шеи или в милицию сдать, а я его по неопытности принял, понимаешь: чего там, думаю, пускай, мерин ведь. А он через неделю жеребенка приносит — раз! Скрывается без следа — два! И еще пять мешков овса как корова языком слизнула... Вот тебе и мерин. А ты мне тут толкуете — неизвестно, мол, возможно, не обнаружено... Как дети, ей-богу!

— Да-да! — решительно сказал Фарфуркис.— Я тоже не удовлетворен. Это не работа, знаете ли. Команданту простительно, но вы, товарищ Выбегалло, меня удивляете.

Выбегалло принял перчатку.

— Чем? Чем же я это вас удивляю, товарищ Фарфуркис? — спросил он.

— Неубедительно составленным описанием, товарищ Выбегалло, вот чем! — сказал Фарфуркис.

— Описка, а не описание получилась у вас, — добавил Хлебовводов.— Такое описание и я могу составить.

Тогда Выбегалло задрал бороду, плотоядно оглядел зарвавшихся критиков, поддернул манжеты и принялся потрошить.

Оказалось, что высокой науке, которую он имеет честь здесь представлять, не впервые отстаивать интересы народа от нападок профанов и дилетантов. Се пенимье ме селя фе дюбен¹. Он, профессор Выбегалло, связанный с народом пуповиной общего происхождения, никогда не считал для себя зазорным лично-

но разоблачать прописки и отражать насоки. Он, профессор Выбегалло, считает своим долгом напомнить здесь некоторым отдельным товарищам, что наша наука не терпит очковтирательства, фактосочинительства и приискомании. Он, профессор Выбегалло, как человек может понять желание товарища Хлебовводова, чтобы дело номер шестьдесят четыре привлекло к нам, скажем, из ФРГ. Же преву же ля шер де пуль¹. Тогда бы товарищ Хлебовводов мог с легкой душой составить себе небольшой политический капиталец, явившись инициатором передачи этого дела в совсем иные инстанции. Понятно ему, профессору Выбегалло, и желание товарища Фарфуркиса, чтобы дело было определено признано веществом. Тогда бы товарищ Фарфуркис имел возможность отфутболить это дело в геологоразведочный институт и высвободить себе таким образом некоторое количество народного времени для сомнительных похождений, не свидетельствующих о его высоком моральном уровне. Но наука в его, профессора Выбегалло, лице с гневом отвергает столь безответственные методы работы с необъяснимыми явлениями. Если наука не имеет достаточных данных для утверждения, что дело номер шестьдесят четыре прибыло к нам, скажем, из ФРГ, то она, наука, на вопрос «Было ли дело за границей?» прямо и недвусмысленно отвечает: вероятно. Если для определения вещественности или существенности дела у науки не хватает фактов, то она, наука, не разводя парадности и шумихи, четко и предельно точно идентифицирует дело как «неизвестное существо, в скобках — возможно, вещество». Присутствующий здесь Лавр Федотович подтвердит, что давно прошли времена очковтирательства, фактосочинительства и приискомании и что напрасны попытки отдельных членов Тройки повернуть колесо истории вспять, э ту се ки сан сюи.

Поддавшись воздействию корпоративного духа, мы с Эдиком громко зааплодировали. Выбегалло раскланялся и сел.

Препарированный и выпотрошенный Хлебовводов счел в таких условиях за благо отступить на исходные позиции, с коих он вновь принялся преданно глядеть на Лавра Федотовича. Хитроумный же Фарфуркис не сдавался. Тяжко страдая от полученных ран, он все же нашел в себе силы зайти с фланга и нанести ответственный удар.

— Я хотел бы только подчеркнуть, — веско сказал он, — что мы не юннаты, что мы ответственность несем, что обязанность наша — рассматривать объекты необъяснимые, а нам здесь предлагают к рассмотрению объект фактически неизвестный. Согласно же инструкции, — продолжал он, возвысив голос, — метод работы с неизвестным объектом должен быть принципиально иным, поскольку неизвестный объект может, в частности, оказаться самовозгорающимся, взрывчатым, ядоопасным или даже антропофагическим. Вот почему я категорически против рассмотрения дела сейчас, когда среди нас находится Лавр Федотович, жизнь которого представляет слишком большую ценность для того, чтобы мы имели право его рисковать.

Все взгляды устремились на Лавра Федотовича. Лавр Федотович долго молчал, опустив веки, и дымил «Герцеговину Флор». Затем он произнес:

— Народ...

— Да! Да! — подхватил Фарфуркис.— Вот именно!

Однако Лавр Федотович словно бы и не слышал этого восклицания. Он поднес к глазам бинокль и несколько минут рассматривал по очереди коменданта и Выбегаллу. Спокойствие, с которым оба они ожидали начальственного решения, видимо, удовлетворило его.

— Народ ждет от нас подвига, — произнес он наконец, опускав бинокль.— Пусть дело войдет, товарищ Зубо.

Комендант засеменил к двери в приемную, а Лавр Федотович между тем извлек из портфеля противогазовую маску и положил ее на стол перед собой.

Комендант быстро вернулся, держа обеими руками большую стеклянную банку с делом номер шестьдесят четыре. Лицо у него было отчаянное, и мы с Эдиком его сразу поняли. Во-первых, банка была из-под соленых огурцов, максимум на пять литров, и куда девались остальные пять литров пришельца, было непонятно. Во-вторых, дело номер шестьдесят четыре было отчетливо синее, а вовсе не бурое, как следовало из описания. Ну, сейчас начнется, подумал я. И началось.

Комендант еще не поставил банку на демонстрационный стол, как Фарфуркис отчаянно вскрикнул, выхватил из папки описание и впился в него глазами.

— Бурое! — закричал он.— Бурое! Что вы нам принесли, товарищ Зубо? Почему синее, когда бурое? Лавр Федотович! Синее, а не бурое! А по описанию — бурое, а не синее!

Заседание взорвалось. Комендант изо всех сил бил себя в грудь кулаками и клялся, что утром еще было бурое, не знает он, почему оно посинело, само оно посинело, он его не красил и не подменял. Хлебовводов требовал акта и все твердил про обманщика-мерина; Фарфуркис звал прокурора, обвинял в подлоге и в попытке ввести в заблуждение ответственный

орган; Лавр Федотович молча сидел в противогазе, время от времени отдирая пальцем край маски, чтобы подышать; а полковник проснулся и, как петух на настесте, что-то неразборчиво выкрикивал, ошалело крутя головой и рубая невидимого врага невидимой шашкой. Потом все утомились и замолкли, только комендант из последних сил хрюнул истово: «Иисусом Христом нашим... сыном божиим... материю его, пречистой девой Марии... не красти!» Наконец затих и он. В образовавшейся паузе словно из Мамонтовой пещеры густо прогудел голос Лавра Федотовича:

— Затруднение? Товарищ Фарфуркис, устраните.

Фарфуркис поправил галстук и произнес речь, из которой следовало, что подобные случаи предусмотрены инструкцией, а именно двенадцатым параграфом пятой главы четвертой ее части, где говорится черным по белому, что в случае изменения внешнего вида или даже внутренней структуры необъясенного явления надлежит составить акт по форме номер сто десять дробь два. Он продемонстрировал Лавру Федотовичу форму и с его согласия принял было составлять акт, но тут обнаружилось, что при составлении акта исходным материалом должны служить: а) необъясnenное явление в его настоящем виде и б) цветная его фотография (кинолента) в первоначальном виде. Поскольку запущенный комендант пребывал в полуобморочном состоянии, Фарфуркис сам полез в дело за фотографией (кинолентой) и немедленно обнаружил, что фотографии (киноленты) в деле нет.

— Где фотография? — страшным голосом спросил он, таким страшным, что комендант очнулся.— Где две цветные фотографии дела номер шестьдесят четыре размером девять на двенадцать?

Комендант слабо шевелил губами.

— Да ведь он преступник, — сказал Фарфуркис безмерно удивленным тоном.

— Нет, — сказал комендант.

— Халатный саботажник! — сказал Фарфуркис, глядя на него с отвращением.

— Нет! — простонал комендант.— Иисусом Христом... двенадцатью святыми апостолами...

— Гнойный прыш на лице местной администрации! — сказал Фарфуркис.

— Да нет же! — заорал комендант.— Я-то здесь при чем? Это Найсморк! Он, а не я. Он же отказался!

— То есть как отказался?

— Я ему говорю: фотографируй. А он не желает! Фотографируй, говорю. Нет, не фотографирует!.. Он же мне не подчиняется, он вам подчиняется!.. У меня и допуска нет...

— Найсморка ко мне! — глухо прогудел Лавр Федотович, и комендант кинулся вон из комнаты.

— Не нравится мне этот Зубо, — сейчас же сказал Фарфуркис.— Скользкая какая-то личность.

— Свиней откармливает, — живо сообщил профессор Выбегалло.

— Это нам известно, — сказал Фарфуркис.

— Дочка его... эта... развелась.

— Тоже известно.

— Брагу варит...

— Варит, — признал Фарфуркис.— И торгует.

— Иконы у него в доме, — сказал Выбегалло.— Староверские. И библию он читает и конспектирует.

— Да, — сказал Фарфуркис.— Это интересно.

— Нузан савон келькешоз оси¹, — самодовольно произнес Выбегалло.

Тут Хлебовводов, который давно уже сидел с отрешенным лицом, уставясь на банку с посиневшим делом, вдруг поднялся, приблизился к демонстрационному столу и обошел его кругом. «Погиб комендант!», — подумал я. И точно: Хлебовводов взял банку в руки и взвесил ее на ладони.

— А ведь не будет здесь пуда, — сказал он.— Здесь, ежели хотите знать, и полпуда нет. То-то же я смотрю, что в описании сказано — десять литров, а банка мне хорошо знакомая, пятилитровая. Знаю я такие банки, всегда из них закусываю... А вот тут и этикетка есть... «Огурцы соленые... Емкость пять литров». Чувствую, на что я намекаю? Чувствуете?

Лавр Федотович содрал с лица противогаз и нацепился биноклем на банку. Выбегалло даже пасть разинул от любопытства. Фарфуркис с остервенением листал свою книжку, а я соображал, что теперь будет с комендантом: просто ли перевод с понижением или приклеят ему уголовщину. Жалко мне было коменданта. Симпатичный он был человек, хоть и дурак.

— И ведь еще ничего не известно, — сказал Хлебовводов, сосредоточенно нюхая дело.— Он, может быть, отлил, а потом водой разбавил... и вообще это, может быть, вода. Набросал туда синьки для крепости и думает, что дело в шляпе...

Дверь распахнулась, и в комнату, нагнув голову, ввалился, держа руки в карманах, длинный и тощий

¹ Мне пришло все это предусмотреть.

¹ Это хлопотно, но это к лучшему.

Найсморк. Прямо с порога он затянул, глядя в нижний дальний угол комнаты: «Ну что еще... Опять придираетесь... Чего еще я вам не угодил...» Однако на него не обратили внимания. Все взгляды зловеще устремились на бледного коменданта, который выглядел из-за спины Найсморка и тоже прямо с порога заныл: «Вот он пускай и отвечает, а я что... у меня и допуска нет...»

— Товарищ Зубо,— ровным голосом провозгласил Лавр Федотович, и все замерли.— Надлежит вам представить недостающие пять литров дела. Срок — четыре минуты.

Я подскочил к коменданту, подхватил его под мышки и выволок в приемную, где уложил на модных очертаний деревянную скамью посетителей. Комендант был белее мрамора, глаза закачены, пульс не прощупывался. Я подложил ему под голову свою куртку, расстегнул ему воротник косоворотки и похлопал по щекам, дуя в лицо. Это не произвело на несчастного никакого впечатления, однако ясно было, что он не умирает, и, оставив его лежать, я заглянул в комнату заседаний. Мне было очень интересно, как выкрутится Найсморк.

А Найсморк выкручивался с блеском. Он загнал Хлебовводова и Фарфуркиса в угол, навис над ними двумя своими баскетбольными метрами и десятью сантиметрами и орал, как с трибуны:

— Я параграф двенадцатый знаю получше вашего! Я на нем крокодила съел, собакой закусил! Там сказано — анфас! По-русски понимаете? Ан-фас! Покажите мне, где у этого киселя анфас, и я его целый день снимать буду! Где у него анфас? Где? Ну где? Ну чего же молчите? Я самого господина... того самого... снимал! Я самого этого... как его... ну, в шляпе еще все ходил! Я параграф двенадцатый наизусты!.. А если фаса нет? У господина того самого фас был нормальный! У этого... как его... фас был будь здоров, в три дня не обгадишь! А у этого где?..

Хлебовводов и Фарфуркис уже не помышляли о нападении. Бегая глазами по сторонам, они только молча рвались из угла, толкаясь и топоча, как взволнованные лошади в загоне. Полковник от крика опять проснулся, и ему, видимо, спросонья тоже пришли в голову какие-то лошадиные аналогии — он ерзал в кресле и, жужа губами, пронзительно вскрикивал: «Взнуздывай! Взнуздывай!» Лавр Федотович, удобно развалившись в кресле, разглядывал все это в бинокль.

Я вернулся к коменданту и дал ему понюхать воды из графина для посетителей. Комендант тут же очнулся, но предпочел впредь до выяснения притворяться бесчувственным.

— Товарищ Зубо,— сказал я ему на ухо.— Ваше дело полуобморочное, лежите тут себе, а минут через пять — десять приходите и твердите одно: ничего, мол, не знаю, ничего не делал. А я все постараюсь устроить. Договорились?

Комендант слабо вздохнул в знак согласия. Он даже хотел что-то сказать, но тут дверь с треском распахнулась, и он снова притворился мертвым. Впрочем, это был всего лишь Найсморк. Он с наслаждением ахнул дверью, так что за обоями что-то посыпалось, и сообщил:

— Меня охрана топтала, когда я этого снимал... как его... и то ничего! Не на таковского напали! Где фас? Нет фаса! А нет фаса — нет фото! Будет фас — будет фото. Инструкция! — Он пренебрежительно поглядел на распростертого коменданта и сказал: — Слабак! Курица! Я таких пачками снимал. Закурить есть?

Я дал ему закурить, и он удалился, грохая всеми дверями. Я тоже закурил и вернулся в комнату заседаний. Полковник уже снова дремал. Фарфуркис, отдуваясь, листал записную книжку, а Хлебовводов что-то шептал на ухо Лавру Федотовичу. Завидя меня, он перестал шептать и спросил боязливо:

— Этот... фотограф... ушел?

— Да,— сказал я сухо.

— А комендант где? — грозно спросил Хлебовводов.

— У него печеночная колика,— сухо сказал я.

— Госпитализирован? — быстро спросил Фарфуркис.

— Нет,— сказал я.

— Тогда пусть войдет, пусть ответит! Это подсудное дело!

Я набрал в легкие побольше воздуха и начал:

— Мне непонятно, товарищи, что здесь происходит. Мне непонятно, где я нахожусь. Это авторитетная комиссия или это я не знаю что? Мы присутствуем при интересном научном явлении, которое развивается по имманентным ему законам, представляющим огромный научный интерес. Я вам удивляюсь, товарищ Выбегалло, на вашем месте я бы давно потребовал констатировать в протоколе, что здесь обнаружена не-

сомненная корреляция между калориметрическими и контракционными характеристиками объекта. Как мы должны это понимать? — сказал я, обращаясь к Эдик.

— Мы должны понимать это так, — немедленно подхватил Эдик, — что резкое изменение объема и массы объекта, так называемая контракция, привело к изменению цвета, а возможно, и химического состава...

— Я прошу товарищей вдуматься в этот факт! — сказал я. — Особенно вот вас, товарищ Выбегалло. Мы обнаруживаем изменение цвета, не имея в своем распоряжении ни калориметра, ни спектрометра, ни... э-э...

— Ни даже простейшего термобарогелиоптера, — восторженно сказал Эдик. — Такого еще не бывало! Удивительный эффект, наблюдаемый простым глазом! А если учесть, что эффект этот обнаруживается при комнатной температуре и при нормальному атмосферном давлении, то можно смело утверждать, что мы имеем дело с необыкновенным явлением феноменальной ценности. Я должен подчеркнуть, что многие аспекты проблемы остались еще абсолютно не исследованными. Было бы чрезвычайно интересно изучить влияние контракции на вкусовые и магические свойства данной субстанции. Науке известны случаи, когда под влиянием контракции магодетерминант Иерусалимского менял знак на противоположный. Так, например, Роже де Понтреваль установил...

Пока Эдик, постепенно все более увлекаясь, излагал суть работ Роже де Понтреваля, я старался определить настроение присутствующих. Реакция Тройки казалась мне благоприятной: Лавр Федотович за бинокль не брался, Фарфуркис книжечку не листал, Хлебовводов слушал, отвесив чепость, а полковник спал. Опасения мог всплыть один лишь Выбегалло, который, по-видимому, все еще прикидывал, какие выгоды можно извлечь из создавшейся ситуации. Ему надо было помочь, и, как только Эдик замолчал, я двинул в бой гвардии.

— Между прочим, мне еще неясно, — сказал я, — должны ли мы рассматривать происшедшую здесь безобразную сцену как недоразумение, происходящее из легкомыслия отдельных членов Тройки, или, может быть, как сознательную попытку отдельных членов Тройки замазать новооткрытый эффект и скрыть его от научной общественности. Такие случаи бывали, — закончил я гробовым голосом, сел, выхватил из кармана блокнот и изобразил несколько сверхчеловеческих профилей.

Было слышно, как на столе перед председателем умывается муха.

— Гррр,— сказал Лавр Федотович.— Какие вопросы к докладчику?.. Нет вопросов? Какие предложения?

Было видно, что Выбегалло понял, с какой стороны масло на данном бутерброде. Однако он не торопился. Он встал, разгладил бороду, уперся растопыренными пальцами в тома «Малой Энциклопедии» и некоторое время смотрел поверх голов.

— Эта... — начал он. — Я уже тут неоднократно говорил, не знаю, в протокол меня занесли или нет, шумно было очень, говорил я уже, значит, что эффект калориметрической контракции до сих пор не обнаруживался, а мы его тут... эта... обнаружили и свалили, значит, на коменданта, на ле пур Зубо... Не все, конечно, свалили, а некоторые отдельные... эта... далекие от науки. Я уже тут говорил, что рано, товарищи, дело номер шестьдесят четвертое рационализировать, а тем более, уласи бог, утилизировать. Дело, конечно, надо отложить, и отложить его надо на срок, который потребуется, а вот чего отложить нельзя, товарищи, чего мы с вами не имеем никакого права откладывать, так это вопроса о приорите. Дан потрпозион на определенные девятери. И в данном случае наша девятери состоит в том, чтобы эффект назвать и... эта... сохранить для истории. А потому я категорически предлагаю ходатайствовать перед компетентными органами о присвоении этому эффекту имени товарища Вунюкова. Се ту се же ви ди.

Дальше все пошло как по маслу. Появился комендант, который, несомненно, подслушивал под дверью. Встретили его благосклонно, он твердил, что ничего не знает, что это дело научное, а у него только едва восемь классов за душой, а его уверяли, что все выяснилось, что нельзя же так, работа есть работа, бывают срывы, бывают отдельные ошибки. Фарфуркис пожал ему руку в знак извинения, Хлебовводов назвал братком, а Лавр Федотович даже пошутил: «Была вам здесь сегодня баня, товарищ Зубо, так что посетите-ка вас сегодня баню!» Когда все отсмеялись, Лавр Федотович снова посировал и произнес:

— Повестка заседания исчерпана. Я констатирую, что данное заседание, как и все предыдущие, происходило в деловой и рабочей атмосфере. Другие предложения будут? Нет? Тогда объявляю дневное заседание Тройки закрытым и предлагаю перейти к отдыху и обеду.

Он погрузил в портфель свои председательские принадлежности, поднялся из-за стола и степенно двинулся к выходу. Хлебовводов и Выбегалло, сбив с ног зазевавшегося Фарфуркиса, кинулись, отпихивая друг друга, открывать ему дверь.

— Бифштекс — это мясо, — благосклонно сообщил им Лавр Федотович.

— С кровью! — преданно закричал Хлебовводов.

— Ну зачем же с кровью? — донесся голос Лавра Федотовича уже из приемной.

Мы с Эдиком распахнули все окна. С лестницы доносилось: «Нет уж позвольте, Лавр Федотович... Бифштекс без крови, Лавр Федотович, это хуже чем выпить и не закусить...» — «Наука полагает, что... эта... с лучком, значить...» — «Народ любит хорошее мясо... например, бифштексы...»

— В гроб они меня вгонят, — озабоченно сказал комендант.— Погибель они моя, мор, глад и семья казней египетских...

— Товарищ Зубо, — сказал я сурово. — Извольте объяснить, что же произошло на самом деле. Почему он в этой банке?

— Ничего не знаю, ничего не делал, это эффект научный, — забарабанил комендант. Я прервал его.

— Товарищ Зубо, вы это прекратите. Ведь Корнеев из вас душу вытянет за эти штуки. Вы знаете Корнеева.

Комендант знал Корнеева. Он снова наладился было в обморок, но тут в комнату вернулся Фарфуркис. Тройка, как всегда, забыла за столом полковника. Фарфуркис разбудил его и увел, приговаривая: «Неужели трудно было проснуться вовремя? Старая вы песочница, в самом деле... Удивительно даже!»

— Ну? — сказал я, когда они удалились.

— Вы расскажите нам, пожалуйста, товарищ Зубо, — попросил вежливый Эдик. — Может быть, делу удастся помочь...

Комендант поклонился.

— Нет, — сказал он. — Никак этому делу уже не поможет. Кто разбил — не знаю, а только прихожу я сегодня утром готовить его к демонстрации, а горшок евонный глиняный... ну, в котором он прилетел... лопнул, половина вытекла, лужа на полу, и дальше вытекает. Ну что мне было делать? Эх, думаю, семя бед — один ответ, перепил я, что осталось, в эту банку — сорву, думаю, что-нибудь, а может, и вовсе не заметят... Но это еще что! — В глазах его мелькнул пережитый ужас. — Бурый ведь он был, ребята, переваливал его, видел... А тут выхуха за банкой — мать моя мамочка, синий!.. Не-ет, вгонят они меня в гроб, сегодня бы уже и вгоняли, если бы не вы, ребята, благодетели мои...

Мы с Эдиком переглянулись.

— М-м? — спросил я.

— Ну что ты, — неуверенно сказал Эдик. — Не может быть... Вряд ли... Сомнительно что-то... Хотя... Когда мы спускались по лестнице, он сказал:

— Вся беда в том, что это Витька. Никогда нельзя угадать, на что он не способен...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вечернее заседание не состоялось. Официально нам было объявлено, что Лавр Федотович, а также товарищи Хлебовводов и Выбегалло отправились за обедом грибами и врач рекомендовал им всем до утра полежать. Однако дотошный комендант не поверил официальной версии. Он при нас позвонил в гостиничный ресторанный и переговорил со своим кумом, метрдотелем. И что же? Выяснилось: за обедом Лавр Федотович, выступая против товарища Хлебовводова в практической дискуссии относительно сравнительных преимуществ прожаренного бифштекса перед бифштексом с кровью, стремясь выяснить на деле, какое из этих состояний бифштекса наиболее любимо народом и, следовательно, перспективно, скучали под коньчиком и под пльзенское бархатное по четыре экспериментальные порции из фонда шеф-повара. Теперь им совсем плохо, лежат пластом и до утра, во всяком случае, на людях появиться не смогут.

Комендант ликовал, как школьник, у которого внезапно и тяжело заболел любимый учитель. Я тоже. Один только Эдик остался недоволен. Он как раз намеревался на вечернем заседании учинить очередной сеанс позитивной ремонтизации всей компании.

Мы купили по стаканчику мороженого, попрощались с комендантом и пошли к себе в гостиницу. По дороге на меня напал из-за угла старишка Эдельвейс. Я дал ему рубль, но это не произвело на него обычного действия. Я отдал ему свое мороженое, но он не отставал. Материальные блага его больше не интересовали. Он жаждал благ духовных. Он требовал, чтобы я включился в качестве руководителя в работу по усовершенствованию и модернизации его звукового агрегата и для начала составил бы развернутый план этой работы, рассчитанной на три года (пока он будет учиться в аспирантуре). Через пять минут беседы свет стал мраком перед моими глазами, горькие слова готовы были вырваться, и страшные намерения близились к осуществлению. Старику спас Эдик. «Такого рода работу,—

вежливо, но твердо сказал он,— следовало бы начать с тщательного изучения литературы. Приходилось ли вам читать «Азбуку радиотехники Кина?» Старику вообще не приходилось читать, и скрывать этого он не стал. «Прекрасно,— сказал я, возвращаясь к жизни. Немедленно запишитесь в библиотеку, возьмите там «Азбuku», геометрию Киселева и что-нибудь по алгебре для восьмого класса. Прочтите и законспектируйте. До конца этой работы извольте меня не беспокоить!». Стариашка спросил меня, что такое алгебра, и удалился, увлекаемый агрегатом, которому, видимо, надоело стоять спокойно.

Поднявшись в свой номер, мы обнаружили там следующее. Витька Корнеев, очень довольный, валялся в ботинках на моей койке и разглагольствовал о свободе воли. Роман, голый по пояс, сидел у окна, и Федя осторожно облизывал ему алу распухшую спину какой-то желтой дрянью, распространяющейся алтекарский запах. Клоп Говорун взобрался на стену и, зажав нос, с неодобрением на них поглядывал, ожидая случая вставить словечко-другое.

— А, работяги! — вскричал при виде нас Витька, дыгнув ногами.— Прозаседавшиеся! Как здоровье многоуважаемого товарища Вунюкова? Как утилизировали дело номер шестьдесят четыре? Распили на четверых или вылили на помойку?

— Значит, это все-таки ты натворил? — сказал Эдик.

— Хватать и тикать,— ответил Витька.— Сто раз я вам говорил.

— Убирайся с моей койки,— потребовал я.

— Я вам тысячу раз говорил, о столопам,— сказал Витька, перебираясь с моей койки на свою.— Нельзя ждать милостей от природы и бюрократии. Я, например, никогда не жду. Я выбираю подходящий момент, хватаю и рву когти. Но я знаю, что все вы чистоплюи и моралисты. Без меня вы бы здесь сгнили. Но я есть! И я сегодня все устрою. Эдельвейса я утоплю в канализации. Чего тебе еще нужно, Сашка? Черный Ящик тебе? Будет тебе Черный Ящик, я знаю, где он у них стоит... Теперь Амперян. Чего тебе нужно, Амперян? А, Клопа тебе? Давай сюда тару какую-нибудь...

Он схватил Говоруна за ногу и стащил со стены, но тот заорал таким ужасным голосом, что из соседнего номера к нам постучали и в грубых выражениях предложили прекратить безобразие. Витька отпустил Клопа, и Говорун, оскорблённо отодвинувшись, принял массировать потревоженную ногу.

Витька понизил голос и начал рассказывать, как он нынче ночью проник по водопроводной трубе в павильон, где томился в своем керамическом снаряде жидкий пришелец; как он долго не мог вскрыть контейнер, как он, наконец, несмотря на кромешную тьму, расколол его взглядом над бидоном, позаимствованным в кладовке у коменданта («у него там целое сырное производство, у кулака, даже сепаратор есть...»), как потом долго искал, чтобы бы этакое наливать в опустевший контейнер, пока не обнаружил в подвале ведро с какой-то бурдой... В Институт он трансгрессировался в два часа ночи, работал до обеда, как зверь, получил огромное удовольствие и кое-какие довольно пока скромные результаты, и вот он снова здесь, юный и свежий, как д'Артаньян, чья шпага всегда готова к услугам друзей. Пришелец шлет всем приветы, уверяет, что только в Витькиной лаборатории почувствовал себя на Земле как дома, а бидон он, Витька, честно приволок обратно, потому что он, Витька, учёный, а не какой-нибудь паршивый домашник и теперь намерен вскорости вернуть бидон владельцу, так что если кому-нибудь нужно что-нибудь хранить на территории Колонии, то ради бога не стесняйтесь, он, Витька, готов.

Роман отнесся к этому рассказу, в общем, сочувственно, хотя слушал его уже второй раз и этот второй, по его словам, ничем не отличался от первого: то же хвастовство и те же непомерные притязания на честность. Я не без восхищения обозревал Витьку шлангом и уголовником. Эдик же явно расстроился и сказал, что это нечестно, что это свинство, что коменданта сегодня из-за Витьки чуть не довели до разрыва сердца, что это не метод, что Витька донгается, что порядочные люди так не поступают и так далее.

Витька неприятно ухмыльнулся и спросил, а как же поступают порядочные люди. Он, Витька, очень интересуется узнать, что в такой ситуации обычно делают порядочные люди. Он, Витька, уже полмесяца ждет каких-нибудь порядочных результатов от действий порядочных людей. Может быть, порядочные люди все-таки снизойдут и просят его, темного уголовного Витьку, как надлежит им, порядочным людям, поступать. Может быть, они даже поступят как-нибудь?

Эдик ответил, что да, порядочным человеком быть гораздо труднее, чем темным и уголовным. Действия порядочных людей всегда направлены на улучшение окружающего мира. Порядочные люди не могут испы-

тывать удовлетворения, если им удалось достигнуть пусть даже самой благородной цели неблагородными средствами. Тем и труднее положение порядочного человека в сравнении с положением темного и уголовного, но порядочный человек вынужден тщательно и придирчиво отбирать средства для достижения целей в каждом частном конкретном случае.

Витька ответил, что, по его наблюдениям, так называемые порядочные люди были всегда чрезвычайно сильны в теории. Но его, Витьку, сейчас меньше всего интересует теория, его интересует практическая деятельность порядочных людей. Уж не призывают ли его, Витьку, рассматривать в качестве образца такой деятельности жалкий благотворительный спектакль, разыгранный товарищем Амперяном на вчерашнем вечернем заседании? («Если уж взялся, так и довел бы до конца, чистоплюй; прикончили бы насильственно облагороженные стервятники насильственно облагороженного дурака Эдельвейса — было бы дело, а то один пшик и розовые сопли...»)

Эдик, сильно покраснев, заявил, что Корнеев решительно ничего не смыслит в методике позитивной реморализации, а потому его, Эдика, никак не задевает этот плоский, безграмотный вывод. Он, Эдик, и в дальнейшем намерен продолжать попытки довести Тройку до верхнечеловеческого уровня, и хотя он, Эдик, отнюдь не гарантирует стопроцентной удачи, он, Эдик, не видит пока другого пути существенного улучшения данного участка мира. Он, Эдик, предвидит, однако, что дальнейшая дискуссия в таком тоне должна неизбежно вырваться в вульгарное препирательство, на которое Корнеев мастер, и поэтому он, Эдик, просит высказаться по существу дела как призывающего здесь Александра Привалова, известного своей добротой и объективностью, так и присутствующего здесь Романа Ойру-Ойру, старшего из магистров.

Известный своей добротой и объективностью Александр Привалов в моем лице честно и прямо заявил, что вся эта проблема представляется ему надуманной, если, конечно, не считать небезинтересной идеи относительно Эдельвейса и канализации. Он, добрый и объективный Привалов, ждет только субботы, когда Тройка будет рассматривать дело номер девяносто семь, надеется это дело выиграть и покинуть Китежград навсегда, унося в клове Черный Ящик. А пока он намерен всеми разумными средствами выражать свою горячую заинтересованность деятельностью Тройки и присутствовать на всех без исключения заседаниях, дабы не упустить и тени шанса.

Старший из магистров к моменту своего выступления закончил хюлю ногтей, густо напудрил воспаленные от бритвы щеки и, развесив на трельяже все свои восемнадцать галстуков из тринацати различных стран мира, решал задачу на оптимум. Он начал свое заявление с того, что все здесь правы, каждый по-своему, и что, следовательно, все здесь не правы. Он, старший из магистров, всячески приветствует благородное намерение Э. Амперяна разоблачить членов Тройки в их собственных глазах и показать им, какими они могли бы быть. Он, Роман, всегда считал, что позитивная реморализация есть высшая форма воздействия человека на человека, но он же, Роман, считает необходимым напомнить, что далеко не всегда высшая форма воздействия является наиболее эффективной. Он, Роман, всячески приветствует положительный фатализм А. Привалова, его, А. Привалова, нерушимую надежду на счастливый случай, ибо что бы там ни говорили, а счастливый случай есть необходимая компонента всех начинаний. Но он же, Роман, напоминает, что в нашем реальном мире вероятность счастливого случая всегда была и остается значительно меньше вероятности любого другого. Наконец, действия В. Корнеева вызывают в нем, Романе, чувство невольного восхищения, каковое чувство, впрочем, в значительной степени омрачается сознанием того, что указанные действия определенно лежат по ту сторону морали. Нет, он, старший из магистров, не знает общего решения поднятой здесь проблемы. Ему кажется совершенно естественным, что каждый из присутствующих ищет такое решение в соответствии со своей духовной конституцией. Например, он, Роман, глядит сейчас в это вот зеркало и видит в нем смуглую худощавое лицо, сверкающие жгучие черные глаза и чрезвычайно редкий в этих широтах, а потому дефицитный горбатый гасконский нос. Между тем у товарища Голого, администратора в высшей степени авторитетного и состоящего в приватном знакомстве с небезызвестным товарищем Вунюковым, имеется среди прочих детей любимая дочь на выданье по имени Ирина. Назвав имя, он, Роман, полагает, что сказал уже более чем достаточно и имеет только добавить, что товарищ Голый, насколько известно, никогда и ни в чем не отказывает товарищу Ирине, что товарищ Вунюков, по имеющимся сведениям, с большой охотой выполняет практически все просьбы товарища Голого и что задача таким образом сводится лишь к созданию ситуации, когда товарищ Ирина вознамерится выполнять все существенные просьбы товарища Романа, старшего из магистров. Пока в своем активе он, Роман, числится: три бессонных ночи, заполненных чтением наизусть поэта Гумилева; два кошмарных вечера, проведенных у товарища Голого в беседах

о хорканье вальдшнепов и чуфыканье тетеревов; ежедневное мучительное бритье опасной бритвой; сожженную нынче днем на пляже спину и хроническую боль в ценных мускулах — следствие постоянной мужественной улыбки.

— Победа будет за мной,— заключил Роман, натягивая пиджак.— И тогда я вас не забуду, мои дорогие фаталисты, моралисты и уголовники!

Он сделал ручкой, построил на лице мужественную улыбку и вышел, посыпывая Клоп, потеряв надежду самовыразиться, с независимым видом выскользнул за ним. Только сейчас я заметил, что Федя в комнате тоже нет. Федя был очень чуток к напряженности в отношениях и, вероятно, счел за благо удалиться, когда Витька начал орать на Эдика.

— Может, хватит трепаться? — сказал я утомленно.— Может, лучше пойдем прогуляемся?

— Я знаю только одно,— не обратив на меня внимания, сказал Эдик.— Все, что ты говорил здесь, Виктор, ты никогда не осмелишься повторить ни Жиану Жиакому, ни Федору Симеоновичу. И уж, во всяком случае, ты никогда не расскажешь им, как тебе досталася прищепка.

Это был удар большой жестокости и силы. Я даже поразился, как вежливый Эдик позволил себе это. Жиан Жиакому и Федор Симеонович, учителя Витьки, принадлежали к предельно узкому кругу людей, которых Витька уважал, любил и вообще принимал во внимание.

Грубый Корнеев, только что нахально скаливш зубы в лицо Эдiku, почернел, как удавленник. Он искал слов, грубых, оскорбительных слов, и не находил их. Тогда он стал искать грубые жесты. Он вскочил и пробежался по потолку. Потом он превратился в камень, полежал так, раздумывая, и, отыскав жест, вернулся себе прежний вид. Он извлек из-под кровати комендантский бидон, аккуратно поставил его посередине комнаты, отошел в угол, разбежался, пнул бидон ногой с такой силой, что бидон исчез; потом он оглядел нас желтыми глазами, крикнул: «Ну и пропадайтесь тут, вегетарианцы!» — и исчез сам.

Несколько минут мы с Эдиком сидели молча. Говорить было не о чем. Затем Эдик тихонько сказал:

— Я хотел бы осмотреть Колонию, Саша. Ты меня не проводишь?

— Пойдем,— сказал я.— Только я не буду бродить с тобой, ты сам все осмотришь. А то я обещал Спиридону кое-что почитать.

Эдик не возражал. Я взял папку с японскими материалами, мы вышли в коридор. По коридору, заложив руки за спину, прогуливаясь Клоп Говорун, задумчиво прислушиваясь к каким-то своим ощущениям. Я сообщил ему, что иду к Спиридону.

— Да-да,— рассеянно отозвался он.— Обязательно.

— Так пошли? — сказал я.

— Я занят! — раздраженно сказал Клоп.— Разве вы не видите, что я занят? Идите к своему Спиридону, я потом к вам присоединюсь... Некоторые люди,— сказал он Эдiku с любезной улыбкой,— бывают чрезвычайно бестактны.

Эдик вспомнил, видимо, замечание, которое он сделал Витьке, и совсем расстроился. До Колонии мышли молча и около павильона, в котором жил Спиридон, расстались. Эдик сказал, что он посмотрит, как тут и что, и вернется сюда.

Под резиденцию Спиридону отвели бывший зимний бассейн. В низком помещении ярко светили лампы, гулко плескала вода. Залах здесь стоял ошеломляющий — холодный, резкий, от которого съеживалась кожа, а в мозгу возникали неприятные ассоциации: вспоминалась приспособления, пыточные камеры и костяная нога нашей Бабы Яги. Но тут уж ничего нельзя было поделать. Нужно было преодолеть первый спазм и ждать, пока принохаешься. Я сел на край бассейна, спустил ноги и положил папку рядом с собой. Спиридон на видно не было — вода волновалась, по ней прыгали световые блики, крутились маслянистые пятна.

— Спиридон,— позвал я и постучал каблуком в стенку бассейна.

Вот это больше всего раздражало меня в Спиридоне: наверняка ведь видит, что пришли к нему в гости, папку ему принесли, которую он просил, и не выбегало какой-нибудь пришел, а старый приятель, который все эти штуки наизусть знает, — и все-таки нет! Обязательно надо ему лишний раз показать, какой он могущественный, какой он непостижимый и как легко он может спрятаться в прозрачной воде.

Оказался он, конечно, прямо у меня под ногами. Я увидел его подмигивающий глаз величиной с тарелку.

— Ну хорошо, хорошо,— сказал я.— Красавец. Ни-чего не вижу, только глаз вижу. Очень эффектно, как в цирке.

Тогда Спиридон всплыл. То есть не то чтобы он всплыл, он, собственно, не погружался, он все время

был у поверхности, просто теперь он позволил себе быть увиденным. Плоские дряблые веки его распахнулись мгновенно, словно судно-ловушка откинуло фальшивые щиты, огромные круглые глаза, темные и глубокие, уставились на меня с нечестивым юмором, и слабый хрипловатый голос произнес:

— Как ты сегодня меня находишь?
— Очень, очень,— сказал я.
— Гроза морей?
— Корсар! Смерть кашалотам!
— Олиши меня,— потребовал Спиридон.

— Пожалуйста,— сказал я.— Но я не Альфред Теннисон, я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи. Ты сейчас похож на кучу грязного белья, которую бросили отмокать перед стиркой.

Спиридон одним длинным неуловимым движением как бы перелился на середину бассейна. Перепонка, скрывающая основания рук его, стала бесстыдно выворачиваться наизнанку, обнажила иссиня-бледную поверхность, густо усеянную сморщенными бородавками, из самых недр организма высунулся в венце мясистых шевелящихся выростов и раскрылся, дразнясь, огромный черный клов. Послышился пронзительный скрежет: Спиридон хохотал.

— Завидуешь,— сказал он.— Вижу, что завидуешь. Ох, и завистливы же вы все, сухопутные! И напрасно. У вас есть свои преимущества. Гулять сегодня пойдем?

— Не знаю,— сказал я.— Как все. Я вот папку принес. Помнишь, ты просил?

— Помню, помню,— сказал Спиридон.— Как же...

Он разлегся на воде, распустив веером чудовищные щупальца, и принял мерцать и переливаться перламутром. У меня зарябило в глазах, и потянуло в сон. Представилось, что сижу я с удою ясным утром, солнечко греет, блики бегают по теплой воде, и сладко так тянет все тело. Спиридон пустил мне в лицо струю холодной воды, и я опомнился.

— Тыфу,— сказал я.— Грязью своей... Тыфу!

— Почему же — грязью?— удивился Спиридон.— Чистая вода, в нечистой я бы умер.

— Чертова с два ты бы умер,— вздохнул я.— Знаю я тебя.

— Бессмертен, а?— самодовольно сказал Спиридон.

— Что-то вроде этого,— согласился я.— Ну-ка, перестань мерцать. Ты на меня сон нагоняешь. Ты что, нарочно?

— Я не нарочно, но я могу перестать.— Он вдруг снова оказался у самых моих ног.— А где наш говорливый дурак?— спросил он.— И где твой волосатый приятель?

— Он не только мой приятель,— возразил я.— Он и твой приятель. Что у тебя за манера — оскорблять друзей?

— Друзей?— сказал Спиридон.— У меня нет друзей. Я не знаю, что это такое.

— А как насчет Генерального содружества?— спросил я.— Чей же ты тогда Полномочный посол?

Спиридон холодно взглянул на меня.

— Ты имеешь какое-нибудь представление о дипломатии?— осведомился он.— Может не отвечать. Вижу, что очень смутное. Дипломатия есть искусство определять новые явления старыми терминами. В данном случае совершенно новое для вас, людей, явление — мою искреннюю и нерушимую дружбу меня сегодняшнего со мной завтрашним — я определяю старым термином «Генеральное содружество».

— Ага,— сказал я.— Значит, Генеральное содружество — это вранье.

— Ни в коем случае,— возразил Спиридон.— Это, повторяю, содружество меня со мной.

— Вот я и говорю: вранье,— повторил я.— Кроме самого себя, ты ни с кем не можешь находиться в содружестве, даже со мной.

— Гигантские древние головоногие,— наставительно сказал Спиридон,— всегда одиноки. И всегда рады этому обстоятельству.

— Понятно. А кто же тогда тебе мы — Федя, Говорун, я?

— Вы? Собеседники. Развлекатели...— Он подумал немного и добавил:— Пища.

— Скотина ты,— сказал я, обидевшись.— Грязные ты подштаниники.— Это звучало несколько по-хлебоводовски, но я очень рассердился.— Ну и отмокай здесь в своем гордом одиночестве, а я пойду.

Я сделал вид, что собираюсь встать, но он ловко вцепился крючьями присосков мне в штаны.

— Подожди, подожди,— сказал он.— Надо же, обиделся! До чего же вы все, сухопутные, правды не любите... Все что угодно вам можно говорить, кроме правды. Вот мы, Гигантские древние головоногие, всегда говорим только правду. Мы мудры, но бесхитростны. Когда я готовлюсь напасть на кашалота, я предельно бесхитростен. Я не говорю ему: «Позволь мне обнять тебя, мой

друг, мы так давно не виделись!» Я приближаюсь к нему с совершенно отчетливо выраженным намерением... И ты знаешь,— сказал он, словно эта мысль впервые его осенила,— кашалоты этого тоже не любят! Удивительно нерационально построен мир. Жизнь возможна только в том случае, если реальность воспринимается как она есть, если черное называют черным, а белое — белым. Но до чего же вы все не любите называть черное черным! А я вот не понимаю, как можно обижаться на правду. Впрочем, я вообще не понимаю, как можно обижаться. Когда я слышу неправду, когда Клоп называет меня трясиной, а ты называешь меня грязными кальсонами, я только хочу. Это неправда, и это очень смешно. А когда я слышу правду, я испытываю чувство благодарности — насколько Гигантские древние головоногие вообще способны испытывать чувство это, ибо только знание правды позволяет мне существовать.

— Ну хорошо,— сказал я.— А если я назвал тебя сверкающим брильянтом, жемчужиной морей?

— Я бы тебя не понял,— сказал Спиридон.— И я бы решил, что ты сам себя не понимаешь.

— А если бы я называл тебя владыкой мира?

— Я бы сказал, что передо мною разумное существо, которое привыкло говорить владыкам правду в глаза.

— Но ведь это же неправда. Никакой ты не владыка миры.

— Значит, ты менее умен, чем кажешься.

— Еще один претендент на мировое господство,— сказал я.

— Почему еще?— забеспокоился Спиридон.— Есть и другие?

— Злобных дураков всегда хватало,— сказал я с горечью.

— Это верно,— проговорил Спиридон задумчиво.— Взять хотя бы одного моего старинного личного врача — кашалота. Он был альбинос, и это уродство сильно повлияло на его умственные способности. Сначала он объявил себя владыкой всех кашалотов. Это было их внутреннее дело, меня это не касалось. Но затем он объявил себя владыкой морей, и пошли слухи, будто он намерен провозгласить себя господином вселенной. Кстати, твои соотечественники — я имею в виду людей — этому поверили и даже признали его олицетворением зла. По океану начали ходить отвратительные сплетни, некоторые варварские племена, предчувствуя хаос, отваживались на дерзкие налеты, кашалоты стали вести себя вызывающими, и я понял, что надобно вмешаться. Я вызвал альбиноса на диспут.— Спрут замолчал, глаза его полузакрылись.— У него были на редкость мощные челюсти,— сказал он наконец.— Но зато мясо было нежное, сладкое и не требовало никаких приправ... Гм, да.

— Диспуты!— вскричал вдруг Панург, ударяя колпаком с бубенчиками об пол.— Что может быть благороднее диспутов? Свобода мнений! Свобода слова! Свобода самовыражения! Но что касается Архимеда, то история, как всегда, стыдливо и бесстыдно умолчала об одной маленькой детали. Когда Архимед, открывши свой закон, голый и мокрый, бежал по людной улице с криком «Эврика!», все жители Сиракуз хлопали в ладоши и безмерно радовались новому достижению отечественной науки, о котором они еще ничего не знали, а узнав — все равно не смогли понять. И только один дерзкий мальчик показал на пробегавшего гения пальцем и, заливаясь смехом, завопил: «Ребята! Э, пацаны! А ведь Архимед — голый!» И хотя это была истинная правда, его тут же на месте, поймав за ухо, жестоко выпорол солдатским ремнем науколюбивый отец его.

— Возможно,— сказал Спиридон.— Возможно... Да-ва-ка мы почтаем, Саша. Должен тебе сказать, что меня крайне интересует, что о нас знают и помнят люди.

Я взял папку, положил ее к себе на колени и развязал тесемочки. Мне и самому было интересно. Материалы эти я знал с детства. Мой дядя, малоизвестный специалист по Японии, затеял некогда книгу под странным названием «Спруты и люди». Его обуревала идея, что головоногие с незапамятных времен имели весьма тесные контакты с людьми. Чтобы обосновать эту мысль, он перекопал кучу книг, архивов, записал множество японских легенд и все самое интересное, с его точки зрения, перевел на русский и собрал в эту папку. Книгу написать ему не удалось: он увлекся диссертацией на тему «Предательство японской либеральной буржуазии интересов японского рабочего класса». Папка была заброшена, большая часть материалов утрачена, но кое-что осталось — стопка пожелтевшей бумаги, испанской ровным дядиным почерком. На каждом листочке — выписка из какой-нибудь книги или рукописи с непременной ссылкой на использованный источник.

— Подряд читать?— спросил я.

— Подряд, подряд,— сказал Спиридон.

— Ладно.— Я взял первый листок.— «Ика имеет восемь ног и короткое туловище, ноги собраны около рта, и на брюхе сжат клов. Внутри имеет дочечку, содержащую тушь. Когда встречает большую рыбу, извергает тушь волнами, чтобы скрыть свое тело. Когда встречает мелких рыб и чилимсов, выплевывает тушевую слюну, чтобы приманить их» («Книга вед»).

— Что такое тушевая слюна?— спросил Спиридон.

— Нет уж, это ты мне скажи, пожалуйста, что такое тушевая слюна,— возразил я.— И заодно — каким образом дочечка может содержать тушь?

— Забавно, забавно,— задумчиво сказал Спиридон.— Видимо, перед нами здесь наивное описание небольшой каракатицы. Хотя каракатицы никогда не знали приличий. Более неприличное существо трудно себе вообразить. Я, во всяком случае, не берусь. Разве что Клоп. Ну ладно, дальше.

— «По мнению Бидзана,— прочитал я,— ика есть не что иное, как метаморфоза ворона, ибо есть и в наше время у ика на брюхе вороний клов, и потому слово «ика» пишется знаками «ворона» и «каракатица» («Сведения о небесном, земном и человеческом»).

— Какая вульгарная фантазия,— пробормотал Спиридон.— Дальше.

— «К северу от горы Дотоко есть большое озеро, и глубина его очень велика. Люди говорят, что оно сообщается с морем. В годы Энё в его водах часто ловили ика и ели ввареном виде. Ика всплывает и лежит на воде. Увидев это, вороньи принимают его за мертвого и спускаются клевать. Тогда ика сворачивается в клубок и хватает их. Поэтому слово «ика» пишется знаками «ворона» и «каракатица». Что касается туши, которая содержится в теле ика, то ее можно писать, но со временем написанное пропадает и бумага снова делается чистой. Этим пользуются, когда пишут ложные клятвы» («Книга гор и морей»).

Пока я читал, в павильон вошел Федя. Он поклонился Спиридону, уселся рядом со мной и стал слушать. Когда я кончил читать, Спиридон проворчал:

— Вот это более похоже на правду. Я сам, признаюсь, так лавил альбатросов в молодости... Я только не понимаю, почему всех этих людей так интересуют вороньи и туши? Сплошные вороньи и туши.

— Тушью в те времена писали,— сказал я.— А с воронами вас связывают из-за клюва. Неужели непонятно?

— Предположим,— сказал Спиридон холодно.— Здравствуйте, Федор. Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, хорошо,— тихонько сказал Федя.— Я не помешаю?

— Ни в какой мере,— сказал Спиридон.— Продолжай, Саша.

— «Согласно старинным преданиям ика являются челядью при особе князя Внутреннего моря Цзо. При встрече с большой рыбой они выпускают черную тушу на несколько шагов вокруг, чтобы спрятать в ней свое тело» («Книга гор и морей»).

— Опять тушь,— проворчал Спиридон.— Дальше.

— «У поэта древности Цзо Сы в «Оде столицы У» сказано: «Ика держит меч». Это потому, что в теле ика есть лекарственный меч, а сам ика относится к роду крабов» («Книга вод»).

— Нет, не поэтому,— сказал Спиридон.— А потому, что Цзо Сы по своей глупости превосходит даже Бидзана, упоминавшего выше. Дальше.

— «В море водится ика, спина его похожа на игральную кость, телом он короткий, имеет восемь ног. Облик его напоминает большого голого человека с круглой головой» («Записи об обитателях моря»).

— Ну, это про осьминогов,— сказал Спиридон.— У них спина еще и не на то похожа. На месте осьминога я бы, конечно, обиделся, но я, слава богу, на своем месте. Продолжай.

— «В бухте Сугороку видели большого тако. Голова его круглая, глаза, как луна, длина его достигала тридцати шагов. Цветом он был как жемчуг, но когда пытался, становился фиолетовым. Совокупившись с самкой, съедал ее. Он привлекал запахом множества птиц и брал их с воды» («Упоминание о тиграх вод»).

— Гм,— сказал Спиридон.— Может быть, это был я. Какого века материал?

— Не знаю,— ответил я.— Здесь не написано.

— Гм. Цветом, как жемчуг... Где она, эта ваша Япония? Это такие островки на краю Тихого океана?.. Очень возможно, очень... Ну, дальше!

— «Береговой человек говорит: ика, тако, но не знает разницы. Оба знают волшебство, имеют руки вокруг рта и тушь внутри тела. А человек моря различает из легко, ибо у ика брюхом длинное и снабжено крыльями, восемь рук поджаты и две протянуты, в то время как у тако брюхом круглое и мягкое, восемь рук протянуты во все стороны. У ика иногда вырастают на руках железные крючья, поэтому ныряльщицы боятся его» («Упоминание о тиграх вод»).

— Здесь какая-то нелогичность,— задумчиво заметил Спиридон.— Раньше авторы этих заметок все время путали кальмара с осьминогом. И вообще все эти люди — и береговые, и морские — по-видимому, до смерти нас боятся. Я всегда так думал. Приятно услышать подтверждение. Ну-ну, а что там дальше?

— Продолжение следует.

«ЗНАЙ СВОЮ РОДИНУ»

Судя по письмам (а их на этот раз особенно много), предваряющим домашние работы, большинство читателей участвуют в нашем конкурсе потому, что он дает им возможность увлекательных поисков, узнавания неизвестного. «Свою Родину, ее историю надо знать лучше» — таков лейтмотив большинства откликов. «Обращается к вам постоянная теперь ваша читательница Жердева Людмила Алексеевна. Мне 35 лет, работаю швеей. «Смену» выписываю пятый год. Все эти годы я старательно отгадывала вопросы ваших конкурсов. И лишь сейчас осмелилась написать. Подтолкнули меня муж и три дочки. Говорят, не трусь, напиши, и я решилась. Конечно, не я первая говорю вам: «Огромное спасибо за конкурсы зрудитов!» И дело совсем не в том, кто выигрывает, а в том, что тут нет проигравших. И пусть в моих ответах что-то не так, но знания, которые я приобрела, роясь в книгах и журналах, остаются со мной».

Впервые прислала ответы и Татьяна Михайловна Тюрина из Бийска. В письме она, в частности, говорит: «Вам уже многие писали, какое это увлекательное творчество — искать ответы на сначала, казалось бы, труднейшие вопросы. А я вам скажу, что игра эта еще и заядлая, азартная. Кто хоть раз перерыв ворох книг, журналов в поисках пусть намека, пусть крупицы ответа на интересующий тебя вопрос, а потом — вот он, ответ! победа! такое удовлетворение — тот навсегда полюбил и привязался к этому занятию. Самый интересный и трудный вопрос, на мой взгляд: шестой. Может быть, это поэма «Душенька» Богдановича. Не знаю, продолжаю искать».

В числе интересных назвала шестой вопрос и Надежда Михайловна Авилова из Белгорода: с ним много пришлось повозиться. И если раньше мне казалось, что я более менее знаю русскую литературу, то теперь поняла, что ошибаюсь. Как раз период 1700—1850 годов оказался как бы пропущенным. После отправки ответов начну читать поэты того времени. Спасибо за этот вопрос».

Кстати, вот как искали ответ на этот вопрос двое из наших читателей. Учительница Галина Анатольевна Хорольская из Горловки: «Вот шестой вопрос. Прямого ответа нигде не нашли, но был в одной из книг список всех членов Российской Академии наук, была Литературная энциклопедия. Пришлось провести исследование, кто из поэтов, членов академии, был в нее зачислен в год написания своей поэмы. Нашли только одного». (Заметим, что Хорольская искала ответы вместе с семьей). Постоянный участник наших конкурсов Валентин Федорович Гужов: «Самым интересным и оригинальным считаю вопрос под № 6. Вот «ключик» к ответу. 1. Важно узнать, кто из русских поэтов того времени входил в Российскую академию. 2. Версия: кто-либо из знаменитых поэтов — А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Г.Р. Державин — отпадает. 3. Узнать, кто до Пушкина был почитаем в русской поэзии. 4. Точно. В истории сооружения пушкинских поэм упоминается «Душенька» И.Ф. Богдановича.

5. «Памятные книжные даты», 1983. Богданович И.Ф. Ответ найден! В то же время это увлекательнейшая экскурсия в историю «легкой поэзии». (Домашняя работа В.Гужова из деревни Копалинска Архангельской области заслуживает по крайней мере диплома «Смены». Но она оформлена с отступлениями от условий конкурса — в частности не разделена на две отдельные части, а такие работы жюри не рассматривало.)

Некоторые статистические подсчеты. Получены многие сотни писем из самых разных уголков страны. Десять из каждого десяти писем пришли из городов. Из каждого четырех участников четвертого тура трое — женщины. Возрастной диапазон — от учеников седьмого класса до 87-летнего Владимира Арсентьевича Муравлянского из Бийска, который, как он пишет, старается не стареть душой и вместо аптек ходит в библиотеки. Свыше ста участников ответили на восемь и больше вопросов.

Жюри просмотрело все домашние работы и тщательно изучило те из них, которые претендовали на высокую оценку. Лучшей признана работа Софии Мстиславовны Левитской из Днепропетровска, точно ответившей на все вопросы и удачно прокомментировавшей ответы. Она награждена бесплатной путевкой в международный туристский центр «Спутник». Потом не уступает ей работа К. Кондратьевой из Москвы, не столь, правда, точно ответившей на второй вопрос. (Надо сказать, жюри в принципе не считало неверным любой поддающийся проверке ответ на второй вопрос, дата в котором не превышает 1922 год; как показал конкурс, абсолютно точного ответа на второй вопрос пока нет.) К. Кондратьева награждена книгами и дипломом БММТ «Спутник». Такие же награды получит С. Журиба из села Подгорное Львовской области.

Отмечены книги работы И. Афанасьевой из Уфы, В. Власенко из Хабаровска, ученицы 8-го класса из Кунгура Пермской области Л. Власовой, Н. Захаровой из Новосибирска, А. Исакова из Кривого Рога, З. Калимбетовой из Донецка, Е. Киливника из Днепропетровска, Н. Кондратьевой из Новосибирска, А. Лосовика из Бобруйска Могилевской области, Т. Русаковой из Макеевки Донецкой области, Л. Черновой из Светогорска Ленинградской области, В. Шистко из Ворошиловграда. Все названные читатели будут награждены также дипломами «Смены».

Дипломы нашего журнала получат, кроме того, участники конкурса: ученики 9 «А» класса школы № 117 из Кривого Рога, М. Белушкина из Калуги, А. Брынцев из Москвы, А. Виссарионов из Армавира Краснодарского края, В. Воронин из Брянска, В. Диценко из пос. Михайловка Запорожской области, И. Днепровский из Москвы, В. Елисеев из села Сафоново Липецкой области, Л. Жердева из пос. Базарного Карабулака Саратовской области, семья Кирилловых из Ленинграда, Е. Климова из Тарусы Калужской области, М. Княжникова из Витебска, С. Коробко из Владивостока, А. Малютин из Нальчика, В. Обуховский из Воронежа, Н. Симакова из пос. Южный Алтайского края, Т. Тюрина из Бийска Алтайского края, Г. Хахай из Уфы, А. Хроков из села Большой Въязь Пензенской области, З. Чертович из Минска.

Сердечно поздравляем победителей и благодарим всех участников четвертого тура.

Ответы на вопросы таковы:

1. Павлик Андреев и Саша Киреев. Оба работали на заводе Михельсона (ныне завод имени Владимира Ильича).

2. Это было в 1922 году в городе Караклис (теперь Кировакан) в Советской Армении. Приближалась пятая годовщина Октябрьской револю-

ции, и исполком Караклисского уездного Совета решил отметить праздник сооружением в городе монумента в честь В.И. Ленина. Скульптурный бюст поручили создать местному учителю рисования Рубену Атояну, которому затем пришлось стать и строителем постамента. Монумент был открыт 6 ноября. Через шесть лет его заменили другим, а первоначальный бюст был передан Дому пионеров.

3. Федор Степанович Гуляев, житель алтайской деревни Рассказиха. В 1919 году близ нее заблудился белогвардейский отряд. Гуляев ночью завел отряд в непроходимое лесное болото, а сам сумел убежать. Из Москвы на Алтай он вернулся с орденом Красного Знамени, именной саблей и двойной фамилией Гуляев-Сусанин.

4. Дмитрий Стахиевич Моор (настоящая фамилия Орлов). Рядом с Николаем II были изображены «Царь-пушка» и «Царь-колокол». И внизу надпись: «Не стреляет, не звонит, не царствует».

5. В Черкасске по приказу Петра I после взятия Азова, 18 августа 1696 года.

6. «Душенька» И.Ф. Богдановича.

7. На фабрике «Равенство» в Ленинграде в 1928 году секретарь ячейки ВЛКСМ К. Смирнов.

8. «Бессмертие». Напечатано в «Правде» 15 сентября 1943 года.

9. В Москве — «Муравей», в Петрограде — «Спартак», в Белоруссии — «Красный молодняк». Они созданы по инициативе комсомола.

10. Валерий Ильич Рождественский.

11. С просьбой к П.И. Чайковскому обратился издатель популярного петербургского журнала «Нувеллист» Н.М. Бернард, предложил написать двенадцать пьес по числу месяцев в году, чтобы напечатать их в журнале за 1876 год. Эпиграфами пьесы предварил сам издатель, давая им поэтическое истолкование. Он использовал стихи А.Пушкина, В. Жуковского, П. Вяземского, А.К. Толстого, Н. Некрасова, А. Майкова, А. Фета, А. Плещеева, А. Кольцова.

12. Первый советский металлический самолет «АНТ-2» построил в 1924 году молодой конструктор А.Н. Туполев из кольчугалюминия, похожего на дюралюминий сплава, который производил тогда лишь Кольчугинский завод. Предварительно Туполев построил из него аэротесни, чтобы испытать сплав.

Приводим краткий список источников, откуда переняты вопросы четвертого тура: «Глобус-1980»; альбом плакатов и карикатур Д.Моора: «История ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации», М., «Просвещение», 1983; С. Венецкий. «Рассказы о металлах», М., «Металлургия», 1985; «Памятные книжные даты 1983»; «Неделя», № 45 за 1985 год; «Молодежный календарь» на 1977 год; «Литература в школе» № 2 за 1979 год; календарь «Спорт» на 1978 год; «Техника — молодежи» № 10 за 1980 год; календарь «В мире прекрасного» на 1983 год. Как видите, издания в основном популярные и доступные. Итоги конкурса на лучшие вопросы мы приведем вместе с итогами пятого тура.

Читайте в ближайших номерах:

Ваше слово,
народные контролеры!
Фотоочерк.

Школа будущего — новая модель.

Совет молодых.
Опыт Норильска.

Как быть
с одиночеством.
Письма читателей.

Видеокafe
на подряде.

Исторические новеллы
Валентина Пикуля.

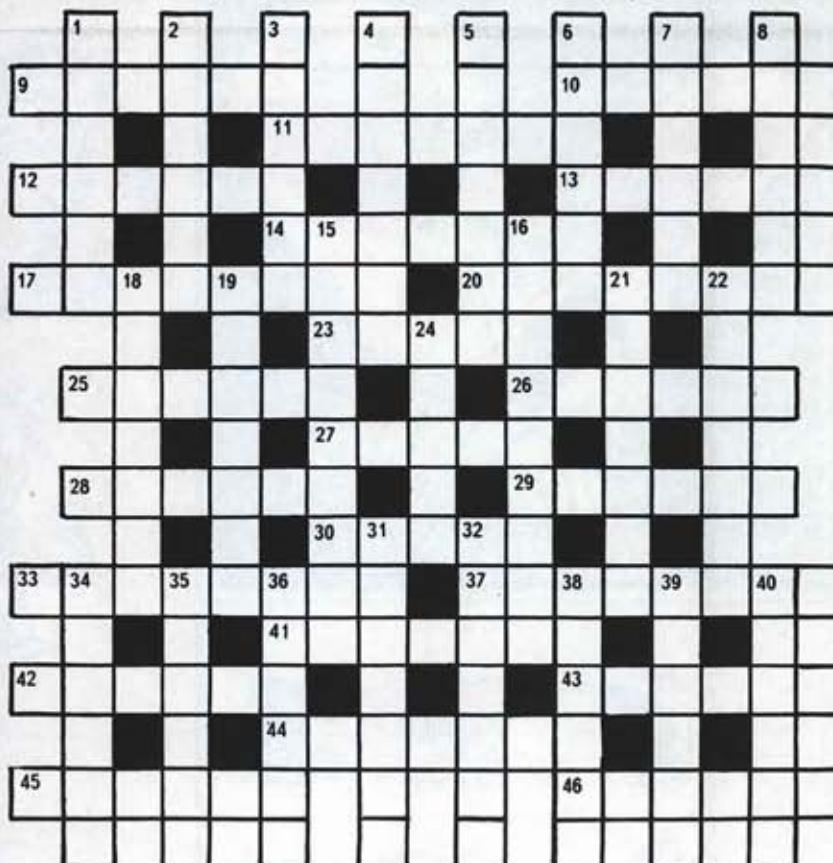
Комсомол
и проблемы
молодежного театра.

Непубликовавшиеся
стихи
Владимира Высоцкого.

Подпись на «Смену»
не закончилась,
она продолжается.
Вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве «Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу журнал
поступает
в ограниченном
количество.

КРОССВОРД

Составил В. БАШАШИН, Москва

По горизонтали:

9. Самоцвет, название которого на персидском языке значит «камень счастья», а на арабском — «камень, дающий победу, удачу в делах». 10. Обратная сторона медали, монеты. 11. «Она была ... , Маша, и всегда умела найти в поле, на лугу, в лесу что-нибудь съедобное и вкусное» (А. Мусатов «Стожары»). 12. «Чем ты занимаешься?» — спрашивает Батильда. — «Рукодельница, помогаю по хозяйству», — отвечает девушка. — «Но есть, наверно, еще что-нибудь, что ты делаешь охотнее?» — допытывается знатная госпожа. — «О да, больше всего на свете я люблю танцевать» (балет). 13. Среднеазиатский музыкальный инструмент со струнами в виде лука. 14. Птица, упоминаемая в стихотворении А. Фета «Был чудный майский день в Москве...». 17. Необычное мнение, суждение. 20. Натриевая соль для промышленных целей. 23. Бадминтон — ..., хоккей — шайба. 25. Величавость, важность манер. 26. Бархат, пиния, секвойя (обобщающее название). 27. Американский художник и изобретатель, разработавший телеграфный код. 28. Невольница, узница в старину (по Далю). 29. Южный ерш, иногда называемый бобрым кальма. 30. Остров у восточного побережья Бразилии. 33. Мал ..., да дорог. 37. Природное явление, предсказавшее неудачу герою «Слова о полку Игореве». 41. Блок держав, в который входила царская Россия. 42. Французский писатель, замечательный стилист. 43. Советский тяжелоатлет, многократный рекордсмен мира. 44. Наказание за проступок. 45. Бульдогу свойственна мертвая 46. Европейская страна, куда в древности из Китая была завезена тамошняя порода свиней, ставшая родоначальницей всех современных пород.

По вертикали:

1. Дереза, карагана (третье название кустарника). 2. Плоская ванночка в фотоделе. 3. Директор шахты в романе А. Фадеева «Молодая гвардия». 4. Банковская операция. 5. Героиня греческого мифа, с которым связана поэма Ф. Шиллера «Элевсинский празднник». 6. Буря с вихрями. 7. Астрид Линдгрен (национальность). 8. Пьеса В. Гюго. 15. Камень цвета морской синевы, древний талисман моряков. 16. Продукт, полученный из паров. 18. Работа, предшествующая воздействию рос на льняную соломку. 19. Врач, ко-
- торого боятся даже мужчины. 21. Герой рассказа И. Тургенева «Муму». 22. Французский эпидемиолог, открывший возбудителя малярии. 24. А. Блок, С. Есенин, Ф. Тютчев (поэтическая характеристика). 31. Восьмиугольник. 32. Французский певец-шансонье. 34. Способ охоты на крупных зверей. 35. Круг, сфера действия, распространения. 36. Северный кит, обитающий возле полюсов. 38. Средневековое название Крымского полуострова. 39. Неразбериха, путаница. 40. Литературный прием, мастером которого был Б. Шоу.

ЛЮБИТЕЛИЯМ ШАХМАТ!

Итоги шахматной олимпиады, завершившейся в конце прошлого года, подведены. Они будут опубликованы в четырнадцатом номере журнала.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 12 (1442)
июнь 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владимир СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
(заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Виталий ФЕДОРОВ

Художник
Вячеслав ПАВЛОВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.

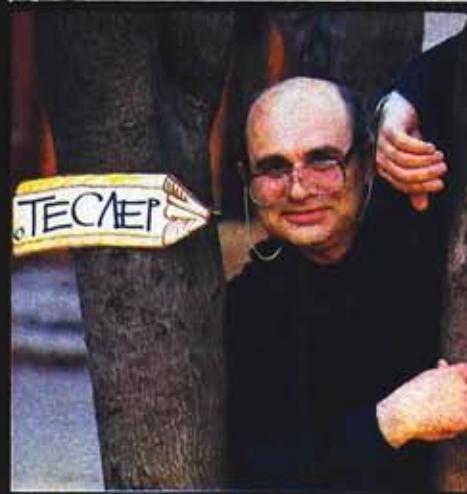
212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда».
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 04.05.87.
Подписано к печати 15.05.87.
А 05081. Формат 70×108 1/4.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 300 000 экз.
Изд. № 1491. Заказ № 624.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

У художника
Олега Теслера
юбилей — 25-летие
окончания
Московского
института
инженеров
железнодорожного
транспорта.

По счастью, Олег
не посвятил себя
этой профессии
и не сделал карьеру
по линии МПС:
неизвестно,
что творилось бы
на железной дороге,
руководимой
инженером-
юмористом...

Первую
свою карикатуру
Олег нарисовал
тоже 25 лет назад.
В «Смене»
посмеялись
над молодым
самоцаденным
автором и...
опубликовали
рисунок.

Сегодня
на этой странице —
рисунок № 401.
у Олега
притягательные
отношения
с несчастливым
числом 13:
в тридцати
разных странах
участвовал
в конкурсах
карикатуры
и получил
тридцать премий.
Надеется
преодолеть
заклятое число
и получить
четырнадцатую.
Чего и мы ему
желаем.

ОЛЕГ ТЕСЛЕР

